

IV Очередной Всероссийский социологический конгресс

Социология и общество:
глобальные вызовы и региональное развитие

1

Круглый стол 1

**Социокультурные
процессы
на севере России**

Анисимова С. Г., Якутск

Социально-экономические проблемы северных территорий¹

Аннотация

В статье представлены результаты социологических исследований, проведенных в последние годы, что позволило определить наиболее острые проблемы коренных малочисленных народов и всего населения циркумполярного пояса России.

Ключевые слова: социальные проблемы, девиации, коренные малочисленные народы, северные территории, циркумполярный пояс

Глубокие хозяйственные, политические и социальные реформы, вызвавшие сдвиги в идеологии, социальной политике и экономике, происходят в России уже более четверти века. За это время в полной мере проявилась постулированная Э. Дюркгеймом закономерность: «в момент общественной дезинтеграции, будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований, общество оказывается неспособным проявлять нужное воздействие на человека, порождая состояние беззакония, отсутствия правовых норм» [1, 293-294]. Во всех сферах жизнедеятельности и социальных институтах распространилась аномия, однако, протекала она с различной степенью выраженности в соответствии с объективными противоречиями общественного и социокультурного развития. Асинхронность процессов дезинтеграции обусловлена тем, что территории России издавна населены народами, имеющими существенные отличия в религии, культуре, способах хозяйствования, географическом расположении и т. д.

На рубеже XX и XXI столетий обострилась проблема жизнедеятельности коренных народов Северо-Востока России, что связано с интенсификацией уже существующих видов промышленности (алмазо- и золотодобыча, лесозаготовки), разворачиванием новых производств (нефть, газ) и сопутствующим проникновением на северные территории потребительской культуры и укладов жизни, характерных для индустриальной цивилизации. На Крайнем Севере социально-экономические проблемы осложняются «набором» исторических, географических, демографических, производственных,

¹ На примере Республики Саха (Якутия).

социокультурных, криминогенных и этнических факторов. Критической социально-экономической и социокультурной проблемой является разрыв между необходимостью индустриального освоения северных территорий и важностью сохранения в долгосрочной перспективе проживающих на этих территориях коренных малочисленных народов (во всей полноте их существования, включая хозяйствование, образ жизни, культуру).

В условиях постоянных реформ конфликтность усиливается постоянно присутствующей неопределённостью и размытостью стандартов взаимодействия между интересами центра и регионов, отдельных людей и социальных групп, социальных общностей и общества, общества и индивидов. Непрерывные «рывки» в экономическом и социально-политическом развитии сопровождаются разрушением предшествующей социальной организации «до основания», сменой либеральных и авторитарных режимов на протяжении всей истории российского государства. В национально-административных образованиях Северного Кавказа, Поволжья, Сибири «революционный переход» от феодализма к социализму закрепил устойчивую дуальную систему ценностей. Кроме того, коллективное сознание россиян регулярно подвергается очередному испытанию благодаря искажению исторических фактов и ниспровержению прежних идеалов: разгром таких фундаментальных ценностей как великое государство и единая социальная общность — советский народ, столкнули в «пропасть» остальные ценности практически без сопротивления. Необходимо отметить, что мощное влияние цивилизационного разлома, разрушения имперского сознания и мышления «простого советского человека» — представителя единой общности, выступило как катализатор стремительного размывания ценностно-нормативной системы и «расползания» аномии.

В правовом пространстве произошла нивелировка императивности законов и уменьшение сферы реального государственно-правового регулирования, началось «построение...по семейно-клановому признаку, возникли корпоративно-клановые структуры, захватившие основные сферы производства (сырьё, естественные монополии, оборонка, АПК)» [2, 90], создав ситуацию, когда «коррупция становится органической субсистемой российского социума и приобретает системообразующий характер» [2, 88]. Во всех сегментах экономической сферы и сопряжённых с нею областях наблюдаются институциональные деформации, стремительное расширение «теневой» и неформальной экономики. На фоне симбиоза теневого сектора и органов государственной власти в производственно-трудовой сфере совершаются финансовые и налоговые правонарушения и преступления, распространяются «теневые трудовые практики» [3], происходит системное ущемление прав наёмных работников, нарушаются обычаи «делового оборота» и др. Учёные считают, что «различные формы взяток и откатов сегодня считаются необходимым условием жизни, а старая формула «не подмажешь — не поедешь» стала в последние годы нормой жизни, масштабы распространения которой значительно превзошли царское, советское и даже ельцинское время и отнюдь не проявляют тенденции к уменьшению» [4,92].

В целом, гигантская территория (географический фактор) и длительное сочетание патернализма и авторитаризма способствует постоянному поглощению общества государством и цементирует в коллективном сознании приверженность к сильной власти, «имперское» мышление. В результате наблюдается феномен «парадоксального» человека, когда сочетание «имперского мышления» представителя советского народа и национально-территориальных менталитетов, создаёт области жёсткой напряжённости, вызывает сдвиги в идентификации, внутриличностные, межличностные и межгрупповые конфликты.

Республика Саха (Якутия) – крупнейший субъект Российской Федерации, испытывает на себе влияние всего причинного комплекса дезинтеграции. Якутия отличается экстремальным резко-континентальным климатом, неразвитой транспортной инфраструктурой, крайне малой плотностью населения – 0,31 чел. на 1 км². Численность населения РС (Я) на 1 января 2011 г. года составила всего 958, 5 тыс. человек, 1/3 населения – жители сельской местности, в столице республики г. Якутске проживают 266 тыс. человек [5]. В настоящее время основной интерес республика представляет как сырьевая база: на территории находятся по приблизительным подсчётам около 1/3 мировых запасов полезных ископаемых (алмазы, золото, нефть, газ, уран, олово и т. д.) и огромные природные ресурсы – лес, чистая вода, что активизирует продвижение в республику добывающих российских монополистов («Транснефтегаз», «Сургутнефтегаз» и др.) и крупных зарубежных компаний (транснациональная группа «Мечел», китайские и корейские инвесторы и др.).

На протяжении первых лет перестройки произошёл развал промышленности республики, за исключением, алмазодобывающего комплекса и части предприятий, поддерживающих жизнедеятельность поселений. В районах промышленного освоения Севера, в связи с закрытием предприятий по добыче олова, переходом золотодобычи под контроль местных и этнических криминальных группировок, разрушением системы транспортных коммуникаций, закрытием ряда предприятий, осуществлявших речные, воздушные, автомобильные перевозки, и обслуживающих организаций, развалом социальной инфраструктуры, исчезли с географической карты десятки посёлков городского типа с квалифицированным населением. Процессы деклассирования и маргинализации затронули значительную часть населения региона, прибывших «на севера» в период промышленного освоения территории. Надо заметить, что в районах циркумполярной зоны сформировалась специфическая ментальность, связанная с заселением северных территорий с 1960-х гг. (период мощного промышленного освоения), когда сюда прибывали и «за туманом и запахом тайги», и «за длинным рублём». С начала 1990-х гг. происходило снижение количества населения, разрушение демографического и трудового потенциала, потеря групп населения, имеющего профессионально-квалификационные навыки, адекватные экстремальной среде жизнедеятельности, нарастала искусственная люмпенизация граждан трудоспособного возраста и увеличился приток низкоквалифицированной рабочей силы из республик бывшего СССР и стран зарубежья.

На уровне общностей произошло возрождение «архетипичных» идентичностей – «землячеств», быстро мутировавших в сторону организованных преступных сообществ, которые и конкурируют, и контактируют с квазиэтническими группировками, объединяющими граждан России и постсоветских государств, и уголовными сообществами, состоящими из граждан бывших советских республик (Украина, Таджикистан, Армения, Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан и других), в основном, ориентированных на совершение деликтов корыстной направленности и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Сформировались ареалы бедности и социальной неуспешности за счёт ценностных трансформаций, когда индивидуальный успех как форма общественного признания сталкивается с неравенством индивидов в обладании ресурсами и средствами для его достижения. Транслируемые потребительские установки и ценности стимулируют, с одной стороны, распространение пассивно-рекреационных жизненных практик, вытесняющих производительно-продуктивные, расширение маргинальных слоёв, имеющих «пёстрый состав»; с другой стороны, влекут профессионально - трудовую деградацию основной массы работников, изнашивание организма за счёт вынужденной занятости в нескольких местах (в основном, это характерно для женщин) [6,78]. Проживание в экстремальных условиях вызывает перманентный стресс, подпитываемый отсутствием возможностей для полноценного досуга и рекреации за счёт «отмены» (неисполнения), утверждённых в советское время законодательных актов, регулирующих трудовую деятельность в сложных условиях, таких как Закон РФ от 19.02.1993 г. «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, проживающих и работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

В условиях постоянных реформ, под параллельным, но неоднозначным влиянием глобальной цивилизации и массовой культуры формы хозяйствования, характерные для народов коренных народов Севера (якуты, эвенки, эвены, долгане, чукчи, юкагиры, «местные русские» - русскоустыинцы и др.), присущие им формы социальной организации, национальной культуры, ценностные установки и ментальные доминанты подвергаются испытанию «на выживание». С 1990 по 2005 гг. по Республике Саха (Якутия) среднегодовая численность населения в районах проживания малочисленных народов Севера уменьшилась на 17, 9 тыс. человек. В 2005 году насчитывалось 56 тыс. человек, что составляло 5,9 % от всего населения Якутии. Из этого количества населения в сельской местности проживало 21, 5 тыс. человек. По итогам переписи 2010 г. количество представителей малочисленных коренных народов Севера существенно меньше числа представителей бывших братских республик – Кыргызстана, Армении, Узбекистана, Таджикистана. Так, долган в Якутии проживает 1906 человек (0,2%), юкагиров – 1281 (0,1%). Несколько больше эвенков - 21 тыс. человек (2,2%) и эвенов – 15 тыс. человек (1,6%) [5].

На фоне масштабного освоения природных ресурсов северных территорий крупными компаниями происходят «размывание» хозяйственно-экономической действительности коренных народов; утрата националь-

ной идентичности, её «отрыв» от национальной культуры (утрата языка, этноспецифичных форм общения и поведения, национальных ценностей). Уже свершившимся фактом является то, что большинство представителей коренных народов трудятся вне традиционного хозяйства [7,178]. Наблюдается «разрушение генофонда в результате миграций, падения рождаемости, изменения репродуктивного поведения» [8,5]. В регионе с начала 1990-х гг. выдвинулись на «поверхность» разнообразные девиации, увеличилась заболеваемость психоневрологическими заболеваниями, в то время как уровень рождаемости имел тенденцию к падению, а уровень смертности - к повышению. В настоящее время для циркумполярного пояса наибольшую социальную опасность представляют суицид, алкоголизм, принимающий форму «пивной эпидемии» среди молодежи и бытового пьянства в целом [9,66]; потребление разнообразных психоактивных веществ - курительных наркотических смесей, дезоморфина, называемого «героином для бедных», транквилизаторов, барбитуратов и т. п. [10,117]. Суицидальность среди представителей коренных народов Севера — детей, молодёжи, трудоспособных мужчин, в десятки раз превышает общий уровень самоубийств по сравнению с другими этническими группами республики (1 место в России по данным 2007 г.) [11].

Материалы исследований 2010 года, проведённые в Красноярском крае и Республике Саха (Якутия) (N=298), позволили выявить различные аспекты жизнедеятельности коренных народов Севера [7]. Менее половины опрошенных представителей малочисленных коренных народов Севера вовлечены в традиционные виды хозяйства (основная работа либо заняты частично) вне зависимости от пола и возраста респондента. От поколения к поколению занятость в традиционных видах хозяйства не снижается (в среднем для 37% респондентов разных поколений это основная работа, а 13% заняты в традиционном хозяйстве частично). Важно отметить, что доля респондентов, для которых традиционные промыслы являются основным источником дохода, существенно меньше, чем доля тех, для кого традиционные промыслы являются видом трудовой занятости. С точки зрения получения дохода традиционные виды хозяйства не конкурентоспособны с привнесёнными индустриальной цивилизацией видами деятельности, соответственно, во всех возрастных группах высока доля тех, чьим основным источником доходов являются социальные выплаты.

Среди национальных традиций и видов занятий сохраняют значимость «прагматически ценные»: национальная кухня — много значит для 44% респондентов; национальные сельское хозяйство, охота, ремесло — для 48%. Остальные формы культуры и виды деятельности имеют большое значение лишь для 1/3 респондентов. Можно заметить, что лидируют как сохраняющие значимость формы жизнеобеспечения, использующие местные ресурсы, так, национальная кухня позволяет эффективно использовать местные продукты питания, снижая денежные затраты на питание, а национальные промыслы в настоящее время малоэффективны как источник денежного дохода, но дают доход в виде натуральной продукции. В наибольшей мере отвергаются («нисколько не значат в жизни») народные

песни, танцы, национальная одежда, народные предания, традиции жизни и поведения. По-видимому, эти аспекты народной культуры воспринимаются как «декоративные», не несущие прагматического смысла, а также и какого-то иного смысла.

Малочисленные народы (юкагиры, эвены и др.) фактически утрачивают национальный язык, живые носители языка, скорее всего, скоро исчезнут. Эвенки – наиболее многочисленный из коренных народов Севера – имеет шансы сохранить национальный язык, поскольку всё ещё сохраняется определённая доля носителей языка и большинство родителей намерены учить детей родному языку.

Самый низкий уровень значимости народных традиций и занятий (в среднем) наблюдается у респондентов в возрасте от 20 до 39 лет. Более привержены традициям респонденты из возрастных групп 40-59 и 60-80 лет. Представители старших возрастных групп, вопреки расхожим представлениям, не демонстрируют большой приверженности традициям. Ядром этноса, основными носителями традиций являются 40-59-летние, ещё ценящие традиции и при этом сохраняющие ресурс здоровья и жизненной энергии. Для группы 20-40-летних характерен умеренный интерес к национальным традициям (для трети из них традиции всё же «немного значат») и меньшая степень определённости отношения к национальным традициям. Люди, чьи доходы в основном определяются социальными пособиями, утрачивают приверженность национальной культуре. В то же время люди, живущие на заработки в организации и доходы традиционного хозяйства, в большей мере сохраняют приверженность национальной культуре.

Можно заметить, что среди представителей северных народов распространяется неэкологическое, псевдорациональное мышление, воплощающееся в поговорке «после нас хоть потоп», что прослеживается в экстенсивном типе хозяйствования, расточительном отношении к земельным, водным, лесным ресурсам и в отношениях людей между собой, когда «лес рубят, щепки летят». Таким образом, велик риск необратимой диссипации коренных народов за короткое время (в перспективе 2-3 поколений) с потерей их самобытности, уникального исторического опыта, их особых способов жизни в природном и социальном окружении.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социол. этюд.: пер. с фр. / Э.Дюркгейм. — Изд. Подгот. Вал. А. Луков. СПб, 1998.
2. Романенко М.В. Основные тенденции криминализации современной России // Социология. 2007. № 2. С.88-97.
3. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социс. 2002. № 6. С. 3-17.
4. Феофанов К.А. Социально-политические и ценностно-ментальные особенности российского управления // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 2. С. 89-96.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/> (Дата обращения: 20.12.2011).
6. Анисимова С.Г. Женщины и рынок труда: итоги мониторинга / Ком. по делам семьи и детства при Президенте Респ. Саха (Якутия); [под общ. ред. к.э.н. А.Е. Сергучева]. — Якутск: Компания «Дани Алмас», 2010. - 88 с.
7. Научный отчет по работе 2.27.1. «Разработка методологии форсайта этносов Северо-Востока Российской Федерации» по теме 2.27. «Форсайт этносов Северо-Востока РФ до 2050 г.» по проекту 2.2 «Формирование современных практик междисциплинарных гуманитарных исследований и создание культурно-образовательной среды для арктических циркумполярных территорий» по мероприятию «Программа развития СВФУ» / Руководитель — С.Г. Анисимова. Якутск, 2011. - 238 с.
8. Этническая геномика якутов (народов саха): генетические особенности и популяционная история / Л.А. Тарская, А.И. Гоголев, Г.И. Ельчинова и др.; [отв. ред.С.Д.Варфоломеев]; Ин-т молекуляр. Генетики РАН. — М.: Наука, 2009. - 271 с.
9. Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона / С.А. Сукнёва. — Новосибирск: Наука, 2010. - 168 с.
10. Анисимова С.Г. Наркотизм молодежи северных территорий: особенности и профилактика (на примере Республики Саха (Якутия)) // СОЦИС. 2011. № 7. С. 113-118.
11. Можайский А. Отец народа: интервью с первым Президентом Якутии М.Е. Николаевым // «Эхо столицы». 2007. № 38. С. 10.

Баишева С. М., Якутск

Региональная политика поддержки предпринимательства¹

Аннотация

В статье рассматриваются формы и методы государственной поддержки предпринимательства, определяющие его функционирование в условиях региона. Главный акцент сделан на административные механизмы государственного регулирования предпринимательской деятельности, перспективы развития отрасли.

Ключевые слова: государственная политика, регулирование предпринимательства, нормативно-правовая база, финансово-кредитный механизм, инфраструктура поддержки предпринимательства, общественные объединения предпринимателей

В соответствии с современным уровнем социально-экономического развития РС (Я) приоритетными задачами государственной политики в области малого и среднего предпринимательства являются содействие развитию товарного производства и социально-значимых услуг (прежде всего, в сельской местности, в целях сокращения безработицы), повышение уровня жизни населения.

Повседневная работа государственных органов власти в сфере предпринимательства направлена на совершенствование нормативно-правовой базы, снижение налоговой нагрузки на малый бизнес, налаживание связей и поиск приемлемых методов взаимодействия с муниципальными образованияами, бизнес - структурами и общественными объединениями. Реализация 1 этапа Стратегии развития малого и среднего предпринимательства на 2010-2020 годы будет нацелена, прежде всего, на создание благоприятной административной среды, в том числе обеспечение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к государственному и муниципальному имуществу, привлечение инвестиций, стимулирующих модернизацию и инновационные процессы, развитие экспортно-ориентированного предпринимательства, стимулирование интеграционных процессов.

¹ На примере Республики Саха (Якутия).

На территории республики оценочно насчитывается 47,8 тысяч субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе 5,7 тыс. малых и 0,1 средних предприятий. Среднесписочная численность работников составила 3,8 тыс. человек, годового оборот малых и средних предприятий оценивается в сумме 109,5 млрд. рублей.

Современная государственная политика ориентирована в первую очередь на выполнение социально-экономических функций и общественной роли предпринимательства, на второй план отодвигаются статусная (структурная) проблематика. За последние годы отмечается изменение отраслевой структуры малого предпринимательства в сторону снижения доли оптовой и розничной торговли за счёт увеличения числа субъектов малого предпринимательства, занятых в строительстве, обрабатывающих производствах, в операциях с недвижимым имуществом, аренде и предоставлении услуг.

По состоянию на начало 2012 года структура предпринимательства по сферам приложения труда представлена следующим образом: торговля – 33,0 %, транспорт и связь – 17,0%, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство - 11,7%, строительство - 8,2%, обрабатывающее производство – 7,7%, коммунальные, социальные и персональные услуги - 5,1%. По экспертной оценке за два последних года число малых предприятий на 1000 экономически активного населения свидетельствует о росте предпринимательской активности в республике.

Так, индивидуальными предпринимателями производится около 40 видов промышленной продукции, при этом большинство предпринимателей занимаются производством хлеба и хлебобулочных изделий, необработанной древесины и кондитерских изделий. Вклад индивидуальных предпринимателей составляет по некоторым видам: верхней одежды до 100% от общего выпуска продукции; мясных и колбасных изделий - 89,9%; минеральной воды - 45,3%; мебели - 43,7%; лесоматериалов - 38,4%; хлебобулочных и кондитерских изделий - 34,4%; рыбы и рыбных продуктов – 15,5%; ювелирных изделий - 9,4%.

По данным Министерства по делам предпринимательства и развития туризма РС (Я) в 2011 году республика привлекла из федерального бюджета на развитие предпринимательства 446,5 млн.рублей, в том числе 137,0 млн.рублей на капитальное строительство, 309,5 млн.рублей на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства. Кроме того, Фондом развития малого предпринимательства РС (Я) в 2010-2011 гг. по программе микрофинансирования Российского банка поддержки малого и среднего предпринимательства привлечены кредиты на общую сумму 250,0 млн. руб. На региональном уровне одним из важнейших инструментов государственной поддержки бизнеса является совершенствование нормативно-правовой базы. Согласно Указу Президента РС (Я) от 08.05.2011 г. № 636 «О порядке разработки и реализации государственных программ РС (Я)» в 2011 году принято 37 приоритетных государственных программ, в которые включены направления поддержки малого и среднего предпринимательства. Кроме того, Правительством РС (Я) приняты распоряжения: от 2 февраля 2011 г. № 71-р, которым утверждена программа, направленная

на ликвидацию административных барьеров в строительстве; от 27 июня 2011 г. № 641-р «О создании благоприятной административной среды для субъектов малого и среднего предпринимательства, занятых в сфере производства». Активизация нормативно-правовой деятельности позволила заложить основы создания благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства при отраслевых министерствах: архитектуры и строительного комплекса, сельского хозяйства и продовольственной политики, транспорта и дорожного хозяйства; провести совместно с ОПОРОЙ РОССИИ мониторинг наличия административных барьеров в предпринимательской деятельности; пополнить перечень государственного имущества РС (Я), предназначенного для предоставления в аренду субъектам малого и среднего предпринимательства; осуществлять государственный и муниципальный контроль по соблюдению и защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В качестве основного фактора, тормозящего развитие предпринимательства, большинство опрошенных нами экспертов сходятся во мнении, что неэффективная политика государства в отношении предпринимательства связана с нестабильностью и несовершенством законодательства, в том числе в части налогового.

Органами государственной власти проводится определённая работа по снижению налоговой нагрузки на малый бизнес. К примеру, с 01 января 2011 года на территории республики введена упрощенная система налогообложения на основе патента для индивидуальных предпринимателей по 69 видам предпринимательской деятельности. Патенты по состоянию на 15.01.2012г. получили 5207 индивидуальных предпринимателей. По состоянию на 01.09.2011 г. совокупная сумма начисленных налогов составила в 3,2 раза меньше суммы, начисленной данной группой плательщиков в 2010 году, фактически сократилась на 43,0 млн.руб. Также внесены изменения в законодательные акты республики, предусматривающие льготы для субъектов малого и среднего предпринимательства. С 2009 года была установлена налоговая ставка при применении упрощенной системы налогообложения в размере 10 процентов, а на 2011 год ставка установлена в размере 5 процентов для предпринимателей, занятых в сфере сельского хозяйства, охоты, рыболовства и обрабатывающего производства. С 2012 года введены льготы по налогу на прибыль в размере 4,5% и освобождение по налогу на имущество для предпринимателей, занятых в сфере обрабатывающих производств и инноваций. Ставка налога при этом по налогу на прибыль составит 15,5% и по налогу на имущество 0%.

Реализация 1 этапа Стратегии развития малого и среднего предпринимательства на 2010–2020 годы предусматривает межотраслевое сотрудничество, вносит корректировку в положения отраслевых министерств и их работу, направленную на формирование рациональной отраслевой структуры предпринимательской деятельности, активизацию деятельности в отраслях экономики.

Расширен доступ субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных потребительских кооперативов, к финансовым ресурсам. Из числа всех

получателей государственной поддержки 366 предпринимателей из сельской местности (26% от общего количества получателей финансовой поддержки), в том числе 168, непосредственно занятых в сельском хозяйстве. Министерством образования республики ежегодно проводит совместные мероприятия (семинары, круглые столы, конкурсы и др.) по предпринимательству, разработало учебное пособие «Предпринимательство» из серии «Профессиональное будущее Якутии» для учащихся старших классов общеобразовательных школ, разработало механизм поддержки предпринимателей, оказывающих услуги по присмотру за детьми дошкольного возраста (в г. Якутске и крупных населенных пунктах).

В сфере производства народных художественных промыслов и сувенирной продукции, ремесленничества ежегодно оказывается финансовая помощь, ведется обучение основам предпринимательской деятельности, проводятся мастер-классы, внедряется кластерный подход в целях оказания комплексной поддержки.

За счет средств Программы дополнительных мер по снижению напряженности на рынке труда в 2011 году создано дополнительно 503 рабочих мест для лиц из числа безработных, субсидию на создание собственного дела получили 1182 чел. (79,2 млн.руб.).

С учетом возможностей и потребностей муниципальных образований между министерством по делам предпринимательства и развития туризма РС (Я) и административными районами ежегодно заключаются планы совместных действий по реализации соглашений о сотрудничестве, где детально рассматривается создание производства и развитие сферы услуг, проводится работа по расширению муниципальной инфраструктуры поддержки предпринимательства.

Ежегодная реализация республиканских целевых программ развития предпринимательства и туризма в РС (Я) направлена на создание благоприятных и равных условий для всех предпринимателей и на поддержание эффективной конкуренции среди них. Однако, существует предел степени вмешательства государства в рыночные отношения, за которым происходят деформации рыночных процессов, и понижается их эффективность. Разработка и реализация различных программ по поддержке предпринимательства включает в себя: нормативно-правовое обеспечение, развитие инфраструктуры и финансово-кредитной поддержки, информационно-консалтинговое обеспечение, административно- организационную и образовательную поддержку. Так, в 2011 году на реализацию механизмов государственной поддержки из всех источников, включая федеральный, республиканский, муниципальный бюджеты, внебюджетные средства направлено около 1,2 млрд. рублей (из республиканского бюджета направлено 23,5% всех средств). Основными составляющими эффективности внедрения мероприятий республиканской программы явились такие факторы, как создание новых рабочих мест (в 2011г. - более 3,1 тыс.), сохранение действующих рабочих мест (более 4,5 тыс.), число прошедших обучение по образовательным программам республиканской Бизнес-школы (7,1 тыс. чел.), предоставление консультаций (более 39 тыс.) и финансовой под-

держки. субъектам малого и среднего предпринимательства (более 3,5 тыс.). Таким образом, объем государственной поддержки из всех источников на 1 зарегистрированный в республике субъект малого и среднего предпринимательства составил 25 тыс. руб., из средств республиканского бюджета – 5,9 тыс.руб. Кроме того, за счет средств республиканского бюджета создаются новые финансово-кредитные механизмы поддержки производственного малого бизнеса. К ним относятся: компенсационные механизмы по возмещению затрат, произведенных в течение всего производственного цикла, включая кадастровые работы и продвижение произведенной продукции на внутренние и внешние рынки.

Предпринимателями арктических и северных улусов созданы компактные цехи по мелкотоварному производству одежды и обуви из меха, сувенирных изделий, по производству цельного мяса и молока, наблюдается тенденция по открытию мини-пекарен и цехов по производству стройматериалов. Наибольшее количество производственных малых предприятий на Севере созданы в Момском (20 субъектов), Кобяйском (10), Эвено-Бытантайском (8), Аллаиховском (7) улусах.

В сельскохозяйственной группе улусов востребовано открытие мини-пекарен, цехов по производству стройматериалов (пило-, пенобетонных материалов, полистиролбетонных блоков). Традиционно крестьянские (фермерские) хозяйства продолжают создавать цеха по производству цельного молока и мяса, расширяется сфера малых предприятий по овощеводству, по производству мясных полуфабрикатов, мастерских по производству национальных сувениров и изделий народного промысла, открываются мастерские по ремонту автомобилей, электрических изделий и шиномонтажу, мини-цеха и мини-ателье по пошиву одежды, реализации текстильной продукции. Наибольшее количество производственных субъектов малого бизнеса создано в Вилуйском (11) и Горном (8), Мегино-Кангаласском (8), Усть-Алданском (7) улусах.

В г. Нерюнгри предпринимателями созданы новые производства пластмассовых стройматериалов, текстильных изделий и кваса. В г. Якутске формируются как новые субъекты малого бизнеса, так расширяют свою деятельность субъекты предпринимательства по производству стройматериалов из пенобетона, пластика, металла. В целом, по оценке экспертов, на территории республики 90% вновь созданных производственных малых предприятий начали деятельность, благодаря реализации механизма государственной поддержки малого предпринимательства.

В целях повышения конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства, активно внедряются механизмы, направленные на рост и продвижение экспортно-ориентированного малого бизнеса, внедрение модернизаций и инноваций. Государственная поддержка востребована при создании новых предприятий, а также действующими инновационными компаниями малого бизнеса в сфере строительства и стройматериалов, в области IT-технологий, приборо- и станкостроения, энергосбережения.

Среди сельских жителей широкое распространение получило субсидирование части первоначального взноса на приобретение оборудования в лизинг и его доставку. В 2011 году оказано содействие в модернизации бизнеса 156 предпринимателям, приобретено оборудования и техники на общую сумму более, чем 245 млн.руб.

Объекты инфраструктуры развития бизнеса, к которым относятся НО «Фонд развития малого предпринимательства РС (Я)», государственное бюджетное учреждение «Центр поддержки предпринимательства РС (Я)» с представителями во всех улусах республики, автономное учреждение дополнительного образования «Бизнес-школа», бизнес-инкубаторы в г.г. Якутск, Нерюнгри, выполняют функции, ориентированные на эффективность реализации государственных программ. Кроме того, продолжает издаваться ежемесячный деловой журнал «Предприниматель Якутии», транслируется еженедельная телевизионная передача «Бизнес формула», создан специализированный портал по бизнесу, работает бесплатная «горячая линия». Коренные жители улусов (районов) республики имеют возможность получать бизнес-информацию на якутском языке, благодаря журналу «Байдам».

Бизнес-сообщество республики активизирует своё участие в общественной жизни, проводит системную работу по защите своих интересов. По данным Управления Министерства юстиции РФ по РС (Я) на территории Якутии зарегистрированы 84 некоммерческие организации, в том числе 42 - общественные объединения предпринимателей, насчитывающие в своих рядах более 1 500 членов. В республике имеются представители таких крупных общероссийских организаций, как «ОПОРА РОССИИ», Торгово - промышленная палата, «Деловая Россия». Сами предприниматели объединяются в общественные организации, как правило, по отраслевому и территориальному признаку. Представители бизнес - структур принимают активное участие в деятельности Общественной палаты РС (Я), Координационного Совета по предпринимательству при Президенте РС (Я), координационных органах по предпринимательству во всех улусах, благотворительных фондах, комиссиях и др.

Министерство сотрудничает с общественным Советом по защите прав субъектов малого и среднего бизнеса при Прокуроре РС (Я), куда направляются обращения предпринимателей, для рассмотрения и вынесения решения, в случае нарушения положений законов. Прокуратурой РС (Я) проводятся проверки, в случае выявления фактов нарушения законодательства, принимаются меры прокурорского реагирования.

В целом, в республике выстроена система взаимодействия органов исполнительной власти, местного самоуправления, организаций инфраструктуры поддержки предпринимательства и бизнес-сообщества. В новой государственной программе «Развитие предпринимательства в РС (Я) на 2012-2016 годы», наряду с действовавшими ранее, разработаны и введены новые механизмы финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. К ним относятся: поддержка предпринимателей, занятых в дорожном сервисе (до 1,5 млн.руб.), в сфере народного художе-

ственного промысла и декоративно-прикладной деятельности (до 200,0 тыс. руб.), в сфере бытового обслуживания (до 100,0 тыс.руб. для центров), субсидирование части затрат на арендную плату за имущество, за предоставление услуг по уходу и присмотру за детьми дошкольного возраста (до 500,0 тыс.руб.). Планируется развивать систему инвестиционного кредитования малого и среднего бизнеса, будет продолжена поддержка по экспортно-ориентированному предпринимательству, инновационному бизнесу, модернизации (лизинг), развитию товарного производства. За последние годы при строительстве крупных инвестиционных объектов получает развитие государственно - частное партнерство, практикуется заключение договоров с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общинами малочисленных народов Севера, районными и поселковыми объединениями малочисленных народов, отдельными национальными домохозяйствами - пользователями «родовых угодий». Несмотря на предпринимаемые меры со стороны государства и бизнеса, положение коренных малочисленных народов Севера осложнено отсутствием механизмов реализации нормативно-правового обеспечения, неприспособленностью их традиционного образа жизни, ментальности самих аборигенов к рыночным условиям. Неконкурентоспособность традиционных видов хозяйственной деятельности предопределена небольшими объемами производимой продукции, высокими транспортными издержками, недоступностью современных технологий по комплексной переработке сырья и биоресурсов, большим износом имеющейся техники и оборудования. Кризисное состояние традиционных видов хозяйственной деятельности привело к обострению социальных проблем. Уровень жизни значительной части сельского населения северных и арктических районов остается низким или крайне низким. Аборигены, ведущие традиционный образ жизни, отброшены за черту бедности, поэтому в местах их компактного проживания актуальными остаются вопросы занятости, развития малого предпринимательства, особенно среди молодёжи.

Сотрудниками сектора этносоциологии ИГиПМНС СО РАН проведено в 2010-2011 г.г. социологическое исследование молодёжной проблематики, включающее оценку и представление самой молодёжи о состоянии этносоциальных процессов в регионе, собственных жизненных планов, ценностных ориентаций. Методом анкетного опроса были охвачены 472 респондента Южной Якутии из числа молодёжи МО «Алданский район» (164 чел.) и МО «Нерюнгринский район» (308 чел.).

Среди социально-экономических проблем, с которыми сталкивается молодёжь в своей повседневной жизни, наиболее острыми отмечены вопросы социального плана. Высокий уровень безработицы, невозможность трудоустройства молодёжи отмечается среди 64,8% респондентов, в том числе среди алданских респондентов - 58,5%, нерюнгринских - 68,2%. Данные мониторинга рынка труда показывают, что молодёжь успешно закрепляется в сфере платных услуг (гостиницы, кафе, рестораны, такси), информационно-вычислительного обслуживания, компьютерных техноло-

гий, полиграфических услуг. В сфере торговли работает много молодёжи, но текучесть кадров среди них высокая из-за смены работодателей (преимущественно субъекты малого предпринимательства).

Снижается из года в год занятость местной молодёжи в промышленности. Несмотря на реализацию крупных инвестиционных проектов в Южной Якутии, остро стоит проблема привлечения молодёжи региона в отрасли промышленности. Для успешной адаптации молодёжи на рынке труда необходимо проведение целого комплекса специальных мер содействия в профессиональном самоопределении и выборе оптимального вида занятости с учетом их потребностей и возможностей, социально — экономической ситуации в регионе. Интервью с работодателями на местах выявили низкий уровень оказания помощи в профессиональном самоопределении молодёжи с целью принятия ими осознанного решения о выборе профессии с учетом психологических особенностей и возможностей индивида, а также потребностей общества.

Несмотря на предпринимаемые меры по расширению социальной функции малого и среднего предпринимательства в республике, в недостаточной степени организована работа по привлечению коренных жителей из числа аборигенного населения в данную сферу, особенно из числа молодёжи и незанятого населения. Субъектами этнопредпринимательства могут быть отдельные родовые общины, представленные в форме хозяйственной кооперации, созданные по кровно-родственному, территориально-соседскому признакам, промысловые хозяйства или предприятия этнокультурного, экологического туризма и др.

Привлекательной для представителей аборигенного сообщества является сфера услуг, ремесленничества, сбора дикорастущего и лекарственно-технического сырья, переработка продукции традиционных отраслей Севера (оленоводства, рыбного и пушного промысла). Предпринимательство коренных народов имеет свои специфические особенности, которые не учитываются в федеральных, целевых программах социально-экономического развития и отдельной строкой не выделяются в программах государственной поддержки предпринимательства.

Совершенствование управления процессом развития предпринимательства в республике должно быть направлено на увеличение экономической самостоятельности, сохранение и укрепление традиционных ценностей, вовлечение в процесс экономического развития и развития предпринимательства населения разных социальных страт, в первую очередь жителей отдалённых поселений и мест компактного проживания аборигенов. В целях дальнейшего развития предпринимательства необходимо: осуществить мониторинг социально-экономического развития и развития предпринимательства коренных народов, разработать комплексный анализ и прогноз развития предпринимательства по улусам и поселениям республики до 2030 года, практиковать системный контроль за выполнением улусных программ развития предпринимательства и реализацией государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера.

Будаева Ц. Б., Улан-Удэ

Сойоты: новый поворот истории

Аннотация

Статья посвящена этнической истории сойот – малочисленного народа Сибири, получившего свое признание в условиях трансформации российского общества.

Ключевые слова: история происхождения сойот, сойотские роды, численность сойот, язык сойот

К числу коренных малочисленных народов Сибири относятся сойоты, численность которых по данным переписи 2010 г. составляет 3579 человек, что на 31% больше, чем в 2002 г. Известно, что за годы советской власти сойоты считались этносом, полностью ассимилировавшимся с бурятами, поэтому они не значились на этнической карте страны. Данная ситуация была обусловлена, тем что в 1936 г. по решению руководства СССР в перечень народов страны были включены только 63 национальности. Между тем в 2002 г. – в условиях свободного волеизъявления в листах всероссийской переписи фигурировало 182 народа, в том числе и сойоты [1].

Основная масса сойот живет на исконной территории своих предков, именуемой Восточными Саянами. Они не испытывали широко-масштабные миграции и ремиграции. Тем не менее, достаточно сложна и запутана их история. В имеющейся научной литературе существуют порою противоречащие друг другу точки зрения в отношении исторических корней сойот. По мнению Аристова, Кастерна, Вамбери и др. протосойоты были самодийского происхождения [2]. Однако Г.Е. Грумм-Гржимайло на основе детального анализа родоплеменной структуры пришел к выводу, что «это не отуреченные самоеды» [3]. Более объединяющей точки зрения придерживается В.В. Радлов. Он считал, что «сойоты – представляют смешанную из киргизов, самоедов и енисейских остяков народность. Племена ырхыт, бургут, чоты и многие другие, во всяком случае, являются киргизскими родами, которые в течение многих веков господствовали над самоедскими и остяцкими племенами и постепенно вобрали их в себя» [4]. Из этих высказываний очевидно, что сойоты представляют собой сложный конгломерат, состоящий из многих соседних народов и племен, имеющих во многом идентичную историческую судьбу. Сложность этноистории сойот, видимо, во многом обусловлена тем, что их протопредки состояли

из малочисленных родов, живших мелкими самоуправляющимися общинами. Эта рознь была их слабостью и способствовала тому, что произошло быстрое покорение и ускорение смешивания.

Бесспорно то, что чем сложнее и запутаннее история происхождения народов, тем более требует она работы над собой. Не случайно поэтому все исследователи, занимающиеся различными аспектами сойотской проблемы, так или иначе затрагивают вопросы их этноистории.

По мнению В.В.Радлова, название «сойоны», «сойоты» связано с этнонимом древнего племени Соян, вошедшего позднее в состав тувинцев, именуемых ранее урянхайцами [5]. Идентичную точку зрения развивает Г.Е. Грумм-Гржимайло: «имя сойот присвоено урянхайцам русскими, которые распространяли вслед за сим на всю народность от Кемчика до Тунки... Сойот множественное число от соен, как мы видели, наименование одного из основных, может быть, родов урянхайской народности» [6].

Из приведенных высказываний видно, что сойоты в большей мере являются потомками древних урянхайцев.

История возникновения самих урянхайцев уходит в седую древность. Рашид-Эддин рассказывает об урянхайцах (оин-урянхи), живущих в стране Баргуджин – Тукум по соседству с хори, тумэтами и многими другими племенами, названия которых значительно изменились к настоящему времени [7]. Также об урянхайцах многократно упоминается в «Сокровенном сказании монголов», как о народе, живущем в стране Баргуджин-Тукум (ныне Байкальский регион).

Известно, что древние оин-урянхи активно боролись за расовую чистоту и сохранение своего уклада жизни. Об этом свидетельствуют следующие слова Рашид-Эддина: «..они считали большими пороком пасти баранов, до такой степени, что отец или мать, браня дочь, говорили: «отдам тебя человеку, у которого придется тебе ходить за баранами». Дочь чрезвычайно огорчалась» [8]. В более поздний период этот запрет был нарушен, особенно среди тех сойот, которые жили в отрыве от основного ядра. Древний сойотский обычай «братъ жен из других родов» [9] со временем привел к созданию национально-смешанных браков с народами, в окружении и по соседству с которыми жили немногочисленные представители сойот. Если там, где жил основной костяк сойотского населения, обычай братъ жен из других родов действовал в рамках этой же народности, то в условиях оторванности и изолированности данный обычай привел к смешению с другими народами. Этим определяется высокая степень метисации сойот, особенно живущих на территории Бурятии. На нынешней территории Бурятии живут сойоты двух родов: Иркутского (ирхытского) и хасутского (хаасутского). Первым из сойот хасутского рода в бассейне р. Ока поселился Войнак со своими людьми. До Войнака в местности Ильчир уже жили из рода Иркут [10]. Еще в начале XX в. проф. Б.Э.Петри заметил, что «от Иркутита осталось мало потомства» [11]. Не лучше обстояло дело с хасутами (хаасутами).

По данным переписи 1926 г., численность сойот составила 229 человек [12]. Достоверность этих данных вызывает большое сомнение, ибо проф. Б.Э.Петри на основе собственных наблюдений и подсчетов выявил 509 человек, в т. ч. 57 проживали в Монголии [13].

В последующих переписях, как уже было сказано выше, сойоты не были включены в этническую карту России. По ходатайству жителей и районной администрации Оки в 1994 г. была проведена локальная перепись и зафиксировано около двух тысяч сойот. Если результаты локальной переписи заслуживают доверия, то получается, что темпы роста численности сойот составили примерно от 4 до 10 раз, что значительно выше, чем темпы роста численности бурят, не говоря уже об эвенках. Настолько большой скачок численности сойот вызывает сомнение. Возможно, сами данные либо не соответствуют реальной действительности, либо многие записываются то сойотами, то бурятами в зависимости от создавшейся ситуации.

Достаточно запутанной и не до конца исследованной является динамика изменения языка сойотского народа. Если же справедливо утверждение о том, что древнее население Саян относилось к самодийским племенам, то невольно возникают вопросы: «Были ли протопредки сойот носителями языка самодийской языковой группы?». Если «да», то когда и почему они перешли на язык, относящийся к тюркской языковой группе? Ведь сто-двести лет назад тункинские (окинские) сойоты говорили на тюркском наречии. В XVIII в. язык тункинских (окинских) сойот был однозначно тюркским [14].

Современные сойоты являются носителями бурятского и русского языков. Бурятский язык, видимо, начал использоваться с момента вступления в контакт бурятских и сойотских родов и полностью вошел в обиход в XIX–XX вв. Одной из причин вытеснения тюркского наречия и распространения сферы применения бурятского языка является массовость создания бурятско-сойотских браков. Вместе с породнением с бурятами вошел в обиход и новый язык — бурятский, новые формы хозяйствования — скотоводство, новый покрой одежды и весь домашний уклад. Все семейные, брачные и родственные нормы проникли от бурят, и весь семейно-родовой быт сойот уже к началу XX в. в основном отождествлялся с бурятским [15].

Сойоты русским языком начали пользоваться с начала контактов с русским населением, а активное освоение началось в связи «с усилением тяги к приобретению образования европейского типа» [16]. Расширение роли русского языка, наблюдаемое в наши дни, связано как с усилением постоянных контактов с русскими, проживающими на территории района и вне ее, так и с языковой политикой страны.

В заключение следует отметить, что сойоты из-за своей малочисленности испытали многократное языковое и этническое смещение: то с киргизами, то с бурятами в зависимости от сложившейся ситуации. Тем не менее, они относятся к уникальной группе сибирских народов, имеющих длительную и своеобразную историю, дотянувших нити своей жизни до наших дней, приобретших после длительного перерыва свое признание.

Библиографический список

1. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги всероссийской переписи населения 2002 г. М.: ИИЦ Статистика России. Т. 4. Кн. 1. 2004. .- С. 7-24.
2. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край / Г.Е. Грумм-Гржимайло. – Л., 1926. - С. 8.
3. Там же, с. 24.
4. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии / В.В.Радлов. – Иркутск, 1929. - С. 14.
5. Радлов В.В.Из Сибири / В.В.Радлов.- М., 1989. - С. 585.
6. Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч., с. 85.
7. Рашид-Эддин. История монголов / Рашид-Эддин // Труды Восточного Отделения Императорского Археологического Общества. СПб, 1858. Ч.5. - С. 90-92.
8. Рашид-Эддин. Указ.соч., с. 90.
9. Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч., с. 29.
10. Нефедьев Е., Гергесов Е. Окинские сойоты /Е.Нефедьев, Е. Гергесов // Жизнь Бурятии. Верхнеудинск, 1929. №6.- С.19.
11. Петри Б.Э. Сойотская экспедиция, организованная Иркутским местным комитетом Севера / Б. Э.Петри // Иркутск. 1926. - С. 99.
12. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929.Т.XVII.- С. 39.
13. Петри Б.Э.Указ. соч., 15.
14. Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч., с. 22.
15. Петри Б.Э.Указ. соч., с. 19.
16. Будаева Ц.Б., Дармахеова О.П. Современные социальные проблемы Оки / Ц.Б.Будаева, О.П.Дармахеова.- Улан-Удэ. 1999. - С. 58.

Винокурова Д. М., Якутск

Миграция как коммуникативный медиум

Аннотация

Операционализация основополагающих идей системной теории Н. Лумана позволила рассмотреть миграцию как коммуникативный медиум.

Ключевые слова: миграция, коммуникативный медиум, селективный процесс, мигрантская коммуникативная среда, ожидания, местное сообщество

Исследование миграции актуализируется, с одной стороны, в связи с появлением новых теорий об обществе. С другой — глобализация миграционных процессов, которые не укладываются в прежние объяснительные схемы, способствуют поиску новых парадигм. В качестве одного из индикаторов изучения миграции в связи с ростом масштабов территориальной мобильности может стать участие / не участие сообщества в миграционных процессах, различающихся по продолжительности во времени и пространственным показателям. По сути, основой их различий являются — время и пространство, т. е. продолжительность пребывания на новом месте и удаленность перемещений от исходной точки. Сюда же можно отнести и количество смены постоянного места жительства мигранта, т. е. уровень активности.

Исследование проведено в рамках Приоритетного направления 9.6. Программы 9.6.1. Сибирского отделения РАН, Блока III — «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этносоциальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2010–2012 гг.) на тему: «Территориальная мобильность при индустриализации как контекст мигрантской коммуникативной среды». Использованы качественные и количественные методы. Социологический опрос по квотной выборке был проведен в декабре 2010 г. в г. Мирном (n=290), в мае 2011 г. Якутске (n=400), в феврале 2012 г. Ленске (n=200). Окончательное завершение исследования планируется в конце сентября — начале октября 2012 г.

В исследовании предпринята попытка операционализации основополагающих идей системной теории Н. Лумана полученные данные, которых позволили рассмотреть миграцию как автономную коммуникативную подсистему общества. Она имеет одну функциональную спецификацию: обеспечение территориального распределения населения в любое время,

изменяя сложившиеся модели расселения, смешивая/разъединяя культуры, языки и т. п. Она компенсирует свою малую комплексность в современном обществе через повсеместное распространение краткосрочной миграции, заполняя вакансии рынка труда, жилья, учебных заведений и т. д. Очевидно, мигрантская коммуникативная среда через структурные и оперативные сопряжения имеет немигрантские интеракции с другими подсистемами общества: экономикой, правом, политикой, образованием, семьей и др.

К примеру, миграция с экономикой связана через рынок труда; правом — законодательные акты; политикой — принятие решений о миграции; образованием — территориальное расположение учебных заведений; семьей — воссоединение/разъединение с ней и т. п.

Как система она функционирует через коммуникативные структуры, процессы и генерализованный символ коммуникации: миграция. Посредством медиума миграция как свобода передвижений и заинтересованности в нем приобретает универсальное выражение. Глобализация рынка труда расширило этот медиум до нынешней формы. Миграция служит медиумом наблюдения ограниченности трудовых и иных ресурсов по территориальному принципу.

Причем, темпоральное измерение может этот коммуникативный код дифференцировать: уроженец/не уроженец; местное/приезжее; старожильческое население, изменяя границы мигрантской коммуникативной среды.

Миграция становится формальным понятием, которое обозначает собственную логику смены постоянного места жительства, не зависящей от обстоятельств реально угрожающих жизни человека, т. е. природных, техногенных или социальных катаклизмов. Со временем сама смена постоянного места жительства все большего числа индивидов воздействует как самодостаточная мотивация, таким образом, устанавливаются смысловые структуры. Согласно Н. Луману, такие структуры устроены так, что образуют горизонты ожидания, которые считаются с избыточностями, т. е. с повторениями одного и того же в других ситуациях. Тем самым происходит ориентация миграции на смену постоянного места жительства в любое время, т. е. на само себя. Так, миграция приобретает собственные пространственно-временные значения как стимулирующий фактор для любого индивида вне зависимости от его социально-демографических, материальных и иных показателей.

Соответственно действия мотивируются случайностями и удобствами, поступкам дает логическую связанность «переезд на новое место жительства», а погоня за удобными случаями обращения к нему делает поступки зависимыми.

Миграция регенерируется представлением о свободе передвижения. К примеру, внутри страны — это разработка специальных правовых актов, которые расширяют/ограничивают такую свободу передвижения. Законодательные акты о миграции различного уровня можно рассматривать как структурные сопряжения между правовой и миграционной функ-

циональными системами. Таким образом, миграция переключается на собственную динамику и выполняет дополнительные функции: восполняя рынки труда, жилья, обучения, воссоединения/разъединения семьи и т. п.

Коммуникативная мигрантская и принимающая среда вырабатывают свои взаимные ожидания по обе стороны сообществ в соответствии с мотивами принятия/отклонения коммуникации и благодаря чему делают эти коммуникации ожидаемыми. Коммуникация происходит во многих сферах, будь то правовой, политической, образовательной, профессиональной, семейно-брачной, бытовой и т. д. В основе этого лежит непрерывный во временном плане пересмотр ранее сформированных ожиданий с той и другой стороны

Причем, главным отличием этих ожиданий является чрезвычайно высокий уровень обобщений в суждениях о них. Это своеобразный скреп, который «структурирует» взаимные ожидания с обеих сторон. К примеру, как только происходит какой-то неординарный случай с отдельным мигрантом, тут же он приписывается всему мигрантскому сообществу, или точнее «мигрантскому статусу» данной этнической группы, как ее этническая, культурная или иная особенность. По-видимому, то же самое происходит и у самих мигрантов по отношению к местному сообществу.

К примеру, в самый начальный этап промышленного освоения территории республики у местного сообщества сформировались ожидания о северных мигрантах как мобильном контингенте, притягивающим фактором для которого было заработать как можно больше денег в минимально короткий срок. Их миграционное поведение отличало отсутствие желания оставаться на Севере на длительное время. У них было относительно невысокое требование к жизненным благам и бытовым условиям, жили в бараках, контейнерах и т. п. Другая часть мигрантов стремилась заработать трудовой стаж для северной пенсии, которая также выбывала из республики в европейскую часть страны, достигнув пенсионного возраста. Отталкивающим фактором для них, прежде всего, являлись суровые природно-климатические условия, низкий уровень развития инфраструктуры, по сравнению с «местами выхода» мигрантов. Государственная политика была направлена на массовое привлечение мигрантов в индустриальные виды труда, используя материальное стимулирование.

Актуализация проблем миграции является ярким индикатором напряжения между обособляющейся миграционной системой и другими функциональными системами современного общества. Миграция утверждается в качестве средства расширения/ограничения возможностей, в т. ч. гражданских и иных прав.

Применение идеи Н. Лумана, позволяет предположить, что в миграционной системе растет пространство взаимодействия между временным и социальным измерениями, т. е. в отношении к социально действенным временным связям. Миграция регулирует территориальное перераспределение населения, иными словами, она производит селекционный процесс.

Винокурова У. А., Якутск

Политика в Арктике: народосбережение + природосбережение

Аннотация

В условиях глобального изменения климата в XXI веке развитие человечества приобретает арктическое измерение. Особенность арктического измерения состоит в необходимости разработки сбалансированной политики, реализации стратегического плана адаптации, учитывающих взаимозависимость региональных экологических факторов и проблем сохранения коренных народов на исконной среде обитания.

Ключевые слова: Арктика, коренные народы, политика, изменение климата, экософия, циркумполярная цивилизация, долгосрочная стратегия развития, социальные проблемы, управление, демографическое состояние, этническая культура, профессиональное образование

В связи с глобальными изменениями климата Земли и устойчивой нестабильностью природных явлений возник так называемый арктический вызов. Он сопровождается ресурсным голодом в человеческом потреблении, утоление которого возможно только благодаря извлечению невозобновляемых ресурсов арктических территорий.

На VIII Северном социально-экологическом конгрессе, состоявшемся в г. Якутске 22-23 июня 2012 г., академик РАН и РАН В.А. Черешнев сформулировал следующие императивы устойчивого долгосрочного планирования развития Российского Севера в условиях глобального передела зон влияния на Севере:

1. Аксиологический императив: природосбережение и народосбережение.
2. Геополитический императив: единство экономического, социального и экологического измерений (концепция устойчивого развития).
3. Политический императив (приоритет национальных интересов над корпоративными при освоении северных и арктических регионов).
4. Методологический императив (межсредовый подход в научном обеспечении северной политики).

5. Территориальный императив (примат природной программы при разработке и осуществлении стратегических планов и программ.

Введение аксиологического императива представляется исключительно ценным в российской политике по отношению к Северу, что предполагает качественно иной этап в освоении северных территорий. Неразрывное сочетание сущности природосбережения и народосбережения способствует сохранению регионального природного своеобразия и исторически сложившегося регионального этнокультурного своеобразия народов, имеющих неотъемлемое право на культурную и цивилизационную идентичность.

Субъектами Российской Федерации, полностью или частично отнесенными к северным районам, являются 24 субъекта Российской Федерации, территории которых относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, или имеющих в своем составе северные районы. Из этих субъектов Российской Федерации полностью к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям относятся 13: Республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва; Камчатский край; Архангельская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская области; Ненецкий, Ханты-Мансийский — Югра, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Северные субъекты Российской Федерации занимают около 70% территории страны, в них проживают более 25,2 миллиона человек, или 17,8% населения России [1, с. 41].

Расселение на Севере характеризуется тремя социокультурными особенностями: первое — в результате оттока населения на Севере и снижения экономической привлекательности работы на Севере ухудшается качество человеческого потенциала. По оценкам физиологов, биологический возраст северян больше календарного на 10 лет. Представляется целесообразным создание системы обязательного страхования работодателями здоровья людей, приехавших в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности.

Второе - значительная доля населения проживает в сельской местности, причем в малонаселенных пунктах (31,1% от общей численности северян, по России — 27,1%); Север является местом исконного обитания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (53,6% живет в селах или небольших поселках городского типа) [1, с.128].

С 1990 года наблюдается устойчивая тенденция уменьшения числа образовательных учреждений в районах проживания коренных малочисленных народов Севера: количество дошкольных учреждений сократилось с 1690 до 902 в 2007 г., а число детей с 147 тыс. до 60,6 тыс., общеобразовательных учреждений — с 1182 до 1046 [1, с.127]. Уровень образованности среди коренных народов стал значительно ниже, чем был ранее, из-за серьезных проблем в сфере образования: порядка 50—70% учителей и врачей в национальных поселках — люди пенсионного возраста, в некоторых населенных пунктах из-за отсутствия специалистов из числа КМНС закрываются школы [1, с. 130]. В настоящее время почти отсутствует адаптированная к национальным особенностям система обучения детей мало-

численных народов, поэтому образование способствует усилению ассимиляции малочисленных этносов и проходит с огромными издержками; дети отрываются от традиционной культуры. В высших учебных заведениях на 1 января 2007 года обучались 1 059 126 студентов из северных регионов, что составило 9% от всех студентов, обучающихся в вузах Российской Федерации. По сравнению с 2005/06 учебным годом количество студентов незначительно сократилось, хотя в целом по Российской Федерации количество студентов выросло [1, с. 66].

Низкий уровень образования малочисленных народов в значительной степени определяет высокий уровень безработицы среди КМНС, заработную плату в 5—6 раз меньшую, чем в среднем по соответствующему региону [1, с. 130].

Третья этнокультурная особенность — неотъемлемая связь коренного народа с исконной средой обитания. Реально существует многофункциональность территорий традиционного природопользования (ТТП): экономическая (сохранение и развитие традиционных отраслей экономики, то есть оленеводства, рыболовства, охоты, сбора дикоросов, и получение соответствующей продукции), социальная (обеспечение занятости коренного населения в отдаленных местностях и получение им денежных доходов), экологическая (сохранение биоразнообразия на уровне экосистем и как минимум промысловых видов), этнокультурная (сохранение коренных народов в качестве носителей уникальных культурных традиций и языков вследствие нерасторжимой связи их этнических культур и производственной деятельности в сфере традиционного хозяйства) [1, с. 146]. Все эти функции сводятся в духовную связь человека с землей своих предков как к сакральной ценности.

В.А. Черешнев выделяет следующие факторы чрезвычайных рисков на Арктике:

- Политические риски (новый виток конфронтации за передел планетарных ресурсов, начинающаяся «гонка» арктических вооружений).
- Экологические риски (катализация необратимых экологических изменений, чрезмерные техногенные нагрузки).
- Социальные и цивилизационные риски (разрушение среды обитания и этнокультурной идентичности коренных народов Севера).

Преодоление сформулированных рисков возможно только при условии формирования единой стратегии северных стран и разработки долгосрочного планирования развития Российского Севера, что предполагает в первую очередь восстановление и развитие научно-образовательной инфраструктуры в северных территориях и консолидации усилий гражданского сообщества жителей Севера — организаций экологической и этнокультурной направленности.

Процессы глобального изменения климата убедительно доказывают, что социальное благополучие, качество жизни неразрывно зависят от состояния среды обитания. Научный коллектив под руководством В.А. Черешнева разрабатывает новое научное направление — синергетику

природных и техногенных факторов среды обитания человека и обосновывает концепцию комплексного космическо-геодинамическо-экологическо-социально-медицинского мониторинга.

Политика народосбережения предствляет собой две проблемы — первая: демографическая политика есть функциональная цель социальной политики как отрасли, и вторая — проблема сохранения этнокультурного и цивилизационного разнообразия. Нами разработана теория циркумполярной цивилизации, созданной населением Арктики в процессе адаптации к её экстремальным природным условиям [2].

Политика природосбережения исходит из целей сохранения особой социоприродной системы регионального биологического и социоприродного баланса, нарушение которого приводит к невосполнимым утратам биологического и культурного разнообразия. Природно-культурный ландшафт северных территорий содержит уникальный духовный опыт единения человека со средой обитания, создающий культурное наследие творчества мира северного человека. Север есть социоприродная среда обитания, сохраняющаяся благодаря особому мировоззрению человека, названного нами экософией арктического человека [3].

Для долгосрочного мониторинга над состоянием многолетней мерзлоты установлено около 200 мониторинговых площадок на Аляске, в Канаде, Гренландии, Монголии, Китае, Японии. С 2012 года реализация проекта ведется на территории России — в Ямало-Ненецком автономном округе, в Новом Уренгое, а также на территории зоны БАМа — в Северобайкальске, Чаре, Новой Чаре, Тынде. В 2013-2014 годах планируется установить мониторинговые площадки во всех городах и поселках, расположенных в российской криолитозоне. Граница вечной мерзлоты в арктических районах России за последние десятилетия отступила вследствие глобального потепления. Общая площадь районов вечной мерзлоты в России составляет около 10,7 миллиона квадратных километров или порядка 63% территории страны. Теперь во всем мире признают, что изменения климата ускоряются и приобретают необратимый характер в ближайшее столетие [4]. Значит, нам тоже надо изменить отношение к погодным явлениям и основательно подготовиться к воздействию климата на жизнедеятельность людей и природной среды. В России начали разрабатывать климатическую политику и стратегию ее реализации.

Изменение состояния среды обитания особенно в последнее десятилетие отчетливо отмечается коренными жителями. Нами был проведен опрос в январе 2012 года более 400 жителей Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия) по стандартной анкете, разработанной Академией Северного Форума.

Исследование обнаружило обеспокоенность населения по 3 направлениям:

Первое — в ведении традиционных хозяйственных занятий — оленеводства, коневодства, скотоводства. В Среднеколымском улусе неуклонно снижается поголовье домашних животных. Опрошенные считают, что если так будет продолжаться, то через десяток лет крупного рогатого скота

в улусе не будет. Нужно в корне изменить государственный подход к нему и применить такие же меры как в оленеводстве Якутии. К оленеводству сложилось новое отношение как к образу жизни коренных малочисленных народов, к оленю как к культурной ценности, а не только как к экономической категории. Для северных саха, живущих за Полярным кругом, корова – это тоже культурная ценность, уникальный вклад саха в человеческую цивилизацию. Ни один народ за Полярным кругом не содержит коров, кроме саха. Поэтому надо давать дотации не только за молоко, но и за поголовье, оказать безвозмездную помощь молодым для обзаведения фермерским хозяйством, обеспечение комбикормами ввести в перечень необходимых товаров, доставляемых в арктические улусы. Потеря крупного рогатого скота в условиях Колымы равнозначно лишению средств к жизнеобеспечению этноса саха, что напоминает практику этноцида в истории колониальных стран.

Второе – таяние многолетней мерзлоты и наводнения разрушает инфраструктуру сел и города. Если к речным поселениям приходится обращать постоянное внимание из-за паводков, то на состояние озерных поселений не уделяется должного внимания, хотя у них не менее сложные проблемы из-за таяния мерзлоты. Возникает необходимость пересмотреть строительные нормы, правила страхования, стоимость прокладки и содержания дорог, транспорта, системы отопления и многое другое. Земля стала протаивать на глубину более метра в последнее десятилетие. Опрошенные отмечали, что при копке могильной ямы было заметно, что раньше земля протаивала за лето на длину лопаты, а теперь до 1,5 метров глубины можно обойтись без кайла. Учет нового состояния земли должен быть предусмотрен буквально во всем, вплоть до запрета вырубki пожарозащитной полосы около населенного пункта. Всем известно, что мерзлоту защищает лес, а вырубка провоцирует ее быструю оттайку.

Третье – обеспеченность питьевой водой. Хотя озер много, но чистая питьевая вода становится дефицитом сначала в селах, расположенных близ озер, затем и у рек. И надо основательно подойти к решению этого вопроса в каждом поселении. Тут кроме чисто природных явлений проявляется и воздействие человека на среду обитания. Озера, как и человек, стареют, загрязняются и накапливаются нечистоты. На Колыме опасность различной степени представляет строительство ГЭС в верховьях.

На Всемирной конференции по правам коренных народов в 2014 году будут рассмотрены вопросы, касающиеся применения Декларации ООН о правах коренных народов, а также мнения различных государств и их точки зрения о наилучшем практическом применении различных мер и стратегий по реализации декларации. Проблемы народосбережения и природосбережения на Арктике должны быть в центре внимания мировой общественности.

Библиографический список

1. О социально-экономическом положении субъектов Российской Федерации, полностью или частично отнесенных к северным районам в 2007 году (информационно аналитическая справка) Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов / Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Научно-информационный бюллетень. Выпуск седьмой. Апрель, 2008. URL: <http://council.gov.ru/files/journalsf/number/20081015151139.pdf> (Дата обращения: 17.06.2012).
2. Винокурова У. А. Циркумполярная цивилизация: идеи и проекты. Якутск: АГИИК, 2011.
3. Винокурова У. А., Шилин К.И. Человек гармоничного будущего. Экософия-словарь. М.: 1994.
4. Изменение климата, 2007. Обобщающий доклад МГЭИК. Ред. Р. Пачаури, Э. Райзингер. Женева, Швейцария, 2007.

Волкова Т. П., Екатеринбург

Уровень жизни как фактор сохранения трудового ресурса: социологический аспект

Аннотация

Проанализированы вопросы влияния дифференциации уровня жизни на воспроизводство и сохранение трудового ресурса страны, рассмотрены проблемы бедности, социологическое сопровождение изучения уровня и качества жизни трудящихся.

Ключевые слова: трудовой потенциал, уровень доходов, прожиточный минимум, бедность, социологическое сопровождение, бюджет высокого достатка

В системе показателей уровня жизни ключевое место отводится доходам, их структуре, распределению и здоровью. Названные элементы, на наш взгляд, очень остро сегодня обуславливают сохранение человеческого капитала как трудового ресурса. Об этом говорится не так часто и широко. Все это и составляет предмет нашего изучения.

Не случайно отдельные ученые «бьют тревогу»: статистика труда свернута до минимума; отсутствует понимание человеческого капитала как системного показателя; нет научной картины состояния трудовых ресурсов страны.

Для России в конце XX – начале XXI века характерна устойчивая убыль населения и ухудшение показателей здоровья. Только за период 1992-2009 гг. естественная убыль составила 13 млн. человек. Ожидаемая продолжительность жизни снизилась с 69,19 в 1990г. до 64,9 года в 2003 г., с увеличением в последующий период (2005 г. – 65,3; 2009 г. – 68,7 года). Разрыв в показателях продолжительности предстоящей жизни женщин и мужчин составляет 13 лет. В трудоспособном возрасте умирает каждый десятый мужчина. И если эта тенденция сохранится, то основной трудовой ресурс страны в ближайшие десять лет окажется под угрозой.

В мировом сообществе постоянно увеличивается разрыв между богатыми и бедными. Бедность и социально-экономическое неравенство оказывают прямое и косвенное влияние на социальное, психологическое и физическое благополучие наиболее необеспеченных групп населения. Более того, низкий уровень доходов вызывает психосоциальный

стресс, приводящий к разрушению здоровья и к более высокой смертности. В период трансформационной экономики, как следствие, существенно понизился общий дореформенный уровень жизни населения, значительно увеличилась дифференциация оплаты труда и доходов, заметно возрос масштаб бедности (в РФ 2009 г. – 18,5 млн. бедных по данным государственной статистики).

Бедность как крайнее проявление дифференциации уровня жизни и неравенства доходов населения присуща любому обществу независимо от различий в социально-политическом устройстве. Борьба с бедностью одна из важнейших стратегических задач демократического развития государства. Часто встречаются негативные факторы и угрозы в отношении малообеспеченных. Вредному воздействию окружающей среды подвергаются именно бедные лица. А работники с низким уровнем доходов лишены предметов первой необходимости, возможностей для лучшей жизни, отстранены от информации и поддержки со стороны общества.

Как известно, в группах с более низким доходом сильнее проявляются негативные формы поведения по сравнению с другими группами населения. Все это сопровождается многими неблагоприятными последствиями, в т. ч. трудностями в образовании, преступностью, злоупотреблением психоактивными веществами и т. д.

В исследованиях, в т. ч. и российских экономистов (Волчковой Л.Т., Корчагиной И., Мининой В.Н., Можиной Л., Овчаровой Л., Радаева В.В., Римашевской Н.М., Роика В., Ржаницыной Л.С. и др.), измерение бедности основывается на оценке уровня доходов или потребления. Бедными считают тех людей, у которых уровень доходов или потребления падает ниже «черты бедности», определяемый как минимальный уровень, необходимый для удовлетворения базовых потребностей. Следует подчеркнуть, что для анализа бедности Всемирный Международный Банк обосновывает черту бедности нормами, установленными для определенной страны. Важно также разграничивать абсолютную и относительную бедность: даже в странах, где семьям обычно доступны достаточные ресурсы для поддержания жизни, многие живут в неблагоприятных условиях, не имея хорошего жилья, полноценного питания и других возможностей, соответствующих ожиданиям общества в целом.

В ряде научных изданий утверждается, что для российских трудящихся по-прежнему актуальными остаются проблемы повышения заработной платы, скудная потребительская корзина для расчета прожиточного минимума, неоправданная огромная разница в уровне оплаты труда между различными категориями работников. Средний размер заработной платы, фиксируемый официальной статистикой, чуть превышающий по России прожиточный минимум (ПМ) трудоспособного населения, что представляет, на наш взгляд, сформировавшуюся в стране «трудовую бедность». Так, например, в Курганской области Уральского федерального округа среднемесячная заработная плата не дотягивает 3-х ПМ. Отсюда два негативных следствия: 1) рост предложения на рынке труда значительного количества рабочих мест, не привлекательных по условиям и оплате труда

и 2) рост неформальной занятости населения (здесь снижена социальная защита, т. к. работодатель неограниченно выплачивает заработную плату по «серым» схемам, тем самым, усиливая дискриминацию на рынке труда.

Заметим, что услуги здравоохранения, образования и социального обслуживания в прожиточный минимум (ПМ) не включены. Предполагается, что их минимальные объемы будут предоставляться населению бесплатно бюджетными учреждениями. Однако сегодня широкое распространение получили платное образование, медицинские услуги, резко подорожали лекарства, а на удовлетворение этих потребностей граждане расходуют значительную часть семейного бюджета. Перспективы дальнейшего повышения уровня жизни населения или хотя бы его стабилизации пока остаются неясными. Острота и глубина, субъективное восприятие индивидом своего благосостояния, качества и уровня жизни, определяются заниженными стандартами потребностей, некоторые из которых оказываются ниже планки, востребованной для сегодняшнего времени.

Многие эксперты, например, считают, что применяемый в России метод отнесения населения к категории бедных с помощью ПМ имеет много изъянов: требуется более объективная точка отсчета.

Более точным измерителем, на наш взгляд, мог бы стать минимальный потребительский стандарт (минимальный потребительский бюджет — МПБ), обеспечивающий расширенное воспроизводство населения, соответственно воспроизводство трудового ресурса страны. Как утверждают ученые Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, МПБ должен быть в 2-3 раза выше ПМ и составлять около 14-15 тыс. руб. в месяц на текущий период. Ситуация, сложившаяся в нашей стране, весьма драматична, она связана с причинами расширения бедности. Среди этих причин отметим: во-первых, изменение модели трудовых отношений — дестандартизация труда, что связано с развитием гибких его форм и небольших предприятий, использующих быстро меняющиеся технологии. На смену бессрочного трудового договора для работников наемного труда приходит непостоянный найм, неполная и временная занятость, заемный труд. Во-вторых, причиной бедности выступает хроническое бюджетное недофинансирование социальной сферы, доля государственных расходов на образование и здравоохранение в российском ВВП соответствует средним показателям развивающихся стран. В-третьих, имеет место курс государства на дерегулирование заработной платы (соотношение заработной платы между крайними децилями составляет 1 к 24).

Что же необходимо сделать, на наш взгляд, для сокращения масштабов бедности, повышения уровня жизни населения? Вопрос непростой и комплексный. Он связан, в том числе, и с принятием Программы борьбы с бедностью, где обязательно должно присутствовать 3 блока мер, охватывающих:

- а) обеспечение федеральных гарантий повышения уровня жизни населения;

- б) осуществление грамотной экономической политики государства с целью повышения благосостояния трудоспособного населения;
- в) оказание адресной социальной помощи особо нуждающимся категориям граждан (т. н. «социальный контракт»).

Среди более частных направлений обозначим:

1. *Модернизацию института заработной платы квалифицированных работников.* Здесь, прежде всего, должна быть сокращена неоправданная дифференциация в оплате труда работников бюджетного и внебюджетного секторов экономики; удельный вес тарифа в заработной плате на уровне не менее 70-75%; увеличение в федеральном бюджете объемов финансирования на выплату заработной платы работникам организаций бюджетной сферы при введении отраслевых систем оплаты труда; осуществление мер по переходу на определение минимальной заработной платы в соответствии с принципами Европейской социальной хартии (пересмотренной), согласно которым минимальная заработная плата не может быть ниже 60% от средней.

2. *Формирование подлинно страховых институтов обязательного социального страхования (пенсионного, медицинского, от несчастных случаев на производстве и профессиональной заболеваемости, по безработице)* улучшило положение остальных 80% населения.

3. *Недостаточно ориентироваться, рассматривая уровень жизни лишь на ПМ и БПМ,* которые применимы в границах простого воспроизводства рабочей силы.

Уровень сегодняшнего развивающегося потребления определяет бюджет высокого достатка (БВД), поэтому потребление на уровне БВД — задача социально-экономической политики государства в ближайшем будущем. Другими словами, повышение уровня жизни населения, ключевых его показателей, будет способствовать сохранению не только основного трудового ресурса, но и стабилизации восстановительного периода (после резкого спада в конце 2008-2009 гг.).

Социологическое сопровождение изучения уровня и качества жизни работающего населения, позволяет показать реальную картину отдельных профессиональных групп. В нашем случае, это рабочие крупного машиностроительного предприятия. Настоящие материалы представлены по ОАО «Уралмашзавод», где в мае - июне 2010 годы мы провели сплошной социологический опрос работников механического цеха №178 , получив следующие данные.

Среди опрошенных были представлены токари-расточники, токари-карусельщики, фрезеровщики, сверловщики, мастера ПДО, начальники и мастера производственных участков, конструкторы, помощники мастера, специалисты отделов, начальник цеха, заведующий складом и др. категории работников.

Цель нашего исследования заключалась в выяснении не только дифференциации доходов по профессиональным группам, но касалась условий и основных затрат, характеризующих уровень жизни работающих,

в отнесении названных лиц к среднему классу, малообеспеченным, бедным или крайне бедным слоям населения. Выборка не была территориально-гнездовой, представлена по механическому цеху «Уралмашзавода», носила сплошной, точечный характер, а выводы, полученные нами, считаем, репрезентативны, они могут быть распространены на других работающих. Получен следующий результат.

Основным источником дохода, по мнению респондентов, является заработная плата (100%), вместе с тем, 12,9% указали на случайный заработок; 2,8% - имеют доход по совместительству; 1,7% имеют доход от подсобного хозяйства; 0,6% отметили пенсию и всевозможные пособия.

На вопрос: «Есть ли у Вашей семьи дополнительные источники дохода?» 22,7% ответили утвердительно; 55,8% отрицают это, а 21,5% затруднились с ответом.

К работникам цеха 178 был адресован вопрос о личном доходе в среднем за месяц, который по нашим расчетам оказался 12,1 тыс. руб. (прожиточный минимум по Свердловской области для трудоспособного возраста на период опроса 2 квартал 2010 г. составлял 5907 руб.).

Обратимся к вопросу о расходах, который нас также очень интересовал. Результат выглядит следующим образом: «общая сумма расходов Вашей семьи в среднем за месяц» - 14,6% ответили от 6,1 до 10 тыс.руб.; 18,0% указали от 10,1 до 15 тыс.руб.; 38,2% отметили от 15,1 до 20 тыс.руб.; 25,3 подчеркнули от 20,1 до 25 тыс. руб.; и всего лишь 1,7% расходуют от 25,1 до 30 тыс.руб. Другими словами, если бы в семье трудился один человек, то расходы не покрывают доходов.

Значительный интерес представляют расходы на питание. В нашем исследовании по опросу в семье они составили в среднем 10 тыс.318 рублей. Отметим, что отвечая на 10-й вопрос анкеты, 51,9% респондентов тратят примерно, треть своего дохода на питание; 34,3% ответивших от 31 до 40%; 8,9% - 20 процентов дохода; более 50% трат на питание указали лишь 1,1% рабочих.

Более половины, 52,7% ответивших, оценивают свое материальное положение как удовлетворительное; 38,1% как хорошее; 3,6% - крайне неудовлетворительное. По всей видимости, первые и последние и составляют категорию «бедных». Поэтому и будущее в оценках респондентов, оказывается не- намного лучше 46,3 и 22,2% соответственно.

Каковы же ресурсы выживания работников ОАО «Уралмашзавод» сегодня. Ответы следующие: 54,6% - нормальный денежный доход; 15,5% - приработки; 10,3% - автомобиль; 9,3% - сад, личное подсобное хозяйство; 6,2% - сбережения; 3,09% - помощь родственников; 1,03% собственное дело.

Опрашивая респондентов, мы выяснили, что у 52,5% были длительные задержки заработной платы; у 47,5% - переход на сокращенную рабочую неделю. 2010 год характеризовался затяжным экономическим кризисом, больно ударившим, в т. ч. и по машиностроительному комплексу.

В нашем опросе приняли участие 78% рабочих; 11,6% служащих; 5,2% специалистов; 5,2% руководителей механического цеха ОАО «Уралмашзавод». Социологический опрос проводился в условиях повышенной социальной напряженности.

Ганопольский М. Г., Тюмень

Социокультурный портрет региона в контексте социологии расселения¹

Аннотация

Работа посвящена перспективам сближения социологических и географических методов при создании социокультурного портрета региона. Предпринят краткий анализ основных версий отечественной социологии расселения. На основе авторских исследований структуры расселения Тюменской области рассмотрены возможности актуализации данной отрасли социологического знания.

Ключевые слова: социокультурный портрет, расселение, опорный каркас расселения, социально-территориальная общность, новое индустриальное освоение, расселение в районах лесозаготовок, нефтегазодобычи, пролегания нефте- и газопроводов

Характерной особенностью развития исследовательского проекта «Социокультурные портреты регионов России» в последние годы стала актуализация пространственной проблематики. Это послужило импульсом к сближению и даже взаимопроникновению в рамках проекта социологических и географических методов, существенно обогатило научный инструментарий. Вместе с тем возможности подобного сближения далеко не исчерпаны. Одним из таких методологических ресурсов может стать реабилитация социологии расселения.

Социология расселения — термин, известный больше по словарным статьям и учебным текстам. В современной научной социологической литературе он почти не употребляется. Своим появлением и введением в научный оборот (в конце 70-х годов прошлого столетия) термин обязан отечественному социологу М.Н. Межевичу [1]. Автор обозначил им особую отрасль социологического знания, призванную изучать связи между социальной структурой общества и структурами расселения.

Расселение как процесс распределения населения на определенной территории и как его результат — устойчивая совокупность населенных мест, изучается географической наукой. Но и социологический аспект был

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00304а.

не лишен предметного содержания. А поскольку новый термин оказался адекватен специфике территориальной неоднородности страны, особенностям ее экономического и социального пространства, то он сразу же занял свою междисциплинарную нишу в социологическом арсенале. И все же в качестве самостоятельной отрасли знания социология расселения так и не утвердилась. Правда, отдельные ее направления были более или менее успешно модифицированы различными социологическими, географическими и экономическими школами применительно к содержанию и характеру решаемых ими задач. Это касалось прежде всего учета социального фактора при планировании развития и размещения производительных сил, вопросов социальной урбанистики, архитектурно-строительного проектирования и т. д. Но, пожалуй, ближе всего к первоначальному авторскому замыслу находились три круга проблем.

Во-первых, это проблематика социально-территориальных общностей (СТО) и их основных фокусов – крупных городов. В социологии инициатором и соавтором большинства работ по этой теме был сам М.Н. Межевич [2], а в географии данные вопросы рассматривались под углом зрения взаимодействия территориальной организации общества и географии населения [3, с. 34-68]. Во-вторых, это исследования новосибирской экономико-социологической школы в сотрудничестве с экономгеографами-руралистами (С.А. Ковалев, А.И. Алексеев и др.) [4, с. 499-534]. Здесь объектом изучения были, как правило, группы близлежащих сельских поселений, а в качестве сверхзадачи рассматривался утопический проект оптимизации схемы расселения путем ликвидации так называемых бесперспективных деревень. Как известно, это вызвало негативный общественный резонанс. В итоге, под сомнение была поставлена перспективность самих исследований подобной предметной направленности. Третий круг проблем также имел проектную специфику, но был связан не с устоявшейся схемой расселения, а с крупномасштабными социально-экономическими проектами нового индустриального освоения огромных слабозаселенных территорий. В этом отношении Тюменская область является одним из наиболее репрезентативных примеров. Аккумулируя результаты наших предыдущих исследований, мы хотели бы рассмотреть ее в качестве объекта-представителя для актуализации проблематики социологии расселения.

Открытие Тюменских месторождений нефти и газа вызвало настоящую экспансию огромных труднодоступных территорий, привело к их заселению в течение жизни одного поколения. Отличительной особенностью такого массивного освоения было внедрение индустрии в географическую среду напрямую, десантным способом, без значимых социальных опосредований. Люди, приехавшие на Тюменский Север на волне добровольного массового порыва, ощущали себя в первую очередь участниками трудового процесса, членами производственного коллектива, жителями ведомственного поселка... Технологические цепочки производства и соответствующие им способы организации людей, вовлеченных в трудовой процесс, распространялись на большинство сфер их жизнедеятельности. По образу и подобию производственных технологий создавалась система

отбора и первоначальной адаптации мигрантов, соответствующий облик приобретала социально-бытовая инфраструктура. Тем самым демографический фактор, несмотря на массовый и во многом стихийный приток людей, был подчинен индустриальной схеме освоения, “прописан” в индустриальных координатах. Все это задавало особую направленность вектора социального развития региона: от индустриальной организации — к общности. Вместе с тем, индустриальное освоение на основе добывающих отраслей промышленности, в стационарном режиме, с многолюдным характером производства потребовало, во-первых, обживания территории, а значит, расселения на ней, а во-вторых, постепенной замены формальных (технических) уз сцепления популяции живыми человеческими связями. Поэтому первоначальная стратегия освоения модифицировалась в направлении от персонала организаций — к постоянному населению, а от него — к общности через систему расселения. Отсюда и необходимость специального исследования схем расселения как на локальном уровне, где они топологически уподобляются схемам производства и управления, так и на региональном, где развитая структура расселения выполняет специфическую протосоциальную функцию.

Наши исследования выявили целый ряд уникальных особенностей системы расселения Тюменской области. Во-первых, наличие в ее генезисе сочетания двух топологически различных способов колонизации: традиционного для Сибири маршрутно-каркасного освоения и территориального (площадного) фронта, характерного для массивной экспансии. Последняя, как уже было сказано, стала итогом мощного индустриального наступления на нефтегазоносный Тюменский Север, спланированного и осуществленного по всем правилам крупной военной операции. При этом если в социально-психологическом ключе и в плане идеологии освоения оба способа были практически неразличимы (пафос первопроходцев и первооткрывателей, романтика покорения суровой природы и т. д.), то в расселенческом аспекте картина выглядит иной: маршрутно-каркасный способ характеризует региональный уровень освоения в целом; фронт, понимаемый в данном случае как способ расширения границ освоения, проявляется преимущественно на локальном уровне (район отдельного месторождения или группы месторождений) [5].

Во-вторых, проектный характер формирования урбанизированной системы расселения. В отличие от староосвоенных районов, где такого рода системы вызревают не столь стремительно и, как правило, на основе расселения сельского типа, картина урбанизации Тюменской области была иной. Рисунок расселения здесь вначале оформлялся эскизно, затем проектным образом наносился на якобы чистое пространство, согласуясь в большей степени с матрицей геологической разметки территории, нежели с ранее сложившейся расселенческой схемой. Это было связано с вовлечением в хозяйственный оборот обширной нефтегазоносной провинции, с ее интенсивным индустриальным освоением, в основе которого было размещение производственных объектов, приуроченных к месторождениям углеводородного сырья. Люди же рассматривались как мобилизуемый

и распределяемый в необходимом количестве ресурс для их возведения и функционирования. В итоге в Тюменской области сформировалась утилитарная система расселения и соответствующий ей опорный каркас. Его основу составляет устойчивый Z - образный костяк, связывающий север и юг Тюменской области, а по отношению к Свердловской, Курганской, Омской и Томской областям обладающий преимуществами срединного географического положения [6].

В-третьих, наряду с основным каркасом, объединяющим крупные центры нефтегазодобычи и опорно-тыловые объекты юга области, в системе расселения присутствуют и относительно автономные расселенческие кластеры. Один из них представлен поселками, сформировавшимися в период активного наращивания темпов лесозаготовок; другой – населенными пунктами, тяготеющими к сети магистрального транспорта нефти и газа.

Как известно, Тюменская область была образована в 1944 году в результате очередной перекройки административно-территориальных границ в этой части страны. По территории новая область оказалась самой большой в стране, но в экономическом и социальном отношении явно уступала своим соседям. В основном это была неудобь, казавшаяся непригодной для жизни и хозяйственной деятельности. Но это было не так. Около половины территории области сплошь покрыто лесами. Запас древесины в них оценивался в ту пору более чем в 6 миллиардов кубометров. Поэтому до открытия уникальных по своим запасам месторождений углеводородного сырья промышленный облик Тюменской области определяли лесозаготовительные и деревообрабатывающие предприятия, а структуру расселения в районах лесозаготовок – рабочие поселки утилитарного назначения [7, с. 60-150]. Наращиванию производственных мощностей, а значит, промышленному освоению края и соответственно оформлению качественно нового рисунка расселения способствовало строительство двух железнодорожных веток Ивдель – Обь и Тавда – Сотник. Структура расселения в районах лесного комплекса в основных своих чертах оформилась к концу 80-х годов. Узловыми ее элементами стали населенные пункты – места расположения более чем двух десятков леспромхозов, которые в большинстве случаев и были главными градообразующими предприятиями. При этом период активного индустриального переоснащения лесного комплекса в середине 60-годов и начальный этап индустриального наступления на нефтегазоносный Тюменский север не только совпали по времени и месту действия, но и в какой-то степени взаимообуславливали друг друга. Строительство железных дорог, связанные с этим изыскательские работы, развитие лесхозов и леспромхозов, их оптимальное размещение словно готовило территорию к активной геологической разметке и последующему возведению нефтегазового комплекса.

Что касается магистрального транспорта нефти и газа, то принцип его развития исходил из логики централизованного управления народным хозяйством и сложившейся специализации экономических районов страны. Считалось, что предприятия по подготовке и переработке углеводородного сырья должны быть сосредоточены в местах его массового потребления

(удаленных от мест добычи на тысячи километров). Кроме того, существенным в этой стратегии был экспорт нефти и газа за пределы страны. Потребовалось ускоренное сооружение сверхдальних нефте- и газопроводов, которые и по сей день определяют конфигурацию сети магистрального трубопроводного транспорта России и стран СНГ. Транспортные артерии нефти и газа, берущие начало на Тюменских месторождениях, стали неотъемлемой чертой индустриального ландшафта области, поскольку значительная часть их русла проходит по ее территории. Однако с точки зрения организующего воздействия на региональную систему расселения наиболее значимы наземные объекты транспортной сети. Это, прежде всего, нефтеперекачивающие и газокompрессорные станции (НПС и КС).

Практика сооружения трубопроводов исходит из того, что перекачивающие станции предпочтительнее размещать вблизи населенных пунктов, источников энерго- и водоснабжения, существующей сети железных и шоссейных дорог. Кроме того, определенные требования предъявляются и к площадкам этих станций. Таким образом, в освоенных районах их местоположение задается изначально. Понятно, что в Тюменской области все оказалось сложнее. Некоторые поселки леспромхозов идеально подходили для этой цели. Правда, в них потребовалась серьезная модернизация большинства инженерных сетей, зданий, сооружений, производственных мощностей, да и всего комплекса жизнеобеспечения. Но в безлюдных районах выбор мест расположения НПС и КС был связан с необходимостью возводить новые поселки, сооружать там минимум объектов производственной и социально-бытовой инфраструктуры, заново прокладывать большинство коммуникаций.

Основные характеристики трубопроводного транспорта в границах Тюменской области на завершающем этапе формирования сети приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Нефтепроводы Тюменской области

Основные характеристики	1980	1985	1990	1995
Протяженность трассы, км	3395	4204	6178	6085
В однниточном исполнении, км	6275	8159	10684	10597
Количество нефтепроводов, шт.	12	20	32	34
Количество НПС, шт.	60	80	83	83

Таблица 2

Газопроводы Тюменской области

Основные характеристики	1980	1985	1990	1995
Протяженность линейной части, км	9279	18024	27672	27790
Количество газопроводов, шт.	7	12	18	20
Количество КС, шт.	27	42	50	50

С тех пор число населенных пунктов, где расположены наземные объекты сети, требующие постоянного стационарного обслуживания, осталось практически без изменения. Зато изменилось соотношение образующих поселенческих факторов. Правда, это почти не коснулось городов, но во многих селах и поселках, в том числе пригородных, фактор обслуживания транспортной магистрали стал преобладающим, а порой и единственным.

Казалось бы, это весомые аргументы в пользу того, чтобы рассматривать сеть трубопроводов и притрассовые поселки как линейную часть и узловые элементы опорного каркаса расселения. Но, несмотря на очевидное организующее значение трубопроводов, подобная структура не образует каркаса расселения в его классическом понимании. Нефтегазовые магистрали нельзя назвать путями сообщения в обычном смысле. Не являются таковыми и дороги технологического назначения, проходящие вдоль трассы трубопровода. Пассажирское и грузовое сообщение между поселками организовано по другим дорогам, а в ряде случаев осуществляется воздушным транспортом. Поэтому узловые элементы такого каркаса лишены двух основных функций: районообразующей и коммуникативной (фактора взаимодействия). То есть за ними остается лишь освоенческая роль. Это, главным образом, расширение зоны влияния населенного пункта на прилегающую территорию, вовлечение ее в хозяйственный оборот, а также использование в других целях, в том числе и рекреационных. В связи с этим и вся структура данного кластера по своим характеристикам ближе всего к каркасу освоения. Но этим ее назначение не исчерпывается. Данная структура уникальна тем, что объединяет в себе как порождающие, так и консервативные механизмы воздействия на популяцию. Это своего рода протокаркас. С одной стороны, он способствует расширению сферы заселения и обживания территории, возникновению новых микрокаркасов расселения в пределах административного района и на межрайонном уровне, а с другой, сохраняет и закрепляет доминирующее положение притрассовых населенных пунктов в расширяющейся расселенческой схеме [8].

Специального рассмотрения заслуживает и вопрос о месте и роли данного кластера в социокультурном пространстве региона. Здесь может оказаться полезной аналогия с закрытыми городами, точнее с населенными пунктами, входящими в категорию закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). Раньше эти города и поселки со строгим режимом секретности были известны только по слухам. Теперь они в значительно большей степени открыты и даже стали предметом специальных исследований (в том числе, и географических). Их закрытость официально оговорена и предусматривает целый ряд запретов и ограничений.

Понятно, что в небольших населенных пунктах, расположенных вдоль трассы трубопровода, изолированность и закрытость совсем другого рода. Это, по сути дела, “другая Тюменская область”, не столь многочисленная (здесь проживает менее 10% населения области), малоизвестная, малопривлекательная, обделенная общественным вниманием. Но она заслуживает такого внимания. Подобно закрытым городам это место

жизни и работы специализировано, в нем тесно переплетены бытовая повседневность и высокая степень ответственности за результаты труда. От социального благополучия этих мест зависит многое, в том числе энергетическая и экологическая безопасность не только конкретного региона, но и всей страны.

Библиографический список

1. Межевич М.Н. Социальное развитие и город: Филос. и социол. аспекты. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. - 175 с.
2. Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. Где живет советский человек. М.: Мысль, 1988. - 218 с.
3. Воронин В.В., Шарыгин М.Д. Социально-экономическая география на рубеже тысячелетий (теоретико-методологические аспекты). Самара: СГЭА, 1998. - 191 с.
4. Горяченко Е.Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. - 736 с.
5. Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Тюменский фронт (методологические заметки) // Вестник Тюменского государственного университета. №4/2005. С. 187-192.
6. Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Структура расселения в Тюменской области: особенности генезиса и перспективы развития // Известия РАН. Серия географическая. 2005. №3. С. 56-62.
7. Решетников А.С. Тюменский лесной комплекс. Тюмень: ИЗА Пульс, 1997. – 312 с.
8. Ганопольский М.Г., Маркова Л.М. Особенности структуры расселения Тюменской области в районах пролегания магистральных нефтегазопроводов // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2011, №4. С. 175-179.

Давыденко Е. А., Нижневартовск

Природосообразность коренных малочисленных народов ханты и манси

Аннотация

В статье говорится о том, что в традициях, существующих у представителей коренных народов ханты и манси, проявляется одна из основополагающих черт их мировоззрения – большая ответственность по отношению к земле. Особую роль при этом всегда играло понятие «священной земли» и «хозяин родового угодья» или «глава родового угодья». Рассмотрение вопроса о земельных отношениях у хантов и манси необходимо начинать с изучения их мифов, преданий в которых отражены их мировоззренческие взгляды, а так же трепетное отношение к природе, в том числе и земле.

Ключевые слова: ханты, манси, мифы, традиции, мировоззрение, земля

Ханты и манси – коренные малочисленные народы, большей частью проживающие на территории Ханты – Мансийского автономного округа – Югры. Этнонимы «ханты» и «манси» образованы от самоназвания народов хантэ, кантах и манси. В качестве официальных названий они были приняты после 1917 года.

Манси (вогулы) упоминаются в исторических источниках с 1336 года. Населявшие бассейны рек Конды, Северной Сосьвы и Зауралья, Западные склоны Урала, вогулы воевали с народностями коми (зырянами). По зырянски «вогул» значит чужой, вражеский. Себя вогулы исстари называли «маньсь», «манчь» - малый народ, малое племя. Селения, в которых они проживали, называются «паулами». Манси занимались охотой, оленеводством, рыбной ловлей, переезжая по рекам на искусственно сделанных «обласах» - осиновых лодках – однодеревках.

Уже в 17 – 18 вв. манси стали полuosедлым народом, перейдя частью к земледелию. От русских они узнали ремесло, рудное и кузнечное дело.

Ханты – самая многочисленная народность Севера. По переписи 1970 года их численность составляла 21 тысячу человек. Соприкосновение русских с иртышскими ханты происходило еще в военные походы на Югру в 1465, 1433, и 1499 годы.

К этому времени среди ханты, по лингвистическим и этническим данным, можно выделить большие этнические группы: северную, южную и восточную.

Хантыйский и мансийский языки относятся к финно-угорской группе уральской языковой семьи, предполагается, что некогда существовала и общность людей, говорившая на этом праязыке[1, с 6].

Вопрос о том, где жила эта общность, занимает умы исследователей с середины прошлого века. Тогда была выдвинута гипотеза азиатского происхождения финно-угорских и самодийских языков. Позднее получила широкое распространение теория европейской прародины, выработанная в основном финскими и венгерскими учеными. Одни из них предполагали, что прародина могла находиться в Северо-Восточной Европе, не очень далеко от Урала, по мнению других, эта территория простиралась от Балтийского моря до Урала[1, с.7].

Известный советский археолог и этнограф В. Н. Чернецов предложил в 1940-х годах гипотезу, согласно которой история уральцев возводится к западносибирскому неолиту.

В этот период происходят климатические изменения, вследствие которых граница степи сдвигается на север. Происходит, вероятно, и географическая передислокация угорских племен: часть из них сдвигается несколько на юг, где усиливаются их связи с южными соседями - праиранцами, и переходит, возможно под влиянием последних, от присваивающего к производящему хозяйству - животноводству и земледелию[1, с. 9].

В традициях, существующих у представителей коренных народов, проявляется одна из основополагающих черт их мировоззрения — большая ответственность по отношению к земле. Особую роль при этом всегда играло понятие «священной земли» и «хозяин родового угодья» или «глава родового угодья».

Понятие хозяина родового угодья означает, что человек отвечает за эту землю. Если на этой земле он охотится, занимается рыбной ловлей, разводит оленей, то он ее обязан охранять ее.

Цель исследования заключается в рассмотрении вопроса о регулировании земельных отношениях у хантов и манси с учетом их мировоззрения, традиций и быта, а так же с изучения их мифологии, преданий в которых отражены философские взгляды коренных малочисленных народов, трепетное отношение к природе, в том числе и земле.

Согласно мифам, верховным богом у коренных малочисленных народов ханты и манси считался нуми-торум «большой старик» обитавший на небе. Седовласый старик, повелел пицце гагаре, плававшей в водах мирового океана, трижды нырять на дно, пока она не вынесла в клюве ил, из которого нуми-торум стал творить землю. В облике гагары, по приданию скрывался бог преисподней куль-отыр, богатырский повелитель злых духов (кулей). Он оставил часть земли в клюве, но когда земля, по повелению нуми-торума, стала разрастаться, утаенная часть тоже принялась расти, и гагара выплюнула ее из клюва, создав горы Урал. Чтобы земля не разрасталась до бесконечности и не утонула от собственной тяжести,

нуми-торум велел вит-кулю — водяному - пожирать ее, пожарами. Лесные пожары делают землю легче и позволяют ей держаться на поверхности океана[2, с. 56].

Еще один вариант мансийского мифа повествует о том, что сначала была только вода. Земля же, находилась глубоко под водой. Однако на воде все же плавал торфяной клочок, и на нем размещался домик. В домике жили муж и жена. У них была гагара и другая водоплавающая птица, называемая лулы. Эта птица лулы по просьбе мужа и жены, с большим трудом достает из-под воды в клюве крохотный кусок земли, прикрепляет его на уголок домика.

В другом варианте сказания говорится, что гагара и лулы — железные птицы, появляются они с Верхнего Мира, лулы достает землю. Земля начинает расти и растет постепенно, как расширяются волны от упавшего в воду предмета. Земля была первоначально гладкая и неустойчивая, легкая и шаталась. Однажды она семь дней грохотала, появились каменистые горы.

Поклонение лесу — характерная черта хантейской и мансийской культуры. Например, когда наступает «Большая зима», то ее наступление отмечается на нижней Оби особым ритуалом. В священной роще зажигаются опознавательные огни, к которым прибывают участники обряда. В жертву духам Торум Ази (Небу), Калтащ Ими (Земле), Хынь Ике (Подземелью) приносят семь молодых оленей. После чего собирается совет старейшин.

Лес для народов Севера священный. Ханты считают, что дерево встречает человека и провожает в неземной мир. Оно встречает человека в висьякле — маленьком доме, берестяная малька — апа, покачивает его, пока он ползает и ест слабее птенца, оно спасает его юртой — избой из вековых лиственниц.

В старой мансийской сказке говорится: «Там, где лес особенно темный и густой, находится дом доброй лесной женщины Миснэ. Там стройные лиственницы уходят за облака, плечистые кедры обнимают землю так, что не видно неба. Миснэ, воплощение добра и чистоты, помогла людям в голодное время поймать много-много рыбы» [2, с. 59].

Во владениях каждого хантейского или мансийского сообщества существует ничья земля — уголья духов. Это самые обильные птицей и зверем участки тайги. Здесь нельзя ловить рыбу, собирать ягоды. Если зверь, преследуемый охотником, забегает туда, то погоня прекращается. По преданию, на одно из таких угодий забрёл охотник и убил двух лосей. Ночью к его костру явились поочередно медведь-мертвец и человек—покойник. Охотник, спасаясь «от гостей», всю ночь просидел на болоте, держа в руке горящую головню. Наутро убитые лоси встали и ушли в лес. Как и в этой поучительной истории, так и в других случаях природным мстителем выступает медведь[3].

По старинным представлениям хантов и манси к земле нельзя прикасаться острыми предметами. Существуют отдельные участки земли, берега некоторых озер, речек, по которым нельзя было ходить. В крайнем

случае, необходимо привязать к подошвам бересту. Проходя или проезжая мимо таких мест, ханты и манси совершают определенные обряды – приносят жертву пищу, приклады из ткани и др.

До сих пор многие ханты и манси совершают обряды жертвоприношения в начале промысла, например рыбной ловли или охоты. Во время таких жертвоприношений они обращаются к духам – хозяевам определенных мест, с просьбой дать больше добычи в наступающем сезоне.

Старший научный сотрудник института этнологии и антропологии РАН Новикова Н. в своей статье «От чума на центральной площади до суда» пишет: «Если дети, играя, бросаются на снег, оставляя след, то старшие учат их этого не делать. Ведь зверь оставляет след, и его по следу находит охотник. Ханты, ненцы, манси ходят как бы над землей, и это не метафора, возможно, этому их научили бесконечные передвижения по болотам. А есть такие участки земли, на которые нельзя наступать даже их легкой походкой, тогда чтобы там (это обычно священные земли) пройти, к подошвам ног привязывают бересту, чтобы еще больше защитить землю[4, с 76].»

Библиографический список

1. Новик, Е.С. Мифы предания сказки хантов и манси. Новосибирск, Наука. 1990. 568.с.
2. Петрухин В.Я. Мифы финно – угров. М., Астрель.2005. 465 с.
3. Хаврушина Э. Система образов в устном народном творчестве хантов и манси // Материалы научно – практической конференции. Литературное наследие Сибири. 17 - 19 апреля 2007 г. URL: <http://www.litmuseum.ru/nasledie.htm> (Дата обращения 14.02.2012).
4. Новикова Н. От чума на центральной площади до суда // Мир коренных народов - Живая Арктика, 1999, № 1. С. 76.

Икингрин Е. Н., Нижневартковск

Мониторинг репродуктивного поведения молодёжи г. Нижневартковска

Аннотация

В статье представлены результаты социологического исследования «Репродуктивное поведение молодежи г. Нижневартковска» проведенного в мониторинговом режиме в 2002, 2006, 2011 гг. Большинство вопросов во всех анкетах повторялись. Кроме репродуктивного поведения изучались структура молодых семей, их материальное положение, отношение к институту брака, реализация государственной семейной политики.

Ключевые слова: мониторинг, репродуктивное поведение, гетерогенные семьи, брак, развод, типы семей, государственная семейная политика, материальное положение, жилье, материнский капитал, ипотека

Российское общество переживает достаточно сложный период в своей истории. За последние два десятилетия произошло много изменений и в общественной жизни, и в принципах организации и управления обществом, в том числе, и в семье.

Современный этап развития общества характеризуется резким возрастанием роли и значения информации в управлении социально-экономическими процессами. Наличие полной своевременной и достоверной информации о процессах, происходящих в различных отраслях и сферах жизни общества, является необходимым условием организации эффективного управления его развитием. В статье «Социологический мониторинг», опубликованной в 1994 г. в журнале «Социологические исследования», академик Т.И. Заславская, рассказывая о первых восьми месяцах функционирования социологического мониторинга, озвучила следующее определение социологического мониторинга: «Говоря о социологическом мониторинге, мы имеем в виду некоторую целостную систему отслеживания происходящих в обществе перемен на основе исследования и анализа массовых представлений о них. В нашем случае это представления респондентов о сложнейших процессах движения российского общества от посттоталитаризма к демократии и от планово-распределительного хозяйства — к рыночному. При этом важно, с моей точки зрения, выделять про-

цессы, отражающие, во-первых, политические и социокультурные условия, во-вторых, прямые социальные результаты и, в-третьих, непланируемые отрицательные последствия преобразования общественно-экономической системы России»¹.

Далее она говорит о том, что «надежную «обратную связь» управления может обеспечить только достаточно полная, достоверная, оперативная и дифференцированная информация о восприятии реформ людьми». Обычные социологические исследования зачастую не сопоставимы, так как проводятся при помощи разных социологических инструментов и методов. «Главная цель нашего мониторинга — обеспечить российское общество свежей, достаточно полной и дифференцированной социологической информацией.

Процессы преобразования российского общества находятся в сложном переплетении друг с другом. Чтобы в них разобраться, отечественным и зарубежным политикам, экспертам и политически активным гражданам нужна независимая и достоверная информация с мест: какая обстановка складывается в тех или иных регионах, что меняется в экономических отношениях, положении общественных групп и слоев, как происходящие перемены воспринимаются людьми и выражаются в их поведении. Таковую информацию способен дать только всероссийский социологический мониторинг. Одновременно он может содействовать разработке такой политики преобразований, которая больше отвечала бы социокультурным характеристикам россиян, особенностям их массового сознания».

Идеи, методические установки², которые озвучила Т.И. Заславская относятся не только к всероссийскому мониторингу, мониторингу социально-экономического развития городов, городских и сельских поселений, а так же к мониторингу отдельных сфер жизнедеятельности общества, социальных групп и т. п.

Сегодня все ведущие социологические центры, как например, ВЦИОМ, Левада-Центр, Цирком и др. ведут мониторинговые исследования, направленные на социологическое обеспечение деятельности глав муниципальных образований. Для ВЦИОМа основные направления мониторинговых исследований - это оценка деятельности муниципальных органов власти, изучение социального самочувствия населения, изучение проблемного поля муниципального образования, оценка деятельности муниципальных властей по предоставлению бюджетных услуг населению, отношение населения к реализации социальных проектов и программ на территории муниципального образования, изучение форм и интенсивности вовлеченности различных групп граждан в социально-экономические преобразования и т. д.³

¹ См. подробнее: Заславская Т.И. Социологический мониторинг // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 6. // URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16610761/> (Дата обращения 10.07.2012).

² См. подробнее: Заславская Т.И. Социологический мониторинг // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 6-12. // URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16610761/> (Дата обращения 10.07.2012).

³ См.: URL <http://wciom.ru/politics-municipalitet/> (Дата обращения 10.07.2012).

В статье «Социологический мониторинг как метод анализа проблем государственной службы» К. О. Магомедов пишет: «Применение методики социологического мониторинга позволяет не только создать аналитический информационный банк и перейти к другим технологическим процедурам — прогнозированию, моделированию и т. п. социальных процессов в государственной службе, но и реально перейти к информационно-аналитическому сопровождению процессов государственного управления»¹.

В 2002, 2006, 2011 гг. был проведен опрос молодых семей г. Нижневартовска по репродуктивному поведению. Большинство вопросов во всех анкетах повторялись. Одно из главных требований мониторинга постоянный (неизменный) объект исследования. В таблице 1 даны характеристики объекта исследования всех трех волн мониторинга.

Таблица 1

Характеристика выборочной совокупности в опросах 2002, 2006, 2011 гг.

	Варианты ответа	2002	2006	2011
Пол	Мужской	45,7	49,0	46,2
	Женский	54,3	51,0	53,8
Возраст респондента	18-19 Лет	4,3	2,4	4,3
	20-24 Года	41,8	35,3	37,6
	25-30 Лет	41,0	54,9	50,7
	Старше 30 лет	12,90	7,3	7,4
	Итого ответивших:	100,0	100,0	100,0
	Средний возраст	25,4±0,5	25,741±0,399	25,454±0,377

Данные в таблице 1 свидетельствуют о том, что было проведено три панельных исследования, так как объект во всех трех исследованиях одинаковый.

Ниже показаны некоторые результаты мониторинга «Репродуктивное поведение молодежи г. Нижневартовска».

1. Изменение состава опрошенных семей представлено в таблице 2. Как мы видим, число сложных семей значительно уменьшилось, если в 2002, 2006 гг. практически каждая третья молодая семья жила с родителями (31,1% опрошенных), то в 2011 г. только каждая пятая. В 2011 г. улучшилось материальное положение молодых семей, поэтому больше стали снимать жилье или покупать его.

С 2007 г. начал работать материнский капитал (форма государственной поддержки российских семей, воспитывающих детей). Распоряжаться средствами материнского капитала возможно только по истечении 3 лет со дня рождения (усыновления) ребёнка. Таким образом, реальные выплаты начались с 2010 года. На 1.06.2012 ПФР выдал сертификат на материнский капитал более чем 3,65 млн. российских семей. Размер материнского капи-

¹ Магомедов К. О. Социологический мониторинг как метод анализа проблем государственной службы // URL: http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/2262.pdf (Дата обращения: 10.07.2012).

тала в текущем году составляет 387,6 тыс. рублей. На его выплату в бюджете ПФР на 2012 год заложено 162,7 млрд. рублей. Наиболее популярное направление использования материнского капитала – погашение жилищных кредитов и займов. В общей структуре использования материнского капитала оно составляет 75,5%. На сегодня при помощи материнского капитала по всей России 811 тысяч российских семей частично или полностью погасили жилищные кредиты на сумму более 267 млрд. рублей¹.

Таблица 2

Состав Вашей семьи, в % к число опрошенных

Варианты ответа	2002	2006	2011	
Нуклиарная семья				
Без родителей		68,9	68,9	79,4
	Детей нет	22,4	18,2	30,2
	Один ребенок	31,0	24,8	35,6
	Двое и более	15,5	25,9	13,6
Сложная семья				
С родителями		31,1	31,1	20,6
	Детей нет	17,7	15,0	6,9
	Один ребенок	12,5	11,9	10,6
	Двое и более	0,9	4,2	1,5
	Другое	0,0	0,0	1,5

2. Динамика основных проблем, с которыми сталкиваются молодые нижевартовские семьи, представлена в таблице 3.

Таблица 3

Что особенно тревожит (семью) в настоящее время?, в % к числу опрошенных

Варианты ответа	2002	2006	2011
Хроническая нехватка денежных доходов семьи	50,0	50,7	45,9
Сложности с работой, трудоустройством, сменой профессии	36,6	37,0	39,4
Невозможность решения жилищного вопроса	55,2	56,7	46,5
Трудности с учебой, воспитанием детей	24,6	12,0	13,1
Сложности с переездом в другой город, другую местность	8,2	3,9	10,4
Плохое здоровье детей	12,9	10,9	5,5

¹ URL: http://www.pfrf.ru/ot_krasdar/pr_releases/46835.html (Дата обращения 12.07.2012).

Продолжение таблицы 3

Варианты ответа	2002	2006	2011
Плохое здоровье детей	12,9	10,9	5,5
Плохое здоровье взрослых членов семьи	24,6	11,6	10,4
Боязнь быть ограбленным, обворованным в доме, квартире, в саду	11,2	6,3	8,6
Боязнь подвергнуться насилию, быть физически изувеченным, избитым	25,0	11,6	8,9
Боязнь отравиться водой, воздухом, радиацией	22,4	10,6	6,4
Пока особых проблем нет	9,1	17,6	7,3
Плохое мед.Обслуживание	-	4,2	15,3
Итого ответивших:	279,7*	233,1*	217,7*

*Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Доля отметивших показатель «хроническая нехватка денежных доходов семьи» хотя незначительно, но снизилась с 50-51% в 2002 и 2006. до 46%. Менее остро стоит у молодых семей в 2011г. жилищная проблема (в 2002 ее отметили 55% респондентов, в 2006 г. – 57%, в 2011 г. - 47%)

В 2002 г. – молодые семьи нижевартовцев испытывали больше проблем, чем в последующие годы: сумма по всем проблемам в 2002 составила – 280%, в 2006 г. – 233%, а 2011 г. – 47%. Улучшились такие показатели, во-первых, как «боязнь подвергнуться насилию, быть физически изувеченным, избитым», если в 2002 году его отметило 25% респондентов, в 2006 г. – 12%, в 2011 - 9%, во-вторых, - «плохое здоровье взрослых членов семьи» соответственно – 24,6%, 12% и 10%, в-третьих, - «боязнь отравиться водой, воздухом, радиацией» - соответственно – 22%, 11% и 6% .

Примерно на одном уровне остается показатель «сложности с работой, трудоустройством. сменой профессии». Но тенденция намечается к усложнению проблемы с трудоустройством. Значительно вырос такой показатель как «плохое медицинское обслуживание» - с 4% до 15%.

При опросе респондентам было предложено дать оценку медицинской помощи в Нижневартовске беременным, роженицам, и новорожденным. Незначительно, но ухудшились оценки медицинской помощи роженицам (с 3,97 в 2006 до 3,94 баллов в 2011 г.) и новорожденным (с 4,24 до 4,08 баллов).

Оставаясь очень низкой, оценка жилищных условий в 2011 по сравнению с 2006 повысилась с 2,90 баллов до 3,13. В 2002 она была в среднем 3,0 балла. При ответах на вопрос «Если Вы не вполне удовлетворены своими жилищными условиями, то надеетесь ли на их улучшение, когда отметили вариант «надежды на улучшение в ближайшем десятилетии нет» в 2002 г. отметили 10% респондентов, в 2006 г. – 17%, а в 2011г. – 6%. Комментарии здесь излишни. У нижевартовских молодых семей есть реальная возмож-

ность улучшения своих жилищных условий. Каждый третий опрошенный (36%) в 2011 г. собирается для улучшения жилья «накопить деньги», в 2006 г. только каждый пятый (20%).

Таблица 4

Удовлетворенность жилищными условиями, в % к числу опрошенных

Варианты ответа	2002	2006	2011
Неудовлетворительные	31,47	37,8	22,1
Удовлетворительные	37,07	34,3	43,0
Хорошие	31,47	28,0	34,8
Итого ответивших:	100,0	100,0	100,0
Среднее (индекс):	3,0	2,90	3,13

3. Обеспеченность имуществом нижевартовских молодых семей представлена в таблице 5.

Таблица 5

Какое имущество имеет семья, в % к числу опрошенных

Варианты ответа	2002	2006	2011
Земля, огород, дача	43,5	28,9	33,5
Автомобиль	65,7	54,0	67,4
Фотоаппарат	-	79,8	83,4
Холодильник	92,6	84,3	88,1
Швейная машина	41,3	32,8	30,6
Стиральная машина автомат	87,4*	76,3	84,9
Посудомоечная машина	-	7,3	14,2
Микроволновая печь	-	69,3	81,6
Сотовый телефон	-	96,5	96,4
Компьютер	31,7	61,3	88,1
Видеокамера	23,5	26,8	32,9
Музыкальный центр	58,3	58,2	41,2
Телевизор	95,7	92,3	92,0
Домашний кинотеатр	-	22,0	25,8
Итого ответивших:		789,9*	860,2*

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 8,6.

В целом обеспеченность предметами длительного пользования в 2011 г. по сравнению с 2002 и 2006 улучшилась по-разному. Если компьютер был в 2002 г. у 32% респондентов, в 2006г. — у 61%, то в 2008г. — 88%. Увеличилось число людей имеющих — фотоаппарат, видеокамеру, домашний кинотеатр. В тоже время уменьшилось число семей имеющих

музыкальный центр с 58% в 2002, 2006гг до 41%; швейную машину с 41% в 2002 г. (в 2006 – 33%) до 31% - 31%. Не так прямолинейно изменялось доля семей имеющих землю, огород, дачу (44% в 2002 г., 29% -2006 г., и 34% в 2011г.) и машину (66% в 2002 г., 54% -2006 г., и 67% в 2011г.).

4. Репродуктивные установки молодых нижевартовских семей.

В последние годы позже стали выходить замуж и жениться. Наш мониторинг эту тенденцию тоже показывает. При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, в каком возрасте девушкам (молодым женщинам) «пора»выходить замуж?» мы получили следующее: доля выбравших вариант от 18 до 20 лет снизилась с 35% до 21%, доля выбравших вариант от 21 до 23 лет тоже уменьшилась с 41 до 40% и увеличилось с 21% до 35% число тех, кто считает что выходить замуж нужно от 24 до 26 лет. Средний возраст «начала замужества» по опросу нижевартовцев в 2006 г. был 21,7 года, в 2011 г. – 22,6 года. Изменился возраст в сторону увеличения и у молодых мужчин когда им «пора» жениться, но не так однозначно как у женщин. Увеличилось число считающих с 44% в 2006 до 53% в 2011, что нужно жениться в возрасте от 24 до 26 лет и соответственно с 21% до 26% - в возрасте 27- 30 лет. В тоже время уменьшилось число тех, кто считает, что женить нужно после 30 лет с 11% в 2006 г. до 3% в 2011.

В 2011 г. произошло повышение всех показателей репродуктивных установок по сравнению с предыдущими опросами. Это наглядно демонстрирует таблица 6. Самые низкие показатели репродуктивного поведения были в 2006 г.

Таблица 6

Сколько детей должно быть или будет в семье (среднее число детей)

Показатели	2002	2006	2011
Сколько должно быть детей в идеальной семье	2,49	2,28	2,53
Сколько будет детей в вашей семье	2,19	2,05	2,28
Сколько хотели бы иметь, если бы для этого были все условия	2,78	2,47	2,89

Большинство рождений первых детей приходится на возраст 20-24 года. Но за пять лет (2006-2011) увечилось число мужчин и женщин, у которых первый ребенок родился после 25 лет: на 14,3% число мужчин и на 10,5% число женщин.

В последние годы усиливается тенденция «отложенных рождений». Для того, чтобы узнать причины этого явления респондентам был задан вопрос «Если ребенок родился через 2-3 года, то почему?». Результаты ответов на этот вопрос представлены в таблице 7.

Таблица 7

Причины рождения первого ребенка через 2-3 года после свадьбы,
в % к числу опрошенных

Варианты ответа	2002	2006	2011
Заканчивали учебное заведение	35,6	35,6	23,4
Ждали собственное жилье	24,44	17,8	27,7
До рождения заработать стаж, должность и т.П.	24,44	8,9	21,3
Необходимость создания материал.Базы	17,78	24,4	19,1
Хотелось пожить»для себя»	17,78	11,1	14,9
Планировали, готовились к рождению ребенка(укрепляли здоровье)	11,11	24,4	14,9
Проблемы с зачатием ребенка	8,89	17,8	10,6
Что-то другое		0,0	6,4
Итого ответивших:	140,0*	140,0*	138,3*

*Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 1,4.

Жениться и выходить замуж стали позже (как уже говорилось), поэтому число, тех, кто отметил вариант «заканчивали учебное заведение» уменьшилось с 36% (2002, 2006) до 23% (2011 г.). В 2011 г. увеличилось число тех, кто «ждал собственное жилье» (на 10% по сравнению с 2006). В 2006 г. на втором - третьем месте после заканчивали учебное заведение были причины «необходимость создания материальной базы» и «планировали, готовились к рождению ребенка(укрепляли здоровье». В 2006 г. в выборку попало 18% молодых семей, у которых были «проблемы с зачатием ребенка» (в 2002 г. таковых было – 9%, в 2011г. – 11%).

Во всех опросах респонденты оценивали здоровье: свое, мужа (жены) и детей. Свое и жены (мужа) улучшается, а у детей самый низкий показатель оценки здоровья был в 2006 г. – 3,55, в 2002 – 3,6 балла, в в2011 г. 3,74 балла.

Таблица 8

Оценки здоровья (в баллах)

Оценка состояния здоровья	2002	2006	2011
Респондента	3,5	3,57	3,66
Мужа (жены)	3,5	3,63	3,72
Детей	3,6	3,55	3,74

На репродуктивные установки, безусловно, влияет как складывается семейная жизнь. Больше всего недовольных своей семейной жизнью было в 2006 г. (см. таблицу 9).

Таблица 9

Как сложилась семейная жизнь, в % к числу опрошенных

Варианты ответа	2002	2006	2011
В целом удачно	87,9	86,3	90,9
Не совсем удачно	11,2	9,8	6,7
В целом неудачно	0,9	3,9	2,4
Итого ответивших:	100,0	100,0	100,0

Современная ситуация в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра характеризуется поиском путей повышения качества жизни и укрепления института семьи. С 2004 года в автономном округе действует закон «О поддержке семьи, материнства, отцовства и детства в Ханты-Мансийском автономном округе - Югра», позволяющий осуществлять обеспечение комплексного проведения семейной политики, ориентированный на повышение статуса семьи, более полное и эффективное выполнение ею своих функций¹. Результаты мониторинг «Репродуктивное поведение молодежи г. Нижневартовска» наглядно свидетельствует о эффективности проводимый в округ семейной политики.

¹ Отчет по результатам социологического исследования «Семья и дети», проведенного Комитетом социально-политического анализа по заявке Департамента труда и социальной защиты населения. Ханты-Мансийск. 2006.

Клюкина Э. С., Апатиты

Ресурсный потенциал и риски жизни на Севере

Аннотация

Предпринята попытка социологического осмысления влияния факторов природного и экологического рисков на формирование ресурсного потенциала жизнедеятельности северян, субъективное определение качества жизни и жизненные стратегии.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, риск, качество жизни, удовлетворенность жизнью, здоровье населения

Очерчивание перспектив развития северных территорий невозможно без осуществления комплексного подхода к изучению проблемного поля их настоящего. Одним из исследовательских направлений, требующих серьезного социологического анализа, является изучение факторов, детерминирующих ресурсы жизнедеятельности северян в условиях неопределенности и рисков современного общества.

Ресурсный потенциал рассматривается как наиболее общий, интегральный показатель жизнедеятельности представителей разных социальных групп, отражающий совокупность средств для выполнения основных функций и характеризующий реальные возможности для удовлетворения актуальных потребностей с целью выживания и развития в постоянно изменяющихся условиях, а также резервы для достижения более высокого качества жизни. Данное понятие охватывает не только существующие на данном этапе жизненного цикла ресурсы для достижения целей «здесь и сейчас», но и их предпосылки — т. е. те латентные резервы, которые могут быть мобилизованы индивидом (группой) в будущем для выбора активных стратегий преодоления жизненных трудностей с целью продолжения своей истории жизни [1, с. 40].

Методологическая позиция исследователя, занимающегося эмпирическим изучением данного предметного поля, основана на понимании ресурсного потенциала как комплексного показателя, который интегрирует, с одной стороны, объективные условия существования (в том числе уровень жизни), с другой — субъективные оценки индивидом своей жизни и условий, в которых она осуществляется.

Субъективные и объективные аспекты данной категории объясняют необходимость изучения 1) системы показателей, характеризующих объективные условия жизнедеятельности людей (уровень безработицы, преступности, загрязнения окружающей среды, объективные показатели состояния здоровья и др.) и 2) системы показателей, измеряющих отражение объективных условий в субъективных ощущениях индивида, на которые накладывают отпечаток его интеллект, жизненный опыт, эмоциональное состояние и т. д. (удовлетворенность жизнью, осознание собственного счастья или несчастья, самооценка здоровья и др.).

Изучение ресурсного потенциала жизнедеятельности северян предполагает выделение нескольких уровней его анализа, каждый из которых характеризуется определенным набором потребностей и реальных возможностей их удовлетворения. При оценке ресурсного потенциала трудно выделить действие какого-либо одного ведущего фактора: здесь отмечается суммарное влияние взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов. Принимая во внимание влияние на формирование ресурсного потенциала различных факторов, акцентируем внимание на таком из них, как проживание на Крайнем Севере в условиях природных, техногенных и экологических рисков.

Изучение ресурсного потенциала жизнедеятельности населения северных регионов приобретает особое значение в связи с тем, что социально-экономическая, политическая, социокультурная, идеологическая ситуация в стране дополняются и усугубляются природно-географическими, климатическими, экологическими и прочими условиями, которые могут рассматриваться как «экстремальные»; и именно на этих территориях многие проблемы особенно обостряются. Результаты проведенных исследований доказывают, что в условиях трансформации российского общества северяне оказались во многих отношениях более уязвимыми по сравнению с жителями других регионов России ввиду снижения экономического и социального статуса северных территорий. На сегодняшний день российский Крайний Север является «зоной риска» по многим показателям; не является исключением и Кольский Север (синоним обозначения «Мурманская область»). Рассмотрение климатогеографических и производственно-экономических факторов, во многом определяющих жизнедеятельность населения данной территории, анализ специфических особенностей среды проживания в регионально-территориальном аспекте позволяют утверждать, что риск является неотъемлемой характеристикой социального пространства Кольского Севера. Внешние рискогенные факторы являются следствием неблагоприятных климатических условий (длительная полярная ночь, резкие перепады атмосферного давления, неблагоприятный ветровой и температурный режим, сложный рельеф местности и т. д.), структуры производства региона, экологической ситуации, политики государства и т. д. В регионе на сравнительно небольшой территории действует множество крупных промышленных объектов, что влечет за собой риск чрезмерного загрязнения окружающей среды промышленными выбросами предприятий горнодобывающей, металлургической и химической промышленности.

Состояние окружающей среды оказывает влияние на состояние здоровья населения, особенно детского — снижаются резервы здоровья на индивидуальном и популяционном уровнях, растут показатели специфической патологии за счет антропогенного воздействия на здоровье населения. Согласно критериям оценки экологической нагрузки (заболеваемость взрослых и детей, рождаемость, преждевременная смертность), регион долгое время соответствовал зоне чрезвычайного риска развития экопатологии человека [2, с. 5-6.].

Результаты исследований, проведенных в промышленных центрах региона с участием респондентов в возрасте от 18 до 35 лет¹, позволяют сделать предположение о том, что молодые северяне осознают влияние на свою жизнь и здоровье таких факторов, как проживание в условиях Крайнего Севера и экологическое неблагополучие (так, позиция «воздействие на здоровье неблагоприятных условий Крайнего Севера» занимает третье место в рейтинге наиболее серьезных опасностей, вероятность подвергнуться которым предлагалось оценить респондентам; позиции, отражающие техногенные опасности — возможность пострадать от «загрязнения среды в результате аварии на промышленном предприятии» и «радиационного воздействия» — находятся в середине ранжированного ряда, что объясняется непосредственной близостью крупных промышленных объектов — атомной станции, предприятий металлургической, горнодобывающей и химической промышленности и др.).

Осознание факторов природного, техногенного и экологического рисков оказывает влияние на удовлетворенность молодых северян различными сторонами жизнедеятельности, восприятие будущего и жизненные стратегии, в частности, связанные с решением вопроса — «жить на Севере или уехать?». Так, каждый четвертый опрошенный ориентирован на то, чтобы покинуть регион. При этом лидирующую позицию в иерархии причин возможной миграции занимают «неблагоприятные климатические условия».

Особое значение имеет проведение сравнительных межрегиональных эмпирических исследований, целью которых явилось бы выявление общего и специфического в изучении факторов, детерминирующих формирование ресурсного потенциала жизнедеятельности населения в разных регионах, где последнее — специфическое — обусловлено особенностями экономических, политических, социокультурных, климатогеографических, экологических и иных условий жизни в сравниваемых регионах.

¹ Исследования проведены в рамках проекта «Социальное самочувствие молодежи: стереотипы и реалии» при поддержке МРМОО «Гуманистическое движение молодежи» (г. Мурманск).

Библиографический список

1. Гринькова (Клюкина) Э.С. Ресурсный потенциал молодой семьи в условиях Кольского Севера: дис. канд. соц. наук. – СПб., 2004.
2. Дорофеев В.М., Рубин А.Д. Биологические и соматические особенности детей Кольского Заполярья // Коррекция и развитие детей с ограниченными возможностями в условиях Кольского Севера: Сборник научных трудов. – Мурманск: МГПИ, 1999.

Налимова Л. Ф., Чертенко А. Л., Нижневартовск

Социальная компетентность муниципальных служащих: из опыта проведения социологических исследований

Аннотация

В результате реформы местного самоуправления в России актуализировалась проблема социальной компетенции и профессионализма муниципальных служащих являющихся значимым фактором эффективности муниципального управления. В статье на основе социологических исследований, проведенных в различные годы в ХМАО-ЮГРЕ (северяне) и «большой земли»(УрФО), анализируется реальное состояние социальной компетентности современных российских муниципальных служащих. Проведенное исследование имеет теоретическое и практическое значение в контексте повышения профессионализма служащих и результативности реформирования системы местного самоуправления в современной России.

Ключевые слова: муниципальная служба, муниципальный служащий, социальная компетентность, профессионализм, чиновник, местное самоуправление, муниципальное управление, социологический метод оценки

Формирование демократического общества требует квалифицированного кадрового потенциала, что невозможно без научно-обоснованной кадровой политики. Кадровое обеспечение сферы управления и властных отношений играет решающую роль в решении широкого круга текущих и перспективных проблем развития российского общества. Принципы профессионализма и компетенции в условиях рыночных отношений становятся определяющими.

Реальная управленческая практика и опыт реализации административной реформы показывают, что без сопряжения интересов государства и общества с интересами российских чиновников любые управленческие инновации обречены на неудачу. Социальная компетентность и профессионализм чиновничества оказывается тем серьезным барьером, которым

реформы смогут преодолеть, только превратив ее в свой ресурс. Время диктует новые требования к сотрудникам государственных и муниципальных органов управления. В должностной модели современного государственного и муниципального служащего необходимо отразить весь комплекс ведущих характеристик: профессионализм и социальная компетентность, деловые способности и личностные качества.

С учетом реальных потребностей российского общества профессиональное развитие муниципальных управленцев отражает логику нового законодательства в сфере строительства местного самоуправления. В ее основе усиление социальной составляющей этой сферы. Отсюда закономерно актуализируется потребность в социологических исследованиях социальной направленности профессиональной и социальной компетентности муниципальных служащих, вытекающих из особенностей их трудовой деятельности.

Во-первых, рассмотрение проблем формирования социальной компетентности чиновничества в системе местного самоуправления отражает потребность местных сообществ в углублении социального развития территориальных социумов.

Во-вторых, социологический анализ социальной компетентности муниципальных управленцев позволяет уточнить приоритетные направления в модернизации организационной структуры местного самоуправления.

В-третьих, социологическое изучение социальной компетентности муниципальных служащих может существенно повлиять на моделирование корпоративных отношений внутри органов местного самоуправления.

В-четвертых, огромное значение социологическое понимание сущности социальной компетентности приобретает в профессиональной социализации личности и определении кадровых перспектив трудовой деятельности муниципального чиновника.

В-пятых, знание содержания и форм проявления социальной компетентности муниципальных чиновников способствует достижению взаимоотношений внутренней и внешней сред муниципального управления, адекватных друг другу в современных условиях.

Исходя из вышесказанного, проблема социологического анализа социальной компетентности современных российских муниципальных служащих имеет огромное теоретическое и практическое значение в контексте повышения их профессионализма и результативности реформирования системы местного самоуправления в современной России¹.

¹ Социологические исследования проведены в рамках исследовательских проектов кафедры социологии и управления общественными отношениями (научный руководитель: профессор, доктор социологических наук В.Г. Попов). В 1999-2001 гг. проведены по квотной выборке массовые и экспертные социологические опросы в г. Покачи, охватившие более 2000 респондентов. Аналогично в 2002 г. проведены массовый и экспертный опросы в г. Югорске (Ханты-Мансийский Автономный округ), число опрошенных – более 1500 человек. В 2002-2003 гг. по квотной выборке чиновников органов государственной власти и местного самоуправления в Уральском Федеральном округе проведен социологический опрос 860 государственных и муниципальных служащих Свердловской, Челябинской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономного округов.

Для изучения компетенции использовали ряд эмпирических показателей, характеризующих содержание в современных условиях социально-трудовую ориентацию российских государственных и муниципальных служащих. Прежде всего, выделим такой показатель, как самооценка чиновниками подготовленности к видам профессиональной деятельности. Количественные индикаторы могут быть представлены в пятибалльной шкале («1» - самая низкая, «5» - самая высокая оценки), а качественные в виде определенного набора направлений профессиональной деятельности, освоенных чиновниками в той или иной степени.

В перечень таких направлений мы включаем виды профессиональной деятельности менеджера государственной и муниципальной службы, которые зафиксированы в Федеральном образовательном стандарте специальности 061.000 – государственное и муниципальное управление. В первую очередь выделяются такие направления, как организация работы, координация работы с другими сотрудниками, планирование, представление интересов организации за ее пределами, мотивация сотрудников на эффективную работу, консультативная, образовательная, методическая работа, контроль за деятельностью других сотрудников, исследование, диагностика, прогноз ситуации, инновационная деятельность.

Данные представленные в таблице 1 демонстрируют то, что в целом средние самооценки чиновников в основном ниже оценки «хорошо». Особенно часто более низкие оценки дают респонденты инновационной деятельности, наличию исследовательских навыков у современных чиновников, умению контролировать труд других чиновников, заниматься консалтингом, методической и образовательной деятельностью, мотивацией деятельности других чиновников. Только организационная деятельность «северянами» и показатель «исследование, диагностика, прогноз ситуации» чиновниками «большой земли» оцениваются достаточно высоко. Выше, чем другие виды профессиональной деятельности, «северянами» оцениваются координация работы (3,96 балла), умение планировать деятельность (3,96), представлять интересы организации (3,94 балла).

Таблица 1

Подготовленность чиновников к видам профессиональной деятельности: среднеарифметическая оценка в пятибалльной шкале

	Чиновники-«северяне»	Чиновники «большой земли»
Организация работы	4.02	3.78
Координация работы с другими сотрудниками	3.96	3.71
Планирование	3.94	3.67
Представление интересов организации за ее пределами	3.93	3.76
Мотивация сотрудников на эффективную работу	3.76	3.43
Консультативная, образовательная, методическая работа	3.71	3.39
Контроль за деятельностью других сотрудников	3.59	3.40

Продолжение таблицы 1

	Чиновники- «северяне»	Чиновники «большой земли»
Исследование, диагностика, прогноз ситуации	3.58	4.17
Инновационная деятельность	3.48	3.05
В целом уровень профессиональной деятельности	3.89	3.68

Свою подготовку чиновники «северяне» оценивают выше, чем чиновники «большой земли» практически по всем показателям кроме показателя «исследование, диагностика, прогноз ситуации». По нашему мнению, это связано с тем, что чиновники «северяне» чаще проходят различные виды повышения квалификации. И если в 2001 году прошли переподготовку или подготовку в соответствии с ныне установленными квалификационными требованиями 12% муниципальных служащих автономного округа, в 2011 г. 25%.

За последние несколько лет администрацией города Нижневартовска проделана значительная работа по разработке и реализации концепции управления кадрами, сформирован квалифицированный кадровый состав, усовершенствованы технологии подбора кадров на муниципальную службу, ведется работа в области профессионального развития персонала. Высшее образование имеет 531 муниципальный служащий, что составляет 96% от фактического числа муниципальных служащих (в том числе 95 человек — два и более высших образования), ученую степень — 8, среднее профессиональное образование - 22 (4% от фактического числа муниципальных служащих). В течение 2011 года дополнительное профессиональное образование по программе повышения квалификации получили 111 человек, 19 человек приняли участие в семинарах.

Какие качества наиболее важны для работы на занимаемой чиновником должности? Ниже на таблице 2 приводятся данные о наиболее важных, с точки зрения наших реципиентов, качествах.

Таблица 2

Приоритетные качества служебного этикета чиновников,
в % от числа ответов

Значения	Чиновники- «северяне»	Чиновники «большой земли»
Доброжелательность	18	18
Способность брать на себя ответственность	14	16
Дисциплинированность	12	12
Честность	11	8
Способность к компромиссу	9	5
Справедливость	8	7
Принципиальность	6	8
Склонность к взаимопомощи	4	7

Продолжение таблицы 2

Значения	Чиновники-«северяне»	Чиновники «большой земли»
9.-12. Признание свобод и прав окружающих	3	4
9.-12. Терпимость к «чужим» жизненным идеалам	3	2
9.-12. Служебный педантизм	3	4
9.-12. Неподкупность	3	2
13.-14. Лояльность к власти	2	1
13.-14. Предприимчивость	2	4
15.-16. Открытость	1	2
15.-16. Другое	1	1
Затрудняются ответить	0	1
Итого	100	100

Отмеченные на таблице 2 качества можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, можно выделить «тройку» самых важных качеств:

1. Доброжелательность (1).
2. Ответственность (2).
3. Дисциплинированность (3).

Во-вторых, следует обратить внимание на наименее востребованные качества: открытость, предприимчивость, лояльность к власти, неподкупность, служебный педантизм, терпимость к «чужим» жизненным идеалам, признание свобод и прав окружающих.

Получается, что государственный и муниципальный чиновник должен вести работу дисциплинированно, со всей ответственностью и доброжелательностью. Однако ему не нужны такие качества, в которых выражается толерантность, строгость и аккуратность в работе, неподкупность, открытость людям и предприимчивость.

В какой степени обладают государственные и муниципальные служащие отмеченными выше качествами? Ответы на этот вопрос означают признание указанных качеств реально действующими, или они только воспринимаются в качестве абстрактного идеала, «руководства к действию» и не более того. В полученных данных видно, что чиновниками отчетливо выражено подтверждение наличия указанных выше качеств у них лично. Практически две трети опрошенных реципиентов утверждают, что обладают отмеченными качествами, то есть они, прежде всего, доброжелательны, дисциплинированы и чаще всего смело берут в наиболее сложные моменты ответственность на себя. Особенно часто на этом настаивают чиновники-«северяне» (68% опрошенных). Оценки чиновников на «большой земле» несколько скромнее (60%), однако, также весьма характерны и отчетливы. Но среди них имеется 1% опрошенных, кто откровенно заявил об отсутствии указанных выше качеств. Среди «северян» столь откровенных чиновников просто не нашлось.

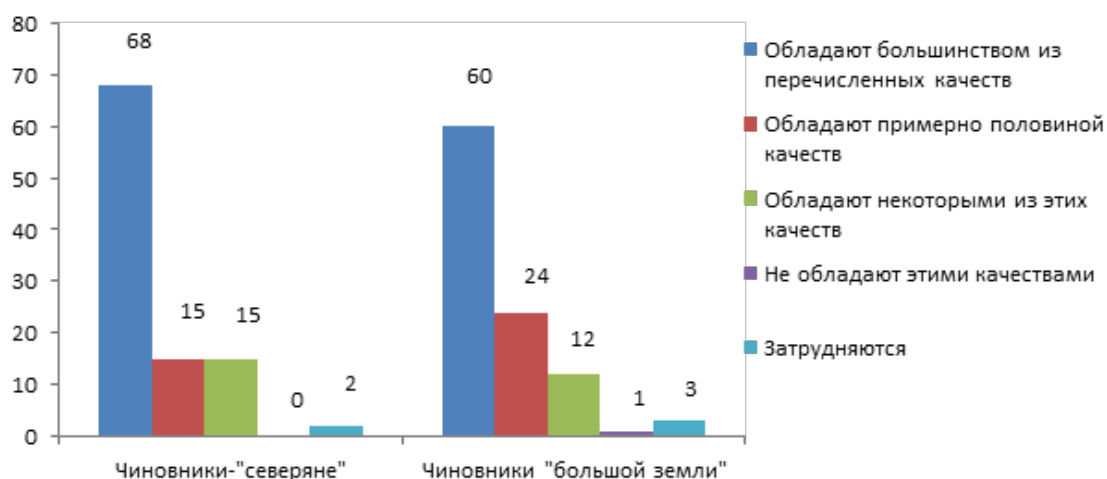

Рис. 1. Степень обладания чиновниками отмеченными качествами служебного этикета, в % от числа опрошенных

Эффективность муниципального управления определяется не только добросовестным исполнением чиновником функций, правил и процедур (это уже неоспоримая данность), но и уровнем жизни населения, и отлаженным механизмом диалога власти и народа. Многолетние наблюдения за социально-экономическим самочувствием жителей г. Нижневартовска свидетельствуют об относительном благополучии¹ его населения. По данным опроса, проведенного в январе 2005 года, «жизнь, которую ведут вполне устраивает и по большей части устраивает» 40% опрошенных в Нижневартовске и только 22% жителей других регионов России, «по большей части не устраивает и совершенно не устраивает жизнь» - 18% опрошенных в г. Нижневартовске и 37% - в России (см. таблицу 3).

Таблица 3

В какой мере устраивает жизнь, которую ведут нижневартовцы и россияне, в % к числу опрошенных

	Нижневартовск			Россия*		
	1999	2000	2005	1999	2000	2005
	Декабрь	Декабрь	Январь	Май	Май	Январь
Число опрошенных	1200	1300	1300	2107	2107	2107
Вполне устраивает						
По большей части устраивает	30	46	40	12	17	22
Отчасти устраивает, отчасти нет	40	29	38	32	35	40
По большей части не устраивает						
Совершенно не устраивает	25	18	18	54	44	37
Затрудняюсь ответить	5	7	3	4	3	2

*Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. №3 (77). С. 73.

¹ Относительно других регионов России.

Большинство нижевартовцев (84%) положительно или в основном положительно оценивают работу мэрии.

Мужчины несколько чаще, чем женщины отрицательно оценивают работу мэрии (18% против 14%), больше других возрастных групп недовольны ее работой лица в возрасте 26-30 лет (21% опрошенных в этой группе оценили работу мэрии как в основном отрицательно и отрицательно) и лица в возрасте старше 50 лет (20% опрошенных). Чаще других категорий опрошенных недовольны работой администрации – предприниматели (28%), пенсионеры (21%) и безработные (21%), а также работники строительной отрасли (23%), управления (26%), транспорта и связи (18%). Наибольшее число недовольных среди жителей «жилпоселков» (37%) и 9 микрорайона (36%) и 3 микрорайона (30%).

Для определения «болевых точек» в функционировании города нижевартовцам было предложено оценить насколько успешно глава города Б.С. Хохряков решал(ет) городские проблемы (см. таблицу 4)¹. В оценке работы главы города - муниципального служащего сфокусирована, по-нашему мнению, оценка работы всех муниципальных служб.

Таблица 4

Как на протяжении прошлого года глава города решал проблемы,
% к числу опрошенных

Проблемы	Очень успешно	Довольно успешно	Без особого успеха	Совершенно безуспешно	Место (ранг)
Пополнения бюджета города, сбора налогов	14	60	23	3	5
	74		26		
Взаимоотношения с округом	15	66	15	4	3
	81		19		
Взаимоотношения с нефтяниками	18	57	20	5	4
	75		25		
Взаимоотношения с городской думой	21	62	14	3	2
	83		17		
Наведения порядка в городе	17	49	29	5	6
	66		34		
Благоустройства города	30	54	14	2	1
	84		16		
Здравоохранения и спорта	16	49	29	6	8
	65		35		
Образования и культуры	12	53	30	5	7
	65		35		

¹ См. подр. Икингрин, Е.Н. Роль опросов общественного мнения в управлении муниципальным образованием / Е.Н. Икингрин, А.Л. Чертенко // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». (Первые казанские социологические чтения) Казань, 15-16 ноября 2005 г. Т.1. – Казань: Центр инновационных технологий, 2006. С.134-140.

Продолжение таблицы 4

Проблемы	Очень успешно	Довольно успешно	Без особого успеха	Совершенно безуспешно	Место (ранг)
Городского транспорта	10	50	33	7	9
	60		40		
Жилищные проблемы	4	28	48	20	11
	32		68		
Создания условий для малого и среднего бизнеса	8	40	41	11	10
	48		52		
Проблемы трудоузанятости	3	18	50	29	12

Наиболее успешно, по мнению нижевартовцев решались в городе следующие проблемы: благоустройство города – «успешно и довольно успешно» отметили 84% опрошенных; взаимоотношения с Городской Думой (соответственно 83%), взаимоотношения с округом (81%), взаимоотношения с нефтяниками (75%). Как мы видим, горожане высоко оценили работу администрации по выстраиванию взаимоотношений с вышестоящей структурой¹, с городской думой и нефтяниками.

Наименее успешно решались проблемы трудоузанятости – «без особого успеха и совершенно не успешно» отметило 79% респондентов и жилищные проблемы – 68% соответственно. В настоящее время городская администрации много внимания уделяет жилищной проблеме, но решить ее быстро невозможно. Среди городских проблем она стоит на первом месте, ее отметили каждый третий опрошенный нижевартовец, отвечая на вопрос: «Какая проблема стоит в городе наиболее остро?».

Администрацией города принимаются необходимые меры, направленные на увеличение объемов строительства жилья, разрабатываются условия для привлечения средств граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, путем участия их в долевом строительстве жилья. Результаты мониторинга проблем молодых семей г. Нижневартовска (2002, 2006, 2011 гг) показывают улучшение обеспеченностью жильем молодых семей. Так при ответах на вопрос: «Что особенно тревожит Вас (семью) в настоящее время?» доля респондентов выбравших вариант «невозможность решения жилищного вопроса» была в 2002г. равна 55%, в 2006 г.- 57%, а в 2011 г. - 47% опрошенных, т. е. стала значимо меньше.

При опросе в январе 2005 нижевартовцев попросили дать характеристику типу социальной политики администрации города. Среди тех, кто дал оценку, 57% опрошенных охарактеризовали ее как активную, 43% как пассивную.

¹ В течение 2004 года велась работа с Департаментом строительства Ханты-Мансийского автономного округа, заключены договоры и из окружного бюджета перечислено средства: - на предоставление субсидий для строительства жилья с целью переселения граждан из ветхого жилья и жилья с неблагоприятными экологическими характеристиками, на строительство жилого дома № 7 (строительный) в 9а микрорайоне для переселения граждан, проживающих в жилье с неблагоприятными экологическими характеристиками, на долевое участие в строительстве жилых домов № 22 в 10б микрорайоне.

Более половины респондентов (52%) считают, что социальную политику Нижневартовска формирует глава администрации, каждый пятый (20%) – губернатор, 19% респондентов ответили - управление по социальным вопросам и правительство округа, 15% - градообразующее предприятие и другие предприятия, 11% - федеральная власть. И только 4% респондентов ответили, что активная позиция общественных, профсоюзных движений и партий города. Гражданское общество в России находится в стадии становления, и поэтому такие низкие оценки получили общественно-политические организации в формировании социальной политики.

Результаты этого исследования доложены на аппаратном совещании при главе администрации г. Нижневартовска и на основании их внесены коррективы в работу профильных комитетов и служб. По отдельным проблемным вопросам разработаны программы, например: Программа по развитию мелкого и среднего бизнеса в городе¹.

В 2005 году Комитетом социально-политических исследований и связей с общественностью при губернаторе ХМАО и службой социальной защиты населения Нижневартовского района трижды проводились исследования общественного мнения по вопросам отношения населения к решению социальных проблем в районе и оценки деятельности работников муниципального образования.

По данным опроса проведенного в июле 2005 года 74% жителей района оценили деятельность администрации МО Нижневартовский район «положительно и скорее положительно, чем отрицательно». Это был третий опрос, который показал положительную динамику оценки работы администрации района, что явилось результатом учета мнения населения по определению рейтинга проблем наиболее остро стоящих в районе. Так как исследования проводились во всех населенных пунктах района, поэтому администрация района имела возможность учесть его результаты и использовать для разрешения наиболее болезненных проблем в каждом конкретном поселении.

Многолетние исследования, проводимые в ХМАО-Югре свидетельствуют о том, что социальную компетентность муниципальных служащих можно оценить в целом как адекватную реальной социально-экономической, социально-политической ситуации, состоянию развития социальных сфер и характеру приоритетных социальных проблем, решаемых органами местного самоуправления. Социально-нравственная компетентность муниципальных служащих выразилась достаточно определенно в степени овладения ими нормами служебного этикета и в доминирующих жизненных ценностях. Дифференциация форм социальной компетентности чиновников отчетливо проявилась в зависимости от их социально-профессионального по должности статуса и региональной специфики.

Анализ показал, что уровень социальной компетентности различен у чиновников в зависимости от ее разновидности. Если уровень социально-экономической компетентности в целом выше, хотя и недостаточно высок,

¹ Рассмотрено на Думе 25 ноября 2005 года.

практически во всех группах, за исключением первых руководителей, то уровень социально-политической компетентности весьма низок, особенно среди специалистов, как на Севере, так и на «большой земле».

Компетентность в отношении социальных сфер, приоритетных социальных проблем развития муниципальных образований оказалась у чиновников далеко не всегда совпадающей с оценками населения этих сфер и проблем. Однако в большинстве случаев, несмотря на высокую значимость ситуативных моментов, муниципальные чиновники и население муниципальных образований давали однопорядковые по рангу оценки этих сфер и проблем, что свидетельствует, на наш взгляд, преобладании среди муниципальных служащих социально компетентных чиновников, в первую очередь среди специалистов. Развитие социальной компетентности выступает приоритетным направлением в социально-профессиональной и трудовой адаптации чиновничества, без чего невозможен рост его профессионализма. Особую значимость это направление приобретает в условиях усложнения и роста трудностей в работе современных муниципальных чиновников.

Павлов Б. С., Екатеринбург
Икингрин Е. Н., Нижневартовск

Проблемы воспроизводства человеческого потенциала

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы воспроизводства человеческого потенциала на примере двух регионов Свердловской области и ХМАО-Югры, факторы влияющие на репродуктивное поведение, потребность в детях и отношение к различным формам брака.

Ключевые слова: воспроизводство, трудовые ресурсы, репродуктивная деятельность, региональные условия жизни, брак, ценности, ориентации, здоровье, экономическое поведение, человеческий потенциал, депопуляция

Важнейшим индикатором состояния семейно-брачных отношений в том или ином обществе является жизнедеятельность семьи, связанная с воспроизводством потомства, его количественными и качественными характеристиками. Сужение воспроизводства населения - одна из детерминант, определяющих угрозу экономической безопасности отдельного региона, страны в целом. Последнее, заключается в нарушении социально-биологического процесса воспроизводства рабочей силы как таковой, в снижении качества трудовых ресурсов вследствие ухудшения основных медико-демографических характеристик состояния здоровья регионального социума. Это, в свою очередь, увеличивает экономическую нагрузку на трудоспособное население со стороны требующей жизнеобеспечения и социальной защиты отошедшей от активной экономической деятельности части населения, доля которой увеличивается из-за общего «старения» населения России в целом (*Уральского экономического района, в частности*). Не секрет, что в России продолжает расти (*абсолютно и относительно*) число инвалидов, неработающих одиноких стариков, одиноких женщин с малолетними детьми, других малообеспеченных и социально-ущербных слоёв социума и т. д.

Попытаемся ответить на вопрос: «*А сколько вообще нужно детей для семьи, дабы удовлетворить, с одной стороны, общественные и, с другой, семейные и личностные потребности в детях?*». Следует подчеркнуть, что в настоящее время ценностно-мотивационные решения и поведение семьи в сфере

репродуктивной деятельности носят сегодня приватный (*как правило, общественно нерегулируемый*) характер. При этом результат репродуктивного труда семьи в большей своей части *не принадлежит его непосредственным участникам*, хотя родители несут конституционную ответственность за ребенка до определенного возраста. Государство, местные органы власти, социум в целом, региональные сообщества, предпринимательские круги, формально не являясь основными участниками репродукционного процесса, в действительности *«кровно заинтересованы»* в его результатах. В первую очередь речь идёт о воспроизводстве трудовых ресурсов и когортах общества, призванных обеспечивать безопасность государства от внешних и внутренних деструктивных процессов и проявлений.

И ещё одно немаловажное обстоятельство. Факторы репродуктивного поведения семьи (отдельных граждан) разнообразны и недостаточно изучены. Они «не вписываются» ни в одну из существующих теорий экономического поведения, прежде всего, в теорию абстрактного «*homo economicus*», который якобы всегда осуществляет рациональный выбор своих жизненных проявлений.

А теперь обратимся к результатам одного из наших опросов. *«Можете ли Вы сказать, сколько будет детей в вашей семье? Ваши семейные планы?»* - на этот вопрос анкеты ответы молодых уральских супругов из однодетных (1190 чел.) и двухдетных (685 чел.) семей распределились следующим образом («Урал-2»): 20 % респондентов, представителей однодетных (*на момент опроса*) родителей планируют «остановиться» в своей детородной деятельности и оставить своего единственного сына (дочь) без младших братьев и сестёр. Более половины опрошенных из этой же группы респондентов (51 %) посчитали, что в их семье будет двое детей, а в каждой четвёртой (24 %) – *«трое и более»*. Вариант ответа *«трудно сказать»* - подчеркнули в анкете 5 % респондентов.

В двухдетных семьях за вариант семьи «муж-жена-двое детей» проголосовали 65 % респондентов и 27 % - выбрали вариант *«трое и более»* (8 % - затруднились с ответом). Несложный расчёт показывает, что, по мнению молодых матерей, в уральских семьях к «нормальному» типу воспроизводства населения можно отнести ситуацию, когда десять среднестатистических семей в результате прохождения своего жизненного пути «оставляют» обществу 22-23 ребёнка. Много это или мало?

Естественно, нельзя, сбрасывать со счетов, прежде всего, тот факт, что прожективные оценки «нормальности» числа детей в семье на момент опроса, в дальнейшем реальном поведении российских (в том числе уральских) семей окажется, по всей вероятности, существенно ниже социально необходимых даже для простого воспроизводства населения. По оценке демографов социально необходимое среднее числа детей в семье в расчёте на десять брачных пар должно быть не менее 26-28. детей. Другими словами, сегодня речь идёт не о расширенном воспроизводстве российского общества и даже не его простом воспроизводстве. В настоящее время воспроизводство населения находится в депопуляционном режиме.

Результаты социологического исследования, проведенного в Свердловской области и в ХМАО (научный руководитель А.И. Кузьмин) показывают следующее (см. таблицы 1 и 2)¹.

Таблица 1

Желаемое число детей у молодежи на сравниваемых территориях, %

Желают иметь детей:	ХМАО	СО
Одного	10,8	11,2
Двух	68,3	69,2
Трех и более детей	18,5	18,0
Ни одного	2,4	1,6
Среднее число детей на одного опрошенного	2,120	2,124

Уровень потребности в детях на территориях ХМАО и Свердловской области одинаков (совпадают и значимости ценности детей как основной жизненной ценности и цели жизни). В самых молодых поколениях молодежи среднее желаемое число детей оказалось ниже, чем в других молодежных группах (1,982 в расчете на одного опрошенного), в группе молодых людей 20—24 лет — 2,152 (с учетом доли ориентирующихся на отказ от рождения ребенка вообще) и в группе лиц 25—30 лет - 2,222 в среднем на респондента. При этом доля, ориентирующихся на рождение желаемых трех и более детей с возрастом увеличивалась с 14,2 % до 18,2% в группе 20—24-летней молодежи и до 21,8% в возрастном интервале 25—30 лет. Доля молодежи, не желающих иметь детей вообще, в самых молодых когортах опрошенных оказалась наибольшей — 3,9 %, тогда, как в тридцатилетних возрастах — всего 0,5%. Очевидно, что самые молодые поколения молодежи ориентированы при всех необходимых условиях на меньшее количество рождений. С течением времени будет рождаться меньшее количество желаемых детей и увеличиваться доля «отказных». Ориентация на «одного желаемого» ребенка в молодых поколениях самая высокая — 15,1%, тогда, как у тридцатилетних — 9,4%. Вместе с тем прослеживается устойчивая ориентация подавляющей части молодежи всех возрастных групп на желаемую двухдетную модель семьи.

Но существуют региональные условия жизни, препятствующие реализации в принципе одинаковой потребности в двух детях у молодых людей. Под влиянием социально-экономического положения молодых людей и формирующихся молодых семей в принципе одинаковая потребность в детях может выражаться в различающихся репродуктивных планах молодежи (см. таблицу 2).

¹ См.: Кузьмин А.И., Бадина А.А. Ценностные и репродуктивные ориентации молодежи (Электронный ресурс) //элект. журнал «Демографические исследования» URL: <http://demographia.ru>. URL: http://ethnocid.netda.ru/analitika/060214demographia_crom.htm (Дата обращения 01.04.12)

Таблица 2

Ожидаемое (планируемое) число детей в молодежных группах, %

Собираются иметь детей (включая уже родившихся)	Территории		В том числе: половозрастные группы молодежи					
	ХМАО	СО	Мужч.	Женщ.	14-19 лет	20-24 года	25-30 лет	31-35 лет [*]
Одного	19,1	28,1	23,5	31,2	27,7	20,1	26,8	41,2
Двух	63,9	58,5	57,6	59,1	50,6	70,6	60,9	58,9
Трех и более детей	12,3	8,8	12,5	6,3	11,7	18,2	9,3	-
Ни одного	4,6	4,6	6,4	3,3	10,0	1,0	2,9	-
Среднее число детей	1,900	1,760	1,825	1,718	1,700	2,152	1,815	Нет данных

*Данные малорепрезентативны из-за малочисленности группы.

Как мы видим, при одной и той же потребности в детях возможности ее реализации, если судить по репродуктивным ожиданиям, различны на сравниваемых территориях.

Опрос подтверждает, что в ХМАО имеется больше ресурсов и созданы лучшие условия для реализации потребности в детях, что отражается, в свою очередь, на величине репродуктивных намерений и планах молодежи. Свердловская область проигрывает по этим возможностям, что сказывается уже на стадии формирования репродуктивной установки у молодых людей.

В ХМАО-Югре демографические показатели имеют положительную динамику: общий показатель рождаемости повысился с 13,35 в 2005 г. до 14,72 в 2010 г., показатель младенческой смертности снизился с 6,79 до 4,47 за указанный период. Ханты-Мансийский автономный округ-Югра остается одной из немногих территорий Российской Федерации, имеющих такой высокий положительный естественный прирост населения¹.

В округе много делается для укрепления самого института семьи (на ребенка, рожденного в браке в первые два года выплачивается пособие в размере 5 тыс. руб., 20 тыс. руб. платят на ребенка, родившегося в семье коренных народов Севера, проводятся различные конкурсы, мероприятия, которые способствуют укреплению семьи, в большинстве городов работают объединения «Молодая семья» и т. д.). Благодаря этому уровень брачности в ХМАО-Югре выше, чем, например, в Свердловской области. По данным опроса молодежи в Свердловской области оказалась доля состоящих в неофициальном браке выше (11,1%), чем в ХМАО (8,2%)². Данные переписи 2010 также свидетельствуют о более благополучной ситуации в ХМАО-Югре по отношению к институту брака: в незарегистрированном браке состоят 8,10% мужчин и 6,60% жителей ХМАО-Югры и (соответственно) 10,70% и 8,60% жителей Свердловской области³.

¹ Медико-демографическая ситуация в Ханты-Мансийском автономном округе –Югре..

² Кузьмин А.И. Ценностные и репродуктивные ориентации молодежи. Указ. соч.

³ Перепись 2010 года.

Абсолютное большинство исследователей занимающихся проблемами семьи констатирует рост незарегистрированных браков¹.

В таблице 1 представлены ответы семейной молодежи г. Нижневартовска на вопрос «Как Вы относитесь к нетрадиционным формам брака, имеющимся в настоящее время?» в 2003 и 2007 и 2011 гг.

Таблица 3

Отношение к нетрадиционным формам брака

Форма нетрадиционного брака:	Осуждаю			2011/2003	
	2003	2007	2011	К отклонения	К соотношения
Гражданский брак (без оформления в ЗАГСе) (сожительство)	7,9	10,5	14,4	6,5	1,82
Визитный, гостевой брак (супружеские отношения без ведения общего хозяйства)	49,3	55,2	60,3	11	1,22
Шведский брак (обмен партнерами)	79,9	87,6	89,9	10	1,13
Двоеженство (материальное содержание мужчиной отдельно живущих женщин)	71,6	82,0	80,6	9	1,13
Открытый брак (каждый из супругов свободен в своих отношениях с третьим лицом)	75,1	87,3	89,0	13,9	1,19

Наиболее осуждаемые формы нетрадиционного брака: шведский брак, его осуждают 89,9 % опрошенных, число которых выросло на 10% или в 1,13 раза по сравнению с 2003 г.; открытый – 89 % опрошенных (соответственно на 13,9 % и в 1,13 раза), двоеженство – 80,6 % (соответственно на 9 % и в 1,13 раза). Наименее осуждаемая форма брака – гражданский брак (сожительство). Его осуждает только 14,4 %. Но положительно, что, хотя и незначительно, но число тех, кто осуждает гражданский брак выросло в 2011 г. на 6,5% или 1,82 раза по сравнению с 2003 г.

Когда мы попросили участников фокус-группы старшеклассников г. Нижневартовска высказаться по проблеме гражданского брака, то получили следующие результаты: хотя гражданский брак не осуждается, но более половины не считают его для себя приемлемым. И если среди девушек можно выделить группы: 1 группа «положительно настроенные», 2 группа «не осуждающие, но для себя считающие его не приемлемым» и 3 группа «против гражданского брака», то среди юношей такие группы: 1 группа — «отрицательно», 2 группа — «нормально, допустимо, но не для них», 3 — «отрицательно, но не для них», т. е., вообще-то, это явление негативное, но сами вполне вероятно, они будут жить в гражданском браке и 4 группа - «не отрицательно».

¹ См. например, Хачатрян Л. А. Современный брак: проблемы и тенденции изменения / Л. А. Хачатрян // Российское общество и социология в XXI веке социальные вызовы и альтернативы. II Всероссийский социологический конгресс. Москва, 30 сентября -2 октября 2003 г. II том. М.: Альфа-М, 2003. С. 105-107.

По нашему мнению отношение к гражданскому браку у населения можно отнести к такому явлению, как «парадоксальное» сознание¹:

- осуждают его от 10 до 20 %, но для себя приемлют не более половины респондентов;
- некоторые его осуждают как явление, но для себя его не считают таковым;
- респонденты, положительно относящиеся к «гражданскому браку», приводят примеры его негативных сторон;
- за «гражданский брак», но он не должен затягиваться, обязательно должен быть зарегистрирован;
- супруги, прожившие долгое время в «гражданском браке», узаконив свои отношения, разбегаются в разные стороны.

Таким образом, отношение к институту брака достаточно уважительное, несмотря на распространяемые феминистическими кругами концепции доминирования «гражданского» брака.

Данные социологических опросов, проведенных в крупных городах России, в том числе и наши исследования, показывают сравнительную стабильность базовых ценностных ориентаций основных социальных групп российского (в нашем случае – уральского) населения. На вопрос анкеты: *«Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите ПЯТЬ «самых-самых» важных для Вас»* («Урал-3») – нами были получены следующие ответы респондентов из 4-х групп.

Таблица 4

**Жизненные ценности и предпочтения у различных групп населения Урала,
% от общего числа опрошенных по каждой группе**

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		Родители	Молодые рабочие
	Город	Село		
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Содержательный, интересный досуг, возможность заниматься любимыми увлечениями	27	20	23	11

¹ См.: Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики. 2001.

Продолжение таблицы 4

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		Родители	Молодые рабочие
	Город	Село		
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	16	11
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	40	17
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	21	16	22	13

Нетрудно видеть, что такие базовые жизненные ценности, как «хорошая семья и дети», «хорошее здоровье», «любимая работа», «материальное благополучие» и «хорошие жилищные условия» занимают первые пять позиций как у подростков, так и их родителей. Небезынтересно и другое. Как показало наше исследование, иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности, практически, идентична.

Вместе с тем, было бы наивным не видеть наличие существенных различий у респондентов в понимании самих феноменов «хорошая семья», «хорошие жилищные условия», «хорошая работа». Для одних, например, понятие «хорошая семья» ассоциируется с наличием двух-трёх детей, у других - с одним ребёнком, «позволяющим», с одной стороны, реализовать естественную материнскую (отцовскую) потребность в детях, наследниках, а, с другой, один ребёнок не слишком «обременителен» при поддержании материального благополучия семьи, «расширяет возможности» для трудовой карьеры и досуговых занятий своих однодетных родителей.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что у подавляющего большинства россиян «не исчезла потребность в семье и детях». Более того, желают или не желают **«самозванные определители моды на детей»** из числа «творцов», выпускаемой СМИ, продукции, бездетный человек, будь то женщина или мужчина», даже извращённой половой ориентации, остаётся своеобразным *духовно-нравственным социальным изгоем*. Последний, достоин человеческого сочувствия и сожаления, Нередко он становится (*или его делают*) объектом, непонятно какой, социальной защиты. Защиты от самого себя, от себя — «человека БЕЗ БУДУЩЕГО». Естественно, здесь не идёт речь о тех людях, которые в силу каких-либо, *не зависящих от них обстоятельств*, лишены радости рождения и воспитания собственных (*да, и не только, собственных*) детей.

Резюмируя всё сказанное выше, нам представляется, что производство непосредственной жизни было, есть и останется в будущем хотя и взаимосвязанным, «вплетенным» в общую структуру производства общественной жизни, однако имеющее сравнительно самостоятельные структуру, функции, задачи, цель. Генезис *производства человека* как одной из сравнительно самостоятельных сторон целостного общественного про-

изводства в условиях цивилизованного общества характеризуется сочетанием тенденций обособления и интеграции её с двумя другими сторонами общественного производства - *материального и духовного*. Тенденция обособления выражается, прежде всего, в выделении в структуре целостного общественного производства специализированных социальных институтов, деятельность которых непосредственно направлена на производство человека, на жизнеобеспечение путём удовлетворения его физических и духовных потребностей. Наряду с семьёй, к числу таких институтов следует отнести, в первую очередь, организации, учреждения, обеспечивающие строительство и эксплуатацию жилья, учреждений бытового обслуживания, общественного питания, здравоохранения, торговли, пассажирского транспорта, связи, общественного воспитания, образования и профессионального обучения, культуры и искусства, идеологии, охраны правопорядка и обеспечения безопасности жизнедеятельности и др. Развитие этих социальных институтов идёт как интенсивным, так и экстенсивным путём. Вторая тенденция в развитии сферы производства человека - это её интеграция с двумя другими сферами общественного производства, путём появления и развития в структуре этих двух производств элементов, факторов, имеющих востребованность во всё усложняющемся процессе производства человека.

Скульмовская Л. Г., Нижневартовск

Специфика разнонаправленного развития городской и сельской культуры¹

Аннотация

В современных условиях усиливается интерес со стороны государства к традиционным территориальным общностям. Особую актуальность приобретают малые города, перспективы развития которых активно обсуждаются на различных уровнях власти.

Ключевые слова: социальное пространство, географическое пространство, городская и сельская культура, разнонаправленное развитие, городской и сельский образ жизни

Развитие общественного разделения труда привело к возникновению в истории общества двух основных типов поселений — городских и сельских. Город как социально-пространственная форма существования общества, представляет, с одной стороны, территорию (географическое пространство), с другой, уникальное социальное пространство. Географическое пространство влияет не только на экономические, но и на социокультурные аспекты городской жизни. Определить степень влияния достаточно сложно, поскольку для этого необходимо выявить реальное воздействие экономики, культуры, политики и географического пространства как отдельных факторов на поведение людей.

По мнению Е.Н. Заборовой [2], город как социальное пространство — это среда, преобразованная трудом человека, который рассматривается с точки зрения соотношенности, соподчинения, субординации, иерархии составляющих его элементов. Каждый город представляет собой уникальное социальное пространство, для которого характерны специфическая архитектура зданий, законы, предписания, поведение жителей, свой имидж. Организованное городское пространство выступает фактором, определенным образом влияющим на поведение людей, систему их взаимодействия, настроения, стремления и т. п. Географическое и социальное пространства представляют собой единую целостность.

Пространство является жизненной и социокультурной сферой общества, имеющей определенную территориальную протяженность и включающей ареалы распространения национально-этнических языков общения

¹ На примере северных городов ХМАО-Югры.

и духовных ценностей, традиционных форм бытового уклада и образа жизни, семиотику и семантику архитектурных и религиозных памятников, региональных центров народного и профессионального искусства. Культурное пространство многомерно и тесно взаимодействует с географическим, экономическим, этническим и политическим, оно имеет особую конфигурацию, не совпадающую с административными делениями.

Городское культурное пространство оказывает непосредственное влияние на индивида: погружаясь в него, он получает социально-детерминированные программы деятельности, нормы, ценности, правила поведения и т. п. Культурное пространство города оказывает влияние, прежде всего, на формирование мировоззрения, поскольку оно включает существующие в данном месте социальные дистанции, роли, смыслы. Кроме того, культурное пространство расположено в сознании человека и отражает его ценности, интересы, идеалы, намерения и поступки.

В реальности, люди различных городов живут в разных универсумах, поскольку их окружают разные вещи, облик человека изменяется вместе с изменением окружающего пространства. Так, по мнению А.В. Бабаевой [1], на скорость и ритм походки человека может влиять современный городской проспект, площадь или парк, человек «срастается» с местом и определяет его. Отношение современного человека к городскому культурному пространству неоднозначно, поскольку оно может не только объединять, но и разъединять регионы, города, делая их более замкнутыми и обособленными.

Без изучения социокультурных процессов в современном городе невозможно решать актуальные проблемы городской культуры, поскольку функционирование городского социума, то есть выполнение им предписанных современным состоянием общества социальных функций, в той или иной степени предполагает освоение и реализацию данной территориально-поселенческой структурой соответствующего уровня культуры. Отношение жителей к городской культуре, степень участия населения в культурных процессах, протекающих на территории проживания, являются одной из основных проблем организации социокультурной деятельности. Наиболее ярко культура городского социума проявляется в процессе духовного воспроизводства, социализации молодых поколений горожан. Исходя из этого, культура города есть обусловленная общественными отношениями степень реализации во всех сторонах ее жизнедеятельности потенциальных творческих и созидательных возможностей отдельных жителей города и всего городского социума.

Известно, что главная отличительная черта городского поселения заключается в образе жизни, который, собственно, и характеризует культуру города. Например, современную сельскую культуру характеризует больший, по сравнению с городом, удельный вес коллективной культурной деятельности и форм клубной самодеятельности. Вместе с тем, культурный выбор ограничен и составляет 4-5 ступеней (кино, телевизор, книга, интернет, дискотека). В настоящее время одним из противоречий функционирования сельской культуры является активное воздействие на

нее городской культуры и, прежде всего, – массовой. Выделенные черты сельской культуры можно отнести к центральным характеристикам жизни в селе, которые во многом определяют ценностные ориентации и поведенческие стереотипы сельских жителей.

В связи с социально-экономическими преобразованиями в России произошли определенные изменения и в социальной структуре современного села, трансформация ценностей и сельского образа жизни. Село, являясь частью общества, зачастую рассматривается как определенная социальная общность, для которой характерны черты семейно-родовой общины, особое отношение к земле, семейно-родственные связи и ценности. Безусловно, село, как социально-территориальная общность, обладает специфической культурой, в той или иной степени отличной от городской [3].

Н.Г. Хорошкевич [12] утверждает, что тип поселения выступает одним из факторов риска в современной российской культуре. Указанный автор делит все риски в культуре, связанные с территориальным фактором, на две группы: риски, связанные с доступностью культурных ценностей, и риски, связанные с их выбором. Для горожан в большей степени характерна вторая группа рисков, поскольку город выступает центром различной информации, сосредоточением разных культур, для него характерно доминирование кратковременных, анонимных, деловых, поверхностных контактов в межличностном общении. Вместе с тем, современный город – это сосредоточение различных контркультур, в том числе криминальной, поэтому для горожанина важен не только выбор в сфере культуры и его возможности, но и то, чтобы сделать этот выбор наиболее оптимальным для себя самого.

Кроме того, для горожан характерны риски, связанные с освоением культуры той или иной группы, а также риски, связанные с соответствием членов группы требуемому культурному уровню. Так как город – это еще и сложный конгломерат различных культурных групп, предъявляющих свои требования к культурному уровню ее членов. Однако для жителей города доступность к культурным достижениям может быть ограничена также в связи с материальным фактором. Проживая в городе, но не имея финансовых возможностей, горожанин может не посещать спектакли, концерты, картинные галереи и другие учреждения культуры и искусства. Безусловно, это лишь часть рисков, характерных для современной городской культуры.

Тема городской и сельской культуры вновь становится актуальной, поскольку в настоящее время возвращается интерес государства к традиционным территориальным общностям на региональном уровне. Для изучения культуры города, как правило, используется социокультурный подход, фиксирующий понимание культуры как широкого комплекса социальных явлений, которые представляют собой результаты и средства общественного функционирования и развития. Городская жизнь при социокультурном подходе предстает в виде целостного процесса социального творчества с помощью культуры.

Опираясь на основные принципы социокультурного подхода, сформулированные Н.И. Лапиным [5], тесно связанные с синергетикой, современный город можно представить как большую самодостаточную социокультурную систему, трансформирующуюся под воздействием человеческой деятельности.

Несмотря на разнообразие городских поселений России, среди них выделяются многочисленные группы, объединяемые рядом общих признаков, что позволяет выработать единые принципы решения научно-практических задач для городов определенного типа. Одной из таких групп выступают малые города, перспективы развития которых активно обсуждаются на различных уровнях. Стереотипное отношение к этой группе связано с пониманием города как «приложения к предприятию», а не как самостоятельного организма, обладающего большими возможностями для самовоспроизводства и устойчивого развития.

Исследователи выделяют целый ряд социально-культурных особенностей малых городов, которые проявляются в отставании по уровню жизни населения; в неудовлетворительном состоянии социально-бытовой инфраструктуры; слабой социально-экономической базе и недостаточной социальной защищенности жителей; сравнительно невысоком уровне образования трудоспособного населения и низкой его социальной мобильности; трудностях в реализации возможностей повышения образования и квалификации, организации досуга и удовлетворения культурных потребностей населения [7].

После финансово-экономического кризиса 2008 г. особую актуальность в научном сообществе приобрела проблема малых городов, которые, зачастую, бывают монофункциональными. Когда речь идет о судьбе монопрофильных городов и поселков, чаще всего в качестве основного аргумента, как и прежде, продолжает выступать оценка состояния градообразующего предприятия. Не вызывает сомнения тот факт, что роль градообразующего предприятия важна, но предназначение таких городов не должно ограничиваться ролью «удобной площадки» для размещения какого-либо вида производства. Такой подход крайне узок, при нем не учитывается самостоятельность города как специфического социально-экономического образования, не дается возможности рассмотреть альтернативные пути и источники саморазвития города [6].

Эмпирический анализ региональной культуры, проведенный автором, показал, что на начало 1990-х гг. у большинства малых городов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Мегион, Лангепас, Радужный и др.) были следующие общие проблемы: ведомственный характер застройки, неразвитость инфраструктуры, дорог, общественного транспорта и т. п. Городская среда характеризовалась как маргинально-промежуточная с невысоким уровнем сервиса и неустойчивостью снабжения. На тот период все эти проблемы вызвали целый комплекс противоречий в функционировании повседневной культуры горожан, которые со временем постепенно разрешались в различной степени эффективности.

Считается, что урбанизация и городской образ жизни не достаточно укоренились в культуре и сознании основной массы населения страны, хотя уже с 1950-х гг. большинство жителей считались горожанами. В качестве причины Ю.А. Симагин [9] называет фактически сельский образ жизни населения небольших городов и поселков, для которых всегда были характерны низкая степень благоустройства, преобладание усадебного жилья,

практическое отсутствие культурных центров. Это и послужило основанием для наличия «сельского» менталитета у значительной части населения городов и страны в целом.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что городская и сельская культура в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре не имеют единой направленности развития. Городская культура воспроизводит общие тенденции изменения городов, а сельская противоречиво сочетает традиционные формы восприятия мира и отдельные черты городской. При изучении культуры города автор опирался на материалы социологических исследований, проведенных на территории округа в 1997-2012 гг., в которых приняли участие жители ряда городов, поселков городского типа, а также сельских поселений автономного округа [11]. Исследования подтвердили, что в городской культуре наблюдаются общие для всего мира тенденции повышения уровня технической оснащенности быта и досуговой деятельности. Материальная оснащенность быта непосредственно влияет на содержание духовных элементов культуры семьи, определяет характер взаимодействия старшего и молодого поколения.

Известно, что дети сельских жителей рано включаются в домашний труд, у них существуют определенные представления о сложности реализации своих знаний, личных способностей в сельской местности. Сельская жизнь, как правило, воспитывает человека не для воспроизводства собственной культуры, а той, которая поможет в перспективе адаптироваться к городской жизни. У молодых людей, приезжающих в город из сельской местности, так или иначе, возникает проблема адаптации к городской культуре быта, досуга, межличностных отношений – в этом заключается одно из противоречий развития культуры города и села.

Одно из направлений развития монопрофильных городов, к которым относятся северные города, в современных условиях связано с рациональным использованием историко-культурного наследия, повышением их роли как центров рекреационной деятельности и внутреннего туризма. Исследование, проведенное с целью изучения мест отдыха северян, свидетельствует об увеличении свободного времени и возросшей роли городов в организации досуга и отдыха населения региона.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют, что в последние годы жизненные планы северян, касающиеся перспектив и длительности их проживания на Севере, претерпели значительные изменения. В качестве главной причины планируемого отъезда респонденты называют следующие: «на Севере стали низкими заработки» и «в связи с выходом на пенсию». Как показывает статистика, число пожилых людей в структуре городского населения значительно возросло, но создать условия для переселения всех желающих пенсионеров в другие местности из региона, чьи условия проживания приравнены к Крайнему Северу, пока не представляется возможным. Многие уезжают на юг Тюменской области, в г. Тюмень, где активно развивается жилищное строительство. Кроме того, среди проблем, вызывающих планирование переезда в другой регион, северяне называют не соответствующие условия, трудности

с получением образования для детей или их отъезд на учебу в другой город, проблемы со старшим поколением. За последние несколько лет структура городского населения северных городов также значительно изменилась. Первопроходцы, приехавшие в конце 1960-х гг. по комсомольским путевкам осваивать месторождения нефти и газа, вышли на заслуженный отдых, их дети остались жить в северных городах, растут внуки, которых уже можно называть истинными горожанами в третьем поколении.

Проведенные исследования позволяют также утверждать, что в культуре производства, быта, досуга жителей северных сел и городов наблюдается разнонаправленность функционирования и развития. С одной стороны, достаточно активно развивается производственная культура, а с другой, противоречиво и с меньшими темпами изменяются бытовая и досуговая сферы. Недостаточно высокий уровень заработной платы, по сравнению с другими регионами, не являющимися ресурсными, проблемы с жильем, нарастающая неопределенность с будущим отдельных поселений приводит к тому, что у северян слабо формируется потребность стать активным субъектом саморазвития городской и сельской культуры.

Жители Севера ждут определенных изменений в стране и регионе, а это означает, что до сих пор они рассматривают себя преимущественно в качестве объекта развития со стороны субъектов, находящихся в «центре». Необходимость оптимизации системы взаимодействия центра и регионов связана с заинтересованностью первого в раскрытии творческого потенциала всего населения страны – городского и сельского. Нужны качественные изменения для того, чтобы все социальные группы стали субъектами саморазвития культуры, и при этом могло формироваться то новое, что способно стать катализатором инновационных преобразований в регионах России.

Проблема соотношения центра и окраин, в той или иной степени присутствующая во всех странах, наиболее ярко проявляется в России в силу ее национальных и исторических особенностей развития. В регионах более рельефно, чем в столице, проявляется противоречивость двух культур – высокой и массовой. Можно сказать, что в каждом регионе создается своеобразный тип «натурального духовного хозяйства», а разрыв духовных связей между центром и регионами ряд ученых пытается оправдать мифами о самодостаточности региональной духовной жизни. По мнению Л.Н. Когана [4], духовная жизнь провинции проявляется в особых социально-психологических отношениях между жителями, складывающихся как результат особой производственной деятельности, осуществляемой в специфических условиях. Целостность этих элементов выступает основным условием воспроизводства и провинциальной, и столичной культуры.

В связи с этим, изучение особенностей и противоречий городского и сельского образов жизни, многообразия социальных групп и их взаимоотношений, становится особенно актуальным. И.А. Скрипачева [10] указывает на требования городского населения вернуться к нормальной социальности – к групповой идентичности и социокультурной самоорганизации. Данное требование связано с ценностной шкалой индивидуального, включающей чувство собственности, положительные эмоции, вызываемые

владением каким-либо местом, территорией; ощущение безопасности, социальной, физической и психологической защищенности, возможность снизить негативные эмоции, обеспечение индивидуальности, неповторимости среды, как для самопрезентации на внешнем уровне, так и для создания глубоко персонализированной среды, соответствующей вкусам и смыслам ее жителей.

Об актуальности проблем функционирования сферы культуры в российском обществе свидетельствует статья Президента РФ В.В. Путина [8] в которой отмечается, что миссия культуры и искусства не может ограничиваться коммерчески ориентированной активностью в данной сфере. Государство должно обеспечивать широкий доступ каждого гражданина к национальным и мировым культурным ценностям, формировать публичные электронные библиотеки, музейные и театральные интернет-ресурсы, приобретать права на бесплатное размещение в интернете известных фильмов и спектаклей. Культурным практикам необходимо вернуть себе ключевое место в организации досуга населения, развивать систему самодеятельного художественного творчества. Особое внимание государство как социальный институт планирует уделять работе музеев, театров, библиотек и творческих клубов в малых городах, где наблюдается наибольший дефицит культурного досуга. Данные направления войдут в проект государственной программы развития культуры в малых городах.

Библиографический список

1. Бабаева А.В. Влияние городского культурного пространства на человека // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве: традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 102.
2. Заборова Е.Н. Город на грани веков. – Екатеринбург, 2007. – С. 28.
3. Калабаева Ж.А. Некоторые характеристики сельской территориальной общности // Социокультурная реальность: спектр аналитических подходов. – Челябинск, 2008. – С. 122-128.
4. Коган Л.Н. Духовный потенциал провинции вчера и сегодня // Социологические исследования. – 1997. – №4. – С. 122-129.
5. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. – 2000. – №7 – С. 3-12.
6. Любовный В.Я. Малые города в стратегии социально-экономического развития России и ее пространственной организации // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Ч. 2. / Редколл. Ю.С.Пивоваров и др. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – С. 477-479.

7. Обедков А.П. Малые города как фактор модернизации Российского пространства // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Ч.2. / Редколл.: Пивоваров Ю.С. и др. – М., 2011. – С. 504-507.
8. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России. URL: <http://www.putin2012.ru/>.
9. Симагин Ю.А. Перспективы существования малых городских населенных пунктов в России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Ч.2. / Отв. ред. Пивоваров Ю.С. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 524.
10. Скрипачева И.А. Теоретические и организационные аспекты социокультурных процессов в современном городе // Вестник МГУКИ. – 2006. – №4. – С. 100-102.
11. См.: Скульмовская Л.Г. Культурное пространство Югры: новые города. Монография / Институт экономики УрО РАН, НГПИ / Отв. ред. Б.С. Павлов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 248 с.
12. Хорошкевич Н.Г. Риски в области культуры сельских и городских жителей // Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ. Материалы международной научно-практической конференции. Ч.1. – Челябинск, 2010. – С. 169-171.

Томаска А. Г., Якутск

Роль этнокультурного потенциала в социализации коренных малочисленных народов Севера в условиях городских поселений

Аннотация

Анализ первичных социологических данных, собранных в 2010-2012 годах в городах Якутск, Нерюнгри среди коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) показывает, что этнокультурный потенциал коренных этносов Севера имеет институционально социализирующее значение для разных поколений в формировании ценностной системы северного общества в современных условиях.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, городские поселения, этнокультурный потенциал, этноэкологические, национальные традиции, урбанизация, ценностные ориентиры, социализация

В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу от 18 сентября 2008 года одним из основных национальных интересов Российской Федерации в Арктике указано сбережение уникальных экологических систем Арктики. Многовековой опыт жизнедеятельности и природопользования в экстремальных условиях Севера обусловил специфику формирования природоохранных национальных традиций коренных малочисленных народов Севера, позволивших им не только «удержать за человечеством уникальный плацдарм среды обитания человека, но и создать на нем своеобразную духовную и материальную культуру»¹.

Климатические, ландшафтные особенности арктических территорий сформировали современный облик, жизнедеятельность, поведение, психологию, мораль и этику коренных малочисленных народов Севера. Формы этноэкологических традиций народов Севера и их проявления многогранны и охватывают все сферы материальной и духовной культуры, формируя их мировоззрение, философию и ценностные ориентиры.

¹ У.А.Винокурова. Народы Севера как часть циркумполярной цивилизации. Якутск, с. 19.

В настоящее время вследствие социально-экономических преобразований в Российской Федерации реструктуризация производственной и социальной инфраструктуры способствовала изменению структуры населения Севера и Арктики. В северных районах Якутии численность всего населения в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера значительно сокращается в годы проведения реформ. Среди коренных малочисленных народов Севера общей тенденцией в изменении расселения в настоящее время является увеличение численности городского населения. Так по данным Госстатистики Республики Саха (Якутия), за период с 1979 по 2006 гг. сельское население районов проживания коренных малочисленных народов Севера сократилось на 10%¹. Безработица в сельских населенных пунктах (в общинах и в отдельных поселках число безработных колеблется в пределах 60–80% трудоспособного населения), низкие доходы в традиционных отраслях хозяйственной деятельности способствуют пополнению рядов мигрантов в города и поселки городского типа.

Эмпирической базой послужили результаты анкетного опроса проведенного в городах Якутск, Нерюнгри Республики Саха (Якутия) в 2011–2012 гг. среди мигрантов – представителей коренных малочисленных народов Севера из мест их компактного проживания в городские поселения: молодежь от 14 лет до 30 лет, коренные этносы в трудоспособном и старше трудоспособного возраста – независимо от стажа проживания: работающие в разных сферах на предприятиях разного вида собственности, безработные, студенты высших и средних профессиональных учебных заведений и учащиеся старших классов. Исследование продолжающееся. На сегодняшний день общий объем выборки составил 185 мигрантов в возрасте от 14 до 78 лет.

60,0% опрошенных представителей коренных малочисленных народов Севера, проживающих в городах, планируют вернуться на малую родину, несмотря на то, что среди наших респондентов 87,4% удовлетворены жизнью в городских поселениях. При этом молодое поколение более позитивно относится к переезду в город – 94,7%. Главными критериями в позитивной оценке городского поселения служат бытовые удобства и развитость социальной инфраструктуры – 46,8%, расширение круга общения – 18,7%. Треть опрошенного старшего поколения (32,4%) и почти половина (49,6%) молодых представителей коренных малочисленных народов Севера хотели бы остаться в городе на постоянное жительство, хотя 1,0% из них не уверены в своих желаниях.

Факторами, усложняющими социализацию в условиях урбанизации, по мнению почти трети наших респондентов, являются личная и экологическая безопасность. Загрязненность воздуха и обилие транспорта являются для мигрантов-северян важным индикатором в негативной оценке комфортности городского поселения. В интервью представители коренных

¹ Социально-демографическая характеристика населения районов проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года. Аналитическая записка №162-наз. - Якутск, 2007.

малочисленных народов Севера часто выражают озабоченность плохим самочувствием в связи с запахом бензина, пылью и грязью города. В то время как, по всей видимости, изменения в специфических для северян особенностях рациона питания, темпа и ритма жизни не затрагивают их фундаментальных этноэкологических стандартов жизнедеятельности.

Исторический опыт, нравственные истоки, значимость культурно-исторических традиций являются для коренных малочисленных народов Севера ценностью, фундаментом для формирования социальных ориентиров в городских условиях. 78,2% городских представителей коренных малочисленных народов Севера считают, что каждый должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа. 85,3% взрослых респондентов и 71,8% молодых считают, что знание традиций своего народа имеет важное значение для личности в современных условиях.

Взрослые городские представители народов Севера преимущественно обращаются к культуре и традициям для того, чтобы чувствовать себя частью своего народа (62,5%). У молодежи несколько другое отношение, обусловленное возрастными особенностями: 43,3% считают, что знание культурных традиций своего народа необходимо для осознания ценности и формирования уважения к историческому опыту предков; 30,5% принимают культурные особенности как данность, не задумываясь об их значении: «я об этом не думала, но мне кажется, что они важны»; 24,6%, так же как и взрослое население, для осознания себя частью своего народа.

Хотя 74,6% молодых горожан уверены в необходимости знания традиций и культуры своего народа, только половина их (50,7%) отмечают реальные знания конкретных традиций, обрядов, ритуалов народов Севера. В то же время старшее поколение (73,6%) достаточно свободно ориентируется в национальных традициях. В отличие от молодых представителей коренных малочисленных народов Севера (42,5%), старшее поколение хорошо знает и использует в повседневной жизни бытовые обряды и традиции (91,2%). Кроме того, старшие северяне знают охотничьи и рыболовные – 87,5% (молодежь – 63,7%), оленеводческие – 68,8% (молодежь – 48,2%), праздничные обряды и ритуалы – 77,4% (молодежь – 72,6%).

При этом уровень знания хозяйственно-бытовых элементов этнической декоративно-прикладной культуры таких, как национальный костюм, хозяйственно-бытовые предметы, промысловые снасти, оснастка чума довольно высок – от 90,4 до 62,1%. Необходимо отметить некоторую утрату элементов культуры, связанной с верованием народов, так, например, амулеты известны 62,5% взрослого и 35,1% молодого городского населения из числа коренных малочисленных народов Севера. Фольклор преимущественно представлен песнями и танцами – 77,4% среди взрослого и 74,2% среди молодого населения. Сказки и предания знают 69,7% взрослого и 58,8% молодого населения.

Значимость в процессе социализации национальных традиций, их фундаментального духовного значения, обеспечивающего связь поколений и самосознание для коренных малочисленных этносов, подтвержда-

ется и тем, что 91,2% городского взрослого населения и 82,6% молодежи коренных малочисленных народов Севера хотели бы сохранить их в семье и передавать следующему поколению.

Этнокультурный потенциал, таким образом, служит для коренных малочисленных народов Севера одним из основных, проверенных временем, принятым молодым поколением наряду с инновационными формами, институтов социализации и гарантом и основой формирования ценностной системы северного общества в современных условиях.

Федотова Н. Д., Якутск

Местное самоуправление: о некоторых факторах активности населения

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи информированности респондентов на уровень готовности участия в местном самоуправлении.

Ключевые слова: местное самоуправление, информированность, понимание, готовность участия, активность

Местное самоуправление является тем институтом, который без опоры на инициативу и активность граждан в решении актуальных проблем не будет «работать». Несомненно, его становление и развитие - сложный и длительный процесс. За исключением ключевых проблем развития местного самоуправления в Республике Саха (Якутия) следует также выделить:

1. Низкий уровень жизни большинства населения.
2. «Ментальность советского человека» - патерналистское отношение к жизни.
3. Неразвитость политической культуры населения.
4. Ограниченность доступа к информации в силу разных причин и др.

В первом квартале 2012 г. проведено социологическое исследование «Местное самоуправление: проблема обратной связи» в Хангаласском улусе Республики Саха (Якутия) в рамках НИР «Якутия в условиях глобальных трансформаций: арктический опыт в историческом и культурном процессе» (2010-2012 гг.). Хангаласский улус находится в центральной части Республики Саха (Якутия), представлен городскими и сельскими поселениями, равномерным распределением промышленного и сельскохозяйственного производств.

В анкетном опросе приняли участие жители г. Покровск, п.г.т. Мохсоголлоох, сс. Техтюр, Октемцы (n=350), из них женщин 52,2%, мужчин 47,7%; якутов 69,4%, русских 20,2%, представителей коренных малочисленных народов Севера 3,1%, других национальностей 3,4%; по возрасту респонденты распределились следующим образом: 18-24 - 21,1%, 25-34 –

20,5%, 35-49 – 26,2%, 50-59 – 21,1%, 60 и старше – 10,9%; респонденты с высшим образованием составили 33,4%; с незаконченным высшим – 13,1%; среднеспециальным – 35,7%; общим средним – 14,9%; неполным средним – 2,9%;

Приступая к анализу результатов полученных в ходе исследования данных, следует сказать, что, многие исследования становления и развития местного самоуправления одной из главных причин «торможения» развития местного самоуправления указывают на недостаточную включенность самих жителей в его осуществление. По данным ВЦИОМ по всероссийской выборке большинство граждан не воспринимают местную власть как «свою» власть. Представления о местном самоуправлении как о форме осуществления народом своей власти, самостоятельно и под свою ответственность решение с населением вопросов местного значения не укрепляется, а напротив ослабляется. Если в 2005 г. именно так охарактеризовали местную власть, местное самоуправление 46% опрошенных, то в 2008 г. уже 38%. И напротив, более устойчивым является представление о том, что местное самоуправление – это не что иное, как представительство государства на местах, предназначенное для представления в распоряжение государственной власти. В 2005 г. так считали 41% опрошенных в общероссийской выборке. В 2008 г. уже 44%. То есть базовое представление о том, что местное самоуправление – это наша власть, которую мы избираем, что мы сами ее исполняем, этого представления пока более чем у половины россиян отсутствует [1, с. 7-8].

Обратимся к результатам исследования в Хангаласском улусе. Во-первых, определим позиции респондентов об уровне своей информированности о выражении «местное самоуправление» (см. рис. 1).

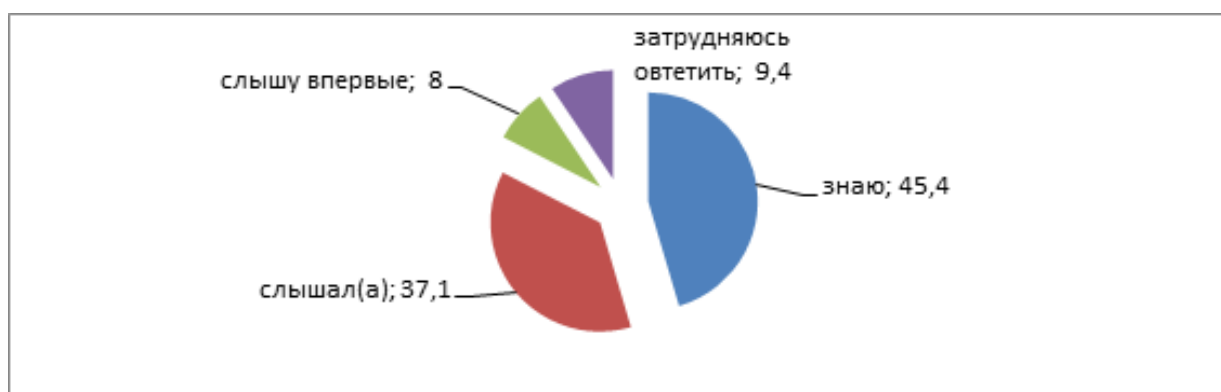

Рис. 1. Уровень информированности респондентов о выражении «местное самоуправление»

Из рис. 1 видно, что чуть менее половины 45,4% опрошенных определили себя как «знающие», вторую группу составили те, кто имеет некое представление, но не уверен 37,1%.

Во-вторых, насколько адекватно понимают данное выражение те, кто ответил, что «знают». 71% из этой группы выбрали вариант ответа, что местное самоуправление – это форма осуществления народом своей власти, самостоятельно и под свою ответственность решение населением вопросов местного значения. То есть, можно сказать, что у большей части

населения есть понимание того, что местное самоуправление – это «наша» власть. Теперь обратимся к группе выбравшей вариант ответа «слышал(а)» 37,1%. Из них корректно ответили 64,6%.

Таким образом, следует отметить, что по сравнению с результатами исследований 2005 и 2008 гг. в общероссийской выборке результаты опроса 2012 г. в отдельно взятом муниципальном районе республики дают высокие показатели по адекватности понимания местного самоуправления и среди тех, кто твердо знает и среди тех, кто только слышал.

Если дать краткую характеристику группы с «верным» представлением, то 59,2% составляют мужчины, 50-59 лет со средним специальным образованием.

В-третьих, попытаемся выявить влияние понимания о том, что есть местное самоуправление на уровень готовности респондентов на предложение участвовать в решении местных проблем (см. таблицу 1).

Таблица 1

Уровень готовности участия в решении местных проблем респондентов, %

1.	Обязательно принял(а) участие	40,7
2.	Возможно принял(а) участие	44,2
3.	Нет, не приняла(а) участие	7,0
4.	Затрудняюсь ответить	7,9

Как видно из таблицы 1 у респондентов, корректно идентифицировавших определение «местное самоуправление» готовность участия довольно высокая 40,7%, что можно предположить «верное» представление повышает уровень готовности к активному участию в решении «своих» проблем.

Однако наибольшую часть составляют «сомневающиеся» респонденты, которые еще не определились со своей позицией 44,2%. И здесь необходимо выявить, что мешает данной условной группе активно участвовать в решении местных проблем (см. рис. 2).

Рис. 2. Причины пассивной позиции респондентов в решении местных проблем

Как видно из рис. 2 в ряде возможных причин своей пассивной позиции респондентами обозначены на первом месте - концентрация на личных (семейных, повседневных) проблемах 34%, на втором – отсутствие необходимой информации 22%, на третьей позиции - затрудняюсь ответить 18%, далее следуют – незаинтересованность местной власти 16%, недоверие к власти 14%, неверие в свои силы 4% и другое 2% (состояние здоровья). Здесь, на наш взгляд, стоит обратить внимание на такую причину как отсутствие необходимой информации, т.е можно предположить «обладание» необходимой информацией даст положительный импульс на уровень готовности сомневающихся респондентов.

В-четвертых, рассмотрим участие респондентов в деятельности различных организаций, которая является индикатором активности адекватно понимающей группы (см. рис. 3).

Рис. 3. Участие респондентов в деятельности различных организаций

Как видно из рис. 3 популярными формами участия продолжают традиционно оставаться профсоюзы 48,6%; клубы, кружки по интересам 13,2%; спортивные кружки и секции 10,6%; танцевальная и театральная студия 3,5%. – это так сказать «наследие советской системы». Наиболее интересными показателями являются данные по участию респондентов в экологических организациях, общественных движениях 3,5% и органах местного самоуправления 7,9%. Эти формы участия являются, во-первых, новыми, во-вторых, участие в них является действительно не формальным, а исходящим из внутреннего побуждения, инициативы каждого, осознания личной ответственности. Для сравнения приведем результаты регионального социологического исследования Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия) «Республика Саха (Якутия): проблемы региональной безопасности в условиях глобализирующегося мира (социально-политический аспект)», проводившегося в 2005-2007 гг.:

экологические организации, общественные движения 1,7%; органы местного самоуправления 4,1%. Если в целом по региону показатели не очень высокие, то в исследуемом районе они заметно выше. И говоря о некоторых характеристиках участников данных форм активности выделим следующие: если в экологических организациях и общественных движениях участвует молодежь до 35 лет с пропорциональным распределением по гендерному признаку, то в органах местного самоуправления заняты в основном женщины 88,8%; в возрасте 35-49 лет 44,4%; с высшим образованием 55,5%. Следующим важным показателем являются данные по группе респондентов не участвующих ни в какой организации 30% (для сравнения по результатам 2005-2007 гг. они составляли 43,4%). Это в основном мужчины 64,7%; в возрасте 35-49 лет 27,2%; с высшим образованием 54,5%.

Таким образом, несмотря на то, что сохраняются такие формы активности, которые основаны в основном на пассивном участии (члены трудовых коллективов, как правило, являются членами и профсоюзов, участие в политической партии может означать только внесение взносов и за счет этого количественный рост членов партий), выделяются положительной динамикой такие формы активности как экологическая организация, общественное движение, органы местного самоуправления, где главным фактором является инициатива и реальное участие гражданина. Говоря же о доле не участвующих ни в какой организации, по сравнению в целом по республике за период 2007 и 2012 гг., по данному улусу сравнительно ниже.

Подводя итоги, можно сказать о том, что в целом информированность населения о сути местного самоуправления имеет положительную динамику и как следствие понимание вопроса повышает уровень готовности участия в местном самоуправлении. Как и следовало ожидать, наиболее адекватно понимающей группой является мужская часть населения.

Кроме того, как показывают результаты, несмотря на то, что в целом готовность участия респондентов в решении актуальных проблем относительно высокая и динамика активности положительная, следует заметить факт того, что сохраняются «пассивные» формы участия.

Очевидно, привлечение населения к участию в местном самоуправлении следует рассматривать не только как первоочередную задачу органов государственной власти и местного самоуправления, но и самих граждан. Планомерная и систематическая деятельность со стороны органов власти может оказаться результативной, если основной интерес к местному самоуправлению будет исходить «снизу», от самого населения [2, с. 204].

Библиографический список

1. Гетманская М. Формально активности граждан ничто не мешает, но ее почему-то нет//Муниципальная власть. 2009. №1.
2. Незнамова Е.А. Местное самоуправление: прошлое, настоящее, будущее/монография. — М.: Изд-во РАГС, 2009. — 268.

Хакназаров С. Х., Ханты-Мансийск

Здоровье коренных малочисленных народов Севера Югры в контексте социологических исследований

Аннотация

Тема здоровья коренных малочисленных народов Севера была и остается актуальной социальной проблемой в современных условиях. В докладе мы будем рассматривать вопрос о факторах, влияющих на здоровье коренных малочисленных народов Севера Югры. Обобщены и проанализированы результаты этносоциологических исследований, проведенных сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок в 2006 и 2008 годах на территории Сургутского района Югры.

Ключевые слова: коренные народы Севера, респонденты, здоровья коренных народов Севера, факторы

Тема здоровья коренных народов Севера была и остается актуальной в современных условиях. Данной проблеме посвящено много исследовательских работ. Например, крупный исследователь по проблемам здоровья коренных народов Севера В.И.Хаснулин [1], отвечая на вопрос «*Чем объяснить нарастающее ухудшение уровня здоровья коренного населения Сибири в последнее десятилетие?*», отмечает, что именно жители Сибири имеют эволюционно выработанные механизмы выживания в неблагоприятных климатогеографических условиях этих регионов. Снижение устойчивости к заболеваниям у коренных жителей Сибири обусловлено, прежде всего, негативным действием социально обусловленного стресса. По мнению многих специалистов, малочисленные народы на большинстве территорий Сибири оказались сегодня одной из самых незащищенных групп населения. Среди главных причин такого положения: тяжелые бытовые условия, недостаточный учет этнического своеобразия коренных народностей, их традиций, и обычаев...

Обращаясь к участникам международной научно-практической конференции «Медико-социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера» [2], экс-Губернатор Югры А.В.Филипенко отметил, что малочисленные народы Севера являются в большой мере эталонными для прогнозирования и организации комплекса мер по сохранению и укреплению здоровья и вновь приехавших жителей и их потомков.

По данным В.И. Хаснулина [1] в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) и на других сопредельных территориях сохраняется высокая заболеваемость инфекционными болезнями. Речь идет об острых кишечных заболеваниях, вирусном гепатите, бактериальной дизентерии, туберкулезе. При этом показатели заболеваемости туберкулезом коренных жителей в несколько раз превышают аналогичные цифры у пришлых жителей этих регионов. Отмечена высокая заболеваемость злокачественными новообразованиями пищевода и желудка, органов дыхания, женских половых органов. Более того, выборочные обследования жителей Сибири показали, что состояние здоровья коренных жителей в ряде случаев становится хуже, чем у пришлого населения.

В 2006 и 2008 гг. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), с целью изучения современного экологического и социально-экономического состояния КМНС Югры, были проведены этносоциологические исследования в местах их компактного проживания.

Опросы проводились в анкетной форме. Анкеты содержали вопросы с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет было много устных бесед по наболевшим проблемам.

В частности нам было интересно узнать мнение жителей о факторах, влияющих на их здоровье. В рамках данного доклада, мы будем обобщать данный вопрос по результатам исследований, проведенных в Сургутском районе Югры.

Кратка характеристика района исследований

В географическом отношении Сургутский район расположен в центральной части Ханты-Мансийского автономного округа - Югры (территория Средней Оби). Общая площадь района составляет 105,2 тыс. кв. км. Численность населения района составляет 118,1 тыс. чел. (на 01.01.2010 г.) 42% территории района занимают территории традиционного природопользования (родовые и общинные угодья - 157 шт.), где проживают более 500 семей (более 2000 чел.) представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), которые занимаются в основном традиционными видами хозяйственной деятельности. Общая численность КМНС на территории района составила 3000 чел. (2,7% от населения района).

Результаты исследований

В опросах приняли участие:

- в 2006 г. 182 респондентов из числа КМНС, из них мужчин 52,20%, женщин - 47,80%; эксперты (45): 35,56% мужчин, 64,44% женщин;

- в 2008 г. 229 респондентов из числа КМНС, из них мужчин - 46,29%, женщины - 53,71%; эксперты (29): 31,03% мужчин, 68,97% женщин.

В качестве одной из проблем мы будем рассматривать проблему здоровья. На вопрос «*Как Вы думаете, что в большей степени влияет на здоровье населения района и Ваше личное здоровье?*» были получены следующие данные, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Факторы, влияющие на здоровье населения района и личное здоровье респондентов (n*=227), в % от числа опрошенных, 2006 г. [3]**

Варианты ответов	Народы Севера	Эксперты	В целом	Народы Севера	Эксперты	В целом
	Население района			Личное здоровье		
Стрессы на работе и дома	22,53	57,78	29,52	29,67	73,33	38,33
Низкое качество медицинского обслуживания	54,40	33,33	50,22	57,14	37,78	53,30
Нехватка денег на медикаменты	42,31	13,33	36,56	48,35	8,89	40,53
Плохое качество воды	46,15	46,67	46,26	48,35	48,89	48,46
Загрязненный воздух, почва, вода	26,92	40,00	29,52	29,67	37,78	31,28
Повышенный уровень радиации	15,38	13,33	14,98	15,38	11,11	14,54
Низкое качество продуктов питания	35,71	20,00	32,60	42,86	24,44	39,21

*Число респондентов.

**Сумма превышает 100%, поскольку один респондент мог дать несколько ответов одновременно.

Как видно из данных, приведенных в таблице 1, большинство респондентов из числа КМНС на первом месте отметили проблему низкого медицинского обслуживания (54 и 57% соответственно по населению района и личное здоровье). А вот респонденты из числа экспертов на первое место отметили проблеме стрессов на работе и дома (58 и 73% соответственно). На второе и третье места, по мнению респондентов из числа КМНС проблемы плохого качества воды (46 и 48%) и нехватка денег на медикаменты (42 и 48% соответственно по району и личное здоровье). Также респонденты отметили и низкое качество продуктов питания (35 и 42%).

При повторных исследований, проведенных в 2008 году, при ответе на этот же вопрос выяснилось, что большинство респондентов из числа КМНС и экспертов (см. таблицу 2) на первое место отметили проблему загрязненного воздуха, почвы, воды (82 и 72% соответственно по району). На второе и третье места респонденты из числа КМНС отметили проблему нехватки денег на медикаменты (59,83%) и низкого качества медицинского обслуживания (43,23%). А вот эксперты, на второе место определили проблему низкого качества медицинского обслуживания (44,83%). Также

респонденты отметили низкое качество продуктов питания (31 и 7,86% соответственно эксперты и представители КМНС). Как видим, в отличие от опроса 2006 г., ответы респондентов из числа КМНС по данному вопросу значительно изменились (35 и 7,86% соответственно в 2006 и 2008 гг.). Данное расхождение объясняется тем, что опросы в 2008 г. проводились в основном на территориях традиционного природопользования (родовых угодий и общин), где жители в основном употребляют экологически чистую продукцию. В отличие от представителей КМНС, эксперты данную проблему поставили на второе и третье места (44,83 и 31,03% соответственно). На четвертое место респонденты из числа КМНС и эксперты обозначили проблему плохого качества воды (19,2 и 24.1% соответственно).

Таблица 2

**Факторы, влияющие на здоровье населения района (n=258),
в % от числа опрошенных, 2008 г.**

Варианты ответов	Население района	
	Народы Севера	Эксперты
Стрессы на работе и дома	4,37	24,14
Низкое качество медицинского обслуживания	43,23	44,83
Нехватка денег на медикаменты	59,83	24,14
Плохое качество воды	19,21	24,14
Загрязненный воздух, почва, вода	82,10	72,41
Повышенный уровень радиации	3,06	3,45
Низкое качество продуктов питания	7,86	31,03

Для сравнения приведем результаты, проведенных нами исследований в Белоярском районе (2008 г.) (см. таблицу 3), при ответе на тот же вопрос выяснилось, что большинство респондентов из числа КМНС и эксперты также на первое место отметили проблему плохого качества воды (44,3% и 40,0% соответственно). На второе и третье места респонденты из числа КМНС и эксперты отметили проблему низкого качества медицинского обслуживания (41,0% в целом) и низкого качества продуктов питания (36,0%). Также все респонденты отметили проблемы недостатки денег на медикаменты (35,0% в целом) и загрязненного воздуха, почвы, воды (23,0% в целом) [4].

Таблица 3

**Факторы, влияющие на здоровье населения района и личное здоровье
респондентов (n*=100), в % от числа опрошенных**, 2008 г. [4]**

Варианты ответов	КМНС	Эксперты	В целом
	Население района		
Стрессы на работе и дома	23,53	13,33	22,00
Низкое качество медицинского обслуживания	42,35	33,33	41,00
Нехватка денег на медикаменты	36,47	26,67	35,00

Продолжение таблицы 3

Варианты ответов	КМНС	Эксперты	В целом
	Население района		
Плохое качество воды	44,71	40,00	44,00
Загрязненный воздух, почва, вода	21,18	33,33	23,00
Повышенный уровень радиации	2,35	0,00	2,00
Низкое качество продуктов питания	35,29	40,00	36,00

*Число респондентов.

**Сумма превышает 100%, поскольку один респондент мог дать несколько ответов одновременно.

Следует отметить, что практически, данное мнение поддерживают и жители (в т. ч. эксперты) других районов округа, что говорит о необходимости решения данных проблем на местах при содействии окружных и местных административных органов власти на местах.

Согласно данным Т.Г. Харамзина, отвечая на вопрос, «*Какие недостатки медицинского обслуживания Вы хотели бы отметить, прежде всего?*», респонденты обозначили следующее: медперсонал недостаточно квалифицирован (20,1%), в продаже нет необходимых медикаментов (38,3%), медицинские учреждения плохо оборудованы (35,2%), в нашем населенном пункте медицинских учреждений нет (1,2%), не обращались или затруднялись ответить (5,2%) [5].

Далее, отвечая на их вопрос «*Как, на Ваш взгляд изменилось состояние здоровья северян за последние несколько лет, после перехода России к рынку?*», были получены следующие ответы: стало лучше – 3,4%, стало хуже – 74,2%, не изменилось – 13,6%, затруднялись ответить – 8,8%.

Отвечая на наш вопрос, «*Как Вы считаете, какие проблемы в вашем населенном пункте и в районе надо решать в первую очередь?*», респонденты из Сургутского района отметили, что в первую очередь нужно решить следующие проблемы: алкоголизма и пьянства (34,8 и 31,28 %), улучшения качества продуктов питания (31,28 и 29,96%) и жилья (32,6 и 29,52 % соответственно в населенном пункте и районе). Приблизительно такие же результаты получены по результатам повторных исследований, проведенных в районе (2008 г.).

Исходя из вышеизложенного, для снижения влияния негативных факторов на здоровье КМНС можно рекомендовать следующее:

- организовать качественное медицинское обслуживание КМНС в труднодоступных районах их проживания;
- контролировать качество медицинского обслуживания в районах проживания КМНС;
- проводить экологический контроль в районах проживания КМНС (в т. ч. решить проблему качества питьевой воды);
- проводить мониторинг правового обеспечения социальных и медицинских проблем на территориях проживания народов Севера;

- проводить экологический мониторинг природной среды и здоровья населения Севера;
- обеспечить рациональное безопасное питание и водоснабжение.

Касаясь проблемы оказания медицинской помощи КМНС, проживающих на территории автономного округа, необходимо поддержать участников расширенного заседания Ассамблеи представителей КМНС Думы Югры от 28 июня 2002 г. [6], которые обращаясь к органам государственной власти, предлагают следующее:

- разработать комплексную программу медицинского обслуживания коренного населения автономного округа;
- обеспечить доступность медицинской помощи;
- приблизить медицинскую помощь к местам компактного проживания коренного населения;
- проводить ежегодную диспансеризацию для получения информации о здоровье населения с обнародованием в средствах массовой информации;
- участковые больницы в крупных селах обеспечить оборудованием быстрого реагирования, связью, транспортом;
- продолжить практику выездных бригад специалистов летом и зимой.

По алкоголизму и туризму:

- строгое ограничение завоза спиртных напитков в места компактного проживания коренного населения;
- организация лечения больных семьями;
- организация реабилитационных центров по укреплению здоровья после лечения;
- организация трудоустройства населения после лечения;
- курортное укрепление здоровья в местных условиях, в зонах хвойных лесов, в привычных условиях.

Библиографический список

1. Хаснулин В.И. Медико-демографические аспекты сохранения северных народов // Материалы Междунар. Науч. конф. «Сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проблема устойчивого развития. – М., 2004. С.138-145.
2. Медико-социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера: материалы междунар. науч.-практ. конф. (тезисы докладов). 29-30 сентября 2005 г. – Ханты-Мансийск, 2005. – 308 с.
3. Хакназаров С.Х. Социальные проблемы коренных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа-Югры // Россия: общество, власть, государство (Вторые казанские социологические чтения): Материалы Всерос. науч. конф. Казань, 22-23 мая 2008 г.: в 4 т. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008. – Т.IV. – С.262-266.
4. Экологические проблемы Белоярского района Югры: социологический аспект Вестник угроведения №2(5). – Ханты-Мансийск, 2011 С. 112-117.
5. Харамзин Т.Г. Здоровье обских угров в зеркале общественного мнения // Медико-социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера: материалы междунар. науч.-практ. конф. (тезисы докладов). 29-30 сентября 2005 г. – Ханты-Мансийск, 2005. – С. 92-94.
6. Об оказании медицинской помощи коренным малочисленным народам Севера, проживающим на территории автономного округа. Проблемы и пути их решения // материалы расширенного заседания Ассамблеи представителей КМНС Думы ХМАО от 28 июня 2002 г. – Ханты-Мансийск, 2003. – 79 стр.

Хохряков Б. С., Ханты-Мансийск

Профессиональная культура муниципального служащего¹

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы профессиональной культуры муниципального служащего (на примере УрФО), сущность социолого-управленческого подхода к исследованию профессиональной культуры муниципального служащего. На основе анализа эмпирического материала и результатов социологического исследования показано, что профессиональная культура муниципальных служащих соответствует параметрам и стандартам модели профессиональной культуры рациональной бюрократии. Современный российский муниципальный служащий в целом соответствует требованиям, предъявляемым профессией чиновника.

Ключевые слова: профессиональная культура, муниципальный служащий, социально-управленческий подход, качества муниципального чиновника, служебный этикет, органы власти, профессиональная компетентность, ценности, патриархальная ориентация, рациональная бюрократия

Исследование профессиональной культуры муниципального служащего в рамках социологии управления направлено, прежде всего, на повышение эффективности и оптимизацию первичного структурного звена всей управленческой системы российского социума — системы муниципального управления.

Смысл социолого-управленческого подхода к исследованию профессиональной культуры муниципального служащего заключается в том, что данное явление рассматривается через динамику социально-управленческих (институциональных и личностных) отношений с учетом нынешней социально-исторической ситуации и современного этапа муниципального строительства.

Социолого-управленческий подход призван в этом исследовательском замысле достичь следующей цели — на базе выявленных закономерностей в процессах развития и функционирования профессиональной культуры муниципального служащего как относительно самостоятельного

¹ На примере УрФО.

социально-управленческого феномена разработать методику управленческого воздействия на эти процессы. Если сформулировать эту цель предельно сжато и схематично, то это означает, что социолого-управленческий подход призван обеспечить реальные возможности влияния на процессы повышения профессиональной культуры муниципального служащего, обеспечить руководство этими процессами.

Следует пояснить в этой связи два принципиальных момента.

Первый связан с указанием на то, что следует рассматривать профессиональную культуру муниципального служащего как относительно самостоятельный социально-управленческий феномен. Такое рассмотрение означает, что необходимо рассматривать профессиональную культуру муниципального служащего с учетом общесоциологических закономерностей всей социально-управленческой системы, всего своеобразия переживаемого социально-исторического времени. Профессиональная культура муниципального служащего – производное своего времени.

Второй момент указывает на то, что социолого-управленческий подход призван обеспечить руководство этими процессами. Понятно, что речь идет об основных параметрах воздействия на профессиональную культуру муниципального служащего, и не означает жесткого детального регламента. Поясним на конкретном управленческом механизме. Можно ли ожидать автоматического повышения профессиональной культуры муниципальных служащих вслед за повышением их зарплаты? Думается, что требуется разработка комплексной стратегии в этом плане, учитывающая и социокультурные, и социально-профессиональные, и организационные факторы. При этом важно выделить ведущие факторы, проанализировать их роль и возможности влияния на них.

Повышение практической отдачи в работе способствуют выработка необходимых качеств служебного этикета муниципальных служащих¹. Какие из этих качеств наиболее важны для работы на занимаемой ими должности? Ниже на таблице 1 приводятся данные о наиболее важных, с точки зрения наших реципиентов, качествах.

Таблица 1

Приоритетные качества служебного этикета муниципальных чиновников, в % от числа ответов

Значения	Чиновники-«северяне»	Чиновники «большой земли»
Доброжелательность	18	18
Способность брать на себя ответственность	14	16
Дисциплинированность	12	12
Честность	11	8
Способность к компромиссу	9	5

¹ Здесь и далее анализируются результаты социологических исследований, проведенных ХМАО, Нижневартовский район («Север») и в Свердловской, Челябинской области, на Юге Тюменской области («Большая земля»).

Продолжение таблицы 1

Значения	Чиновники-«северяне»	Чиновники «большой земли»
Справедливость	8	7
Принципиальность	6	8
Склонность к взаимопомощи	4	7
9.-12. Признание свобод и прав окружающих	3	4
9.-12. Терпимость к «чужим» жизненным идеалам	3	2
9.-12. Служебный педантизм	3	4
9.-12. Неподкупность	3	2
13.-14. Лояльность к власти	2	1
13.-14. Предприимчивость	2	4
15.-16. Открытость	1	2
15.-16. Другое	1	1
Затрудняются ответить	0	1
Итого	100	100

Отмеченные на таблице 1 качества можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, можно выделить «тройку» самых важных качеств:

доброжелательность, ответственность, дисциплинированность. Во-вторых, следует обратить внимание на наименее востребованные качества: открытость, предприимчивость, лояльность к власти, неподкупность, служебный педантизм, терпимость к «чужим» жизненным идеалам, признание свобод и прав окружающих.

Что включает в себя профессиональная культура работника муниципального органа власти? Этот вопрос был поставлен в открытой форме и преследовал главную цель выявить, насколько этические и профессиональные аспекты сочетаются в содержании жизнедеятельности муниципальных чиновников. Вот какие элементы содержания профессиональной культуры были названы ими (см. таблицу 2).

Как видим на таблице 2, в число главных элементов профессиональной культуры муниципальных чиновников вошли, прежде всего, такие ценности, как профессиональная компетентность, квалификация, умение работать с людьми, чувство справедливости и вновь подчеркивается значение доброжелательности, этики, нравственности. Практически мало значимыми оказываются такие ценности, как знание законов, установление хороших отношений с коллегами по работе, принципиальность, упорство, образование, навыки в работе и т. п.

Таблица 2

Основные элементы содержания профессиональной культуры муниципальных чиновников, в % от числа ответов

	Чиновники-«северяне»	Чиновники «большой земли»
Квалификация, компетентность	21	27
Умение работать с людьми	15	13
Этика, честность	13	17
Доброжелательность	11	10
Справедливость	10	2
Ответственность, дисциплина	6	12
Коммуникабельность, культура речи	6	4
Демократичность	5	1
Образование, навыки	4	7
Принципиальность, упорство	4	1
Знание законов	3	3
Хорошие отношения с коллегами	2	2
Самоанализ	0	1
Другое	0	0
Итого	100	100

В чем принципиальное отличие профессиональной культуры работника муниципального органа власти от других органов, предприятий и учреждений? Вопрос был поставлен в открытой форме. Вот какие ответы были получены нами и отражены в таблице 3.

Таблица 3

Основные элементы содержания профессиональной культуры муниципальных чиновников, в % от числа ответов

	Чиновники-«северяне»	Чиновники «большой земли»
Профессионализм	17	13
Умение работать с людьми	15	22
Этика	14	7
Сочувствие, доброжелательность	11	10
Справедливость	11	4
Коммуникативность	6	2
Ответственность	5	11
Демократичность	4	4
Принципиальность	4	2
Образованность	4	0

Продолжение таблицы 3

	Чиновники-«северяне»	Чиновники «большой земли»
Знание законов	3	12
Не отличается	2	6
Хорошие отношения с коллегами	2	1
Самоанализ	1	4
Другое	1	2
Итого	100	100

Как видно на таблице 3, практически никаких принципиальных отличий в профессиональной культуре муниципальных чиновников, в сравнении с элементами других видов профессиональных культур, нам обнаружить не удалось. Это позволяет сделать нам вывод о том, что пока нет четкой ясности и определенности в представлениях современных муниципальных чиновников об этих отличиях. Если это так, то содержание профессиональной культуры в их сознании носит в основном аморфный, не сформировавшийся характер.

Формирование ценностей профессиональной культуры непосредственным образом зависит от характера и стереотипов профессиональной деятельности муниципальных чиновников. Каким образом чаще всего выполняется работа в муниципальном органе власти? Ответы на данный вопрос нашли свое отражение на рис. 1.

Как видно на рис. 1, глубоких расхождений в ответах чиновников-«северян» и чиновников «большой земли» мы не усматриваем. И там, и там доминирует с большим отрывом «голосов» достаточность постановки в работе только общей задачи. Все остальное чиновники реализуют самостоятельно. В то же время у 21% «северян» и у 31% опрошенных среди чиновников «большой земли» весьма значимым является детальная проработка каждого задания. Только 13% «северян» и 7% опрошенных чиновников «большой земли» способны самостоятельно ставить задачи.

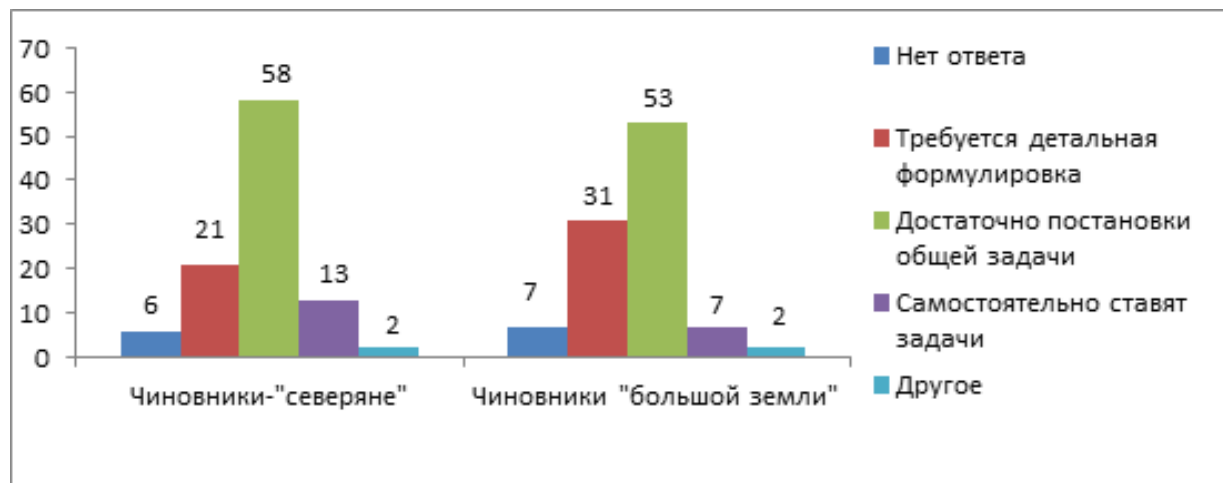

Рис. 1. Приоритетный способ выполнения муниципальными чиновниками своей работы, в % от числа опрошенных

«При принятии решения на чье мнение Вы чаще всего ориентируетесь?» Ответы на этот вопрос для нас весьма важны, поскольку в них выражается субъектная направленность профессиональной деятельности муниципальных чиновников. Вот как эта ориентация показана на рис. 2.

Как видно на рис. 2, отчетливо выявляются три профессиональные ориентации – три типа профессиональной культуры: на мнение других работников, на собственное мнение и на мнение руководителя. В первом случае речь идет об ориентации на «команду». Это ориентация на чиновника-менеджера (социальный государственный менеджеризм). Во втором случае акцент сделан на самого себя в соответствии с четко сформулированными служебными обязанностями. Это ориентация чиновника-«бюрократа» (рациональная бюрократия). В третьем случае ориентация связана исключительно с особенностями управленческой деятельности руководителя. Здесь речь идет о чиновнике консервативного, патриархального типа (патримониальная бюрократия).

Чиновников-менеджеров, как показал опрос, больше сегодня на «большой земле», чем на Севере почти в два раза среди ответивших в группах. Чиновники-бюрократы также несколько превосходят по численности на «большой земле». Чиновников с патриархальной ориентацией, наоборот, заметно больше – почти каждый второй ответивший в группе – среди «северян». Для сравнения: на «большой земле» таких чиновников – каждый третий ответивший.

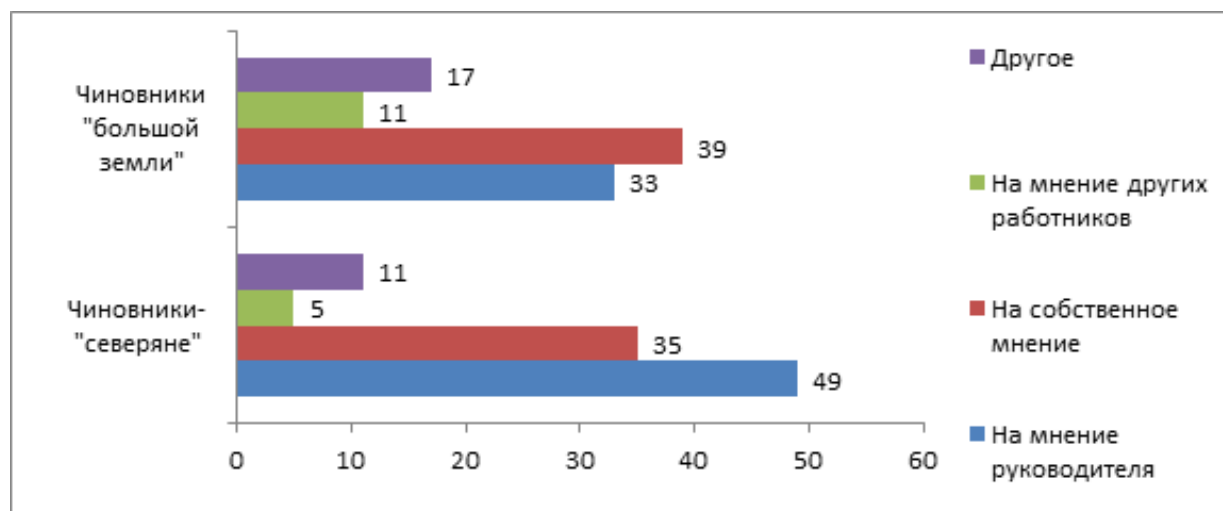

Рис. 2. На чье мнение ориентируются муниципальные чиновники в своей работе, в % от числа ответивших

Преобладание в сознании и поведении муниципальных чиновников той и или иной отмеченной выше профессиональной ориентации в значительной мере отражает и зависит от четкости определения их должностных обязанностей. Проанализируем ответы наших реципиентов с точки зрения этой четкости в содержании профессиональных обязанностей чиновников (см. рис. 3).

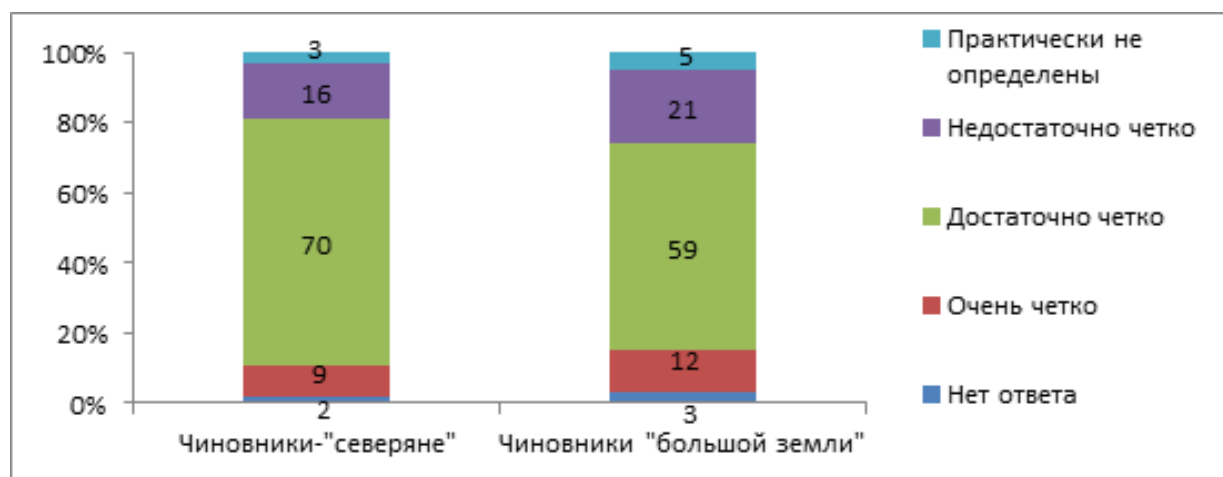

Рис. 3. Насколько четко определены должностные обязанности муниципальных чиновников, в % от числа опрошенных

Как видно на рис. 3, только от 3 до 5% от числа опрошенных муниципальных чиновников работают без четко определенных должностных инструкций. С плохо проработанными инструкциями работают в основном на «большой земле» - каждый пятый опрошенный чиновник. На Севере таких чиновников не намного, но все же меньше – 16% от числа опрошенных. Точно также обстоит ситуация с «очень четко» определенными инструкциями. Их имеют также несколько больше чиновников на «большой земле», чем на Севере (соответственно, 9% и 12% от числа опрошенных в группах). Наконец, чиновников с «достаточно четкими» обязанностями на Севере 70% от числа опрошенных, на «большой земле» - 59%.

Таблица 4

Каким образом чаще всего выполняется работа в вашем органе власти |
При принятии решения на чье мнение Вы чаще всего ориентируетесь,
в % от числа опрошенных

	На мнение руководителя	На собственное мнение	На мнение других работников	Другое
Требуется детальная формулировка заданий....	27,7	25,8	23,1	15,5
Достаточно постановки общей задачи...	59,4	60,7	65,4	65,5
Самостоятельно ставить задачи ...	10,9	12,7	9,6	14,3
Другое	2,0	0,7	1,9	4,8
Сумма столбца	100,0	100,0	100,0	100,0

В ориентации на мнение руководителя проявляются черты патримониального типа профессиональной культуры. Ориентация на собственное мнение характерна для ее рационального типа, поскольку деятельность четко регламентирована, функции и полномочия каждого работника прописаны, ясны и понятны и нет необходимости постоянного обращения к руководителю. Ориентация на командный стиль работы (на мнение других работников) свидетельствует о менеджерском типе.

Вопрос о том «каким образом чаще всего выполняется работа в вашем органе власти?» раскрывает оценку служащими степени готовности работников к самостоятельной, инициативной деятельности.

Из данной таблицы видно, что в профессиональной культуре муниципального служащего проявляются определенные противоречия. Люди, ориентирующиеся на мнение руководителя в тоже время считают, что в их организации работа выполняется большей частью за счет постановки общей задачи и предоставления самостоятельности в способах ее выполнения (59,4%). Ориентация на командно-менеджерских тип находится в зачаточном состоянии, что проявляется в отказе этих служащих от необходимости самостоятельно ставить задачи и добиваться результатов (9,6%).

В итоге можно сформулировать вывод о том, что в ежедневной практике управления муниципального служащего доминирующим является рационально-бюрократический тип деятельности, который проявляет себя порой вопреки установке на патримониальный тип профессиональной культуры. Современный муниципальный служащий работает в парадигме рациональной бюрократии, но объективные условия российской практики управления вынуждают его следовать традициям патримониальной бюрократии.

Таблица 5

**Каким образом чаще всего выполняется работа в вашем органе власти? |
Насколько четко определены Ваши должностные обязанности?**

	Очень четко	Достаточно четко	Недостаточно четко	Практически не определены
Требуется детальная формулировка заданий....	15,2	24,8	26,5	52,4
Достаточно постановки общей задачи...	60,6	63,4	58,3	28,6
Самостоятельно ставить задачи ...	21,2	10,2	13,6	14,3
Другое	3,0	1,6	1,5	4,8
Сумма столбца	100,0	100,0	100,0	100,0

Зависимость от степени определенности должностных обязанностей и мерой готовности работников к самостоятельной, активной деятельности. Те респонденты, которые считают, что должностные обязанности четко определены, на первое место ставят постановку общей задачи (61%). С большим отрывом (21%) идет проявление способности самостоятельно ставить и решать управленческие задачи в пределах своих полномочий. Для тех, кто считает, что их обязанности определены достаточно четко, самым значимым оказывается также постановка общей задачи (63%), но вторым по значимости становится детальная формулировка заданий (25%), спо-

способность самостоятельно ставить и решать задачи оказывается наименее востребованной (10%). Аналогичная ситуация и с респондентами, считающими, что их должностные обязанности определены недостаточно четко.

Для тех же, кто считает, что их должностные обязанности не определены, на первое место выдвигается потребность в детальной формулировке заданий и постоянный контроль.

В итоге можно проследить закономерность между степенью рационализированности, функциональной определенности и степенью готовности к самостоятельной ответственной деятельности. На наш взгляд, это свидетельствует о существовании серьезного резерва для повышения эффективности управленческого труда, о необходимости «бюрократизировать управленческий аппарат», т. е. подчинить его деятельности понятным, единым правилам и процедурам. Отсутствие определенности в формулировке должностных обязанностей создает благоприятную почву для проявления личной воли руководителя, т. е. патримониального типа профессиональной культуры. Формализация деятельности, напротив, сужает зону действия личной воли, подчиняет ее власти формальной процедуры.

«Как в Вашем органе власти относятся к проявлению со стороны работников инициативы?» Этот вопрос оказывает существенное влияние на объяснение характера профессиональной ориентации муниципальных чиновников. Насколько учитываются их инициативы в их работе? Ответы чиновников-«северян» и «большой земли» практически совпали. Более трети опрошенных в группах, прежде всего, «северян», утверждают, что чаще всего их инициативы находят поддержку, а более половины опрошенных заявили, что к инициативам иногда могут прислушаться. Неодобрение инициатив подтвердили только по 7% опрошенных чиновников в каждой из анализируемых групп.

Рассматривая содержание эталонов профессиональной культуры муниципальных служащих, обратим внимание на нравственные ориентиры чиновников зарубежных властных структур. В частности, насколько применимы подобные ориентиры к деятельности муниципальных чиновников-«северян» и на «большой земле» в России, в сравнении с применяемыми нравственными требованиями в США (см. таблицу 6) При этом, очевидно, что наши респонденты отмеченные нравственные максимы рассматривают применительно к действующей практике нравственных отношений в своих органах местного самоуправления.

На таблице 6 отчетливо видно, что муниципальные чиновники, особенно «северяне», склонны усматривать полную применимость указанных нравственных требований. Прежде всего, выделяются такие требования, как отказ от личных финансовых интересов, противоречащих муниципальной службе, от подработки, если это мешает основной работе, не давать несанкционированные обещания за органы муниципальной власти, неразглашение служебной информации и др.

Если учесть в совокупности число тех чиновников, кто затруднился ответить, либо прямо указал на неприменимость нравственных норм, либо даже отметил лишь их частичную применимость, то в приоритетном, но

обратном порядке выделяются следующие нравственные требования: отказ от финансовых интересов, закон выше личных интересов, отказ от подарков, отказ от предпочтений той или иной частной организации, охрана муниципальной собственности.

Таблица 6

Применимость нравственных требований Указа Президента США к работе органов власти, в которых работают муниципальные чиновники, в % от числа опрошенных

Нравственные требования	Чиновники	Применимость нравственных требований				Итого
		Применим в полной мере	Частично	Совсем не применим	Затрудняюсь ответить	
Закон выше личных интересов	«северяне»	63	23	2	12	100
	«большой земли»	49	33	4	13	100
Отказ от финансовых интересов	«северяне»	59	14	4	23	100
	«большой земли»	41	31	9	18	100
Неразглашение служебной информации	«северяне»	71	13	3	13	100
	«большой земли»	58	21	5	16	100
Отказ от подарков	«северяне»	69	9	8	14	100
	«большой земли»	49	24	8	19	100
Не давать не санкционированные обещания за органы власти	«северяне»	71	10	6	13	100
	«большой земли»	57	19	5	19	100
Отказ от предпочтений той или иной частной организации	«северяне»	56	19	6	19	100
	«большой земли»	35	38	7	20	100
Охрана муниципальной собственности	«северяне»	67	14	2	17	100
	«большой земли»	48	33	3	16	100
Отказ от подработки, если это мешает основной работе	«северяне»	71	11	3	15	100
	«большой земли»	56	21	11	12	100
Отказ от личных финансовых интересов, противоречащих службе	«северяне»	76	6	3	15	100
	«большой земли»	60	12	7	21	100
Добросовестное соблюдение всех правил и законов	«северяне»	74	12	1	13	100
	«большой земли»	60	28	1	11	100

В феврале 2012 года в г. Ханты-Мансийске была проведена Думой, Губернатором и Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры при участии аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе и Ассоциации «Уральский окружной ресурсный центр государственной и муниципальной службы» межрегиональная научно-практическая конференция «Правовые основы и практика противодействия коррупции на муниципальном уровне», на которой были, в том числе, рассмотрены и вопросы профессиональной культуры муниципальных служащих. Конференция имела практическую направленность, так например, начальник юридическо-правового Управления муниципального образования Белоярский район М. А. Рябухин выступил с докладом «Воспитание правовой культуры муниципальных служащих как фактор повышения эффективности борьбы с коррупцией», советник главы г. Югорска Н. А. с докладом «Вопросы профилактики коррупционных нарушений муниципальных служащих на примере г. Югорска». Верховский И. А. – начальник Управления по взаимодействию с населением и институтами гражданского общества Департамента общественных связей автономного округа доложил «Об итогах исследования состояния коррупции в Югре и эффективность мер принимаемых по ее предупреждению». В итоговом документе конференции было отмечено, что в ряде муниципальных образований, расположенных на территории Уральского федерального округа, сложилась стройная система деятельности органов местного самоуправления по противодействию коррупции, обеспечивающая реализацию поставленных Президентом Российской Федерации задач по активизации работы в этой сфере. Это свидетельствует об уровне профессиональной культуры муниципальных служащих УрФО. В рекомендациях конференции было записано: «регулярно изучать, обобщать и распространять опыт муниципальных образований, расположенных на территории субъектов Российской Федерации, по совершенствованию антикоррупционной деятельности органов местного самоуправления; - совершенствовать практику обмена положительным опытом работы по противодействию коррупции, накопленным в муниципальных образованиях».

Важную роль в оценке содержания профессиональной культуры муниципальных чиновников играют их профессиональные знания. Они, по-существу, составляют «ядро» профессиональной культуры чиновника. На рис. 4 приведены данные об источниках и характере знаний и навыков, применяемых муниципальными чиновниками в своей работе.

Как видно на рис. 4, чаще всего чиновники пользуются знаниями, полученными из практики своей профессиональной деятельности. При этом «северяне» пользуются такими знаниями чаще, чем чиновники на «большой земле». Несколько меньше опираются на Севере на собственный жизненный опыт профессиональной деятельности в органах муниципальной власти. Поэтому среди них немало занимающихся самообразованием. Систематическими формами образования и формами повышения квалификации охвачено сравнительно немного муниципальных чиновников. При этом особых различий у чиновников Севера и «большой земли» не

наблюдается (опрос проводился в 2004 г.). В последние годы ситуация исправилась. И, если в 2001 году прошли переподготовку или подготовку в соответствии с ныне установленными квалификационными требованиями 12% муниципальных служащих автономного округа, то в 2011 г. - 25%.

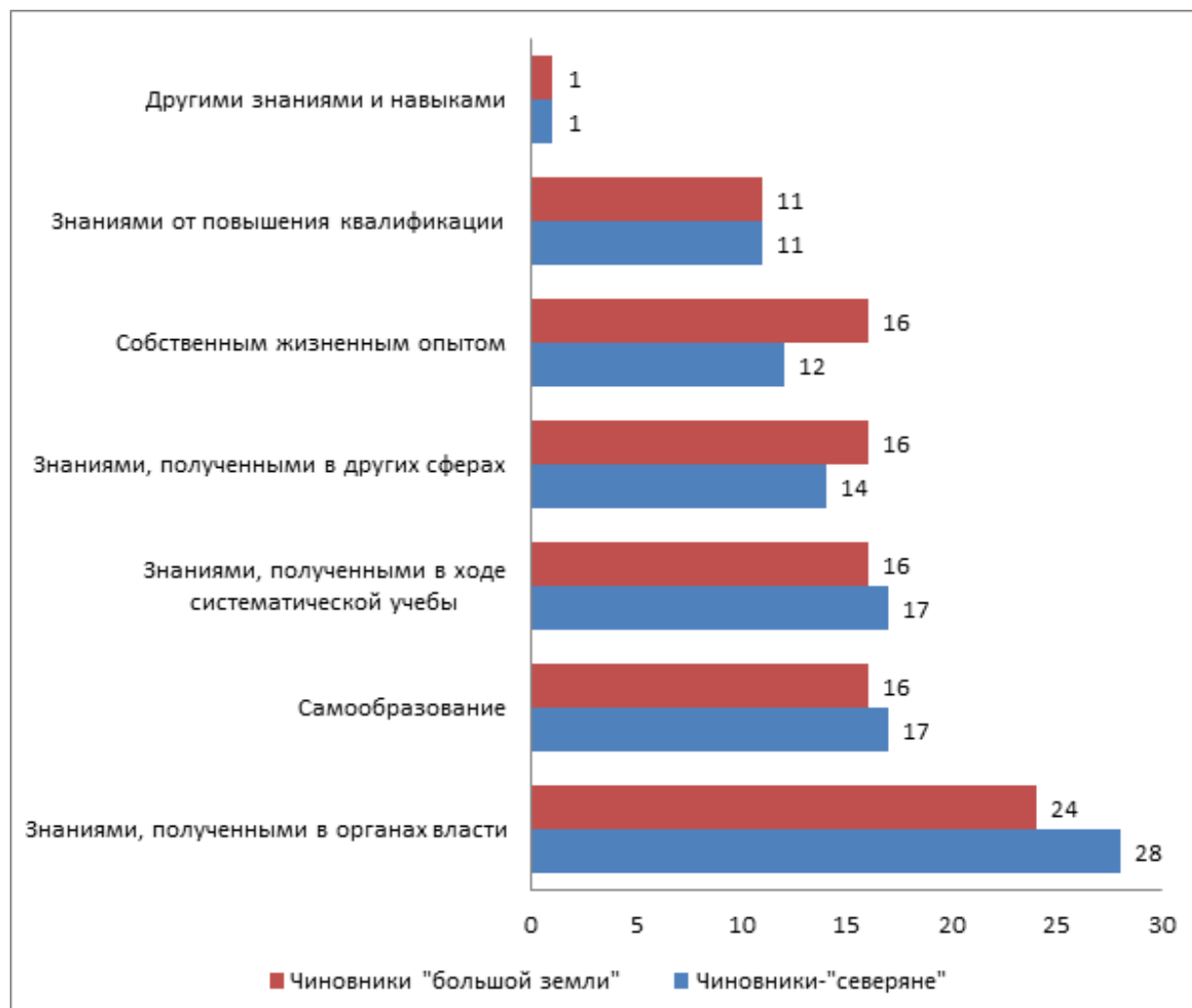

Рис. 4. Знания и навыки, используемые муниципальными чиновниками в работе, в % от числа ответов

«В какой степени Вы знакомы с законодательной базой Вашей профессиональной деятельности?» Ответы на этот вопрос должны были помочь уточнить степень профессиональной подготовленности муниципальных чиновников. Если внимательно посмотреть на ответы, то можно увидеть, что муниципальные чиновники, прежде всего, «северяне» выглядят специалистами, в правовом отношении подготовленными к своей профессиональной деятельности. При этом «хорошо знакомы с законами», по собственным самооценкам, примерно 40% чиновников и только 3-5 % откровенно признались в своем правовом невежестве, либо уклонились от ответа. Следовательно, около 60% опрошенных муниципальных чиновников не в полной степени, либо совсем не знакомы с необходимыми в работе законодательными нормами.

В такой ситуации закономерен вопрос: «Достаточно ли муниципальным чиновникам имеющегося образования для выполнения своих профессиональных обязанностей?» В ответах отчетливо выделяется в целом

позитивный настрой чиновников в отношении достаточности своего образования для выполнения профессиональных обязанностей. В то же время лишь примерно каждый третий чиновник уверенно заявил о полной достаточности своего образования. Только 4% и среди «северян», и среди чиновников «большой земли» отчетливо заявили о недостаточности своего образования. Мнение остальных носит неуверенный и не столь определенный характер.

Тем не менее, видно, что чиновники настроены в целом весьма положительно относительно перспективы получения образования по специальности «государственное и муниципальное управление».

В рекомендациях межрегиональной научно-практической конференции «Правовые основы и практика противодействия коррупции на муниципальном уровне» записано: «обеспечить привлечение на муниципальную службу молодых специалистов с высшим профессиональным образованием по направлению «государственная и муниципальная служба» посредством специального муниципального заказа на подготовку определенного числа будущих муниципальных служащих в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, в том числе Уральского федерального округа». Приход молодежи с высшим профессиональным образованием по направлению «государственная и муниципальная служба» безусловно будет способствовать повышению профессиональной культуры муниципальных служащих ХМАО-Югры.

На основе анализа эмпирического материала и результатов социологического исследования можно сформулировать следующий вывод: профессиональная культура муниципальных служащих соответствует параметрам и стандартам модели профессиональной культуры рациональной бюрократии. Современный российский муниципальный служащий в целом соответствует требованиям, предъявляемым профессией чиновника.

Вместе с тем, этот профессиональный, грамотный чиновник во многом еще придерживается традиций патримониальной бюрократии. Дефицит ресурсов, необходимость принимать волевые решения, жесткая зависимость от личных связей и отношений, отсутствие должной нормативно-правовой базы, дисбаланс межбюджетных отношений и ряд других негативных факторов приводят к тому, что рациональный бюрократ в системе местного российского самоуправления зачастую руководствуется стандартами и шаблонами прежней профессиональной культуры патримониальной бюрократии.